

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ И ОСЕННЯЯ ЛУНА

Segno

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ 1	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ 2	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ 3	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ 4	РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ 5
РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ 6	РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ 7	РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ 8	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ 9	РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ 10
РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА 11	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНА 12	РЫЖАЯ
СОНЯ И
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА 13	РЫЖАЯ
СОНЯ И
КЛАДОВЫЕ
ТЫМЫ 14	РЫЖАЯ
СОНЯ И
БРАТА
НЕМЕДИИ 15
РЫЖАЯ
СОНЯ
И ТЕНЬ
ЕДИНОГО 16	РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕСТЬ
ВОЛЧИЦЫ 17	РЫЖАЯ
СОНЯ
И ОСЕННЯЯ
ЛУНА 18		

РЫЖАЯ СОНЯ

Энтони Варенберг

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ОСЕННЯЯ
ЛУНА

«АСТ» «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва Санкт-Петербург

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
В18

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Иллюстрации Алексея Федоренко

В оформлении обложки использована работа Петра Кудряшова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.08.2002.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5100 экз. Заказ 2157.

Варенберг Э.

В18 Рыжая Соня и Осенняя Луна / Э. Варенберг. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 381, [3] с. — (Рыжая Соня).

ISBN 5-17-016078-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-029-X («Северо-Запад Пресс»)

Судьба приводит рыжую Соню в Немедию, и здесь отважная наемница оказывается в гуще интриг вельмож, оборотней и некромантов всех мастей. Самые неожиданные союзники. Разгадки тайн далекого прошлого. И новые пугающие тайны... Все это ждет ее в Бельверусе. Сумеет ли она не только уцелеть сама — но и спасти своих друзей?

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Глава первая

Араминте едва сровнялось десять зим, когда отец привел в дом новую жену. Откровенно говоря, это событие не столько огорчило или испугало, сколько насторожило ее: своей родной матери, умершей при родах, она не знала, и росла как дикий цветок, имея весьма смутное представление о женской ласке, внимании и прочих вещах, столь естественных для любого нормального ребенка. Отец ее Ишум, занимавший очень высокое положение в Бельверусе, хотя и не отказывал ни в чем единственной дочери, но и о ее существовании вспоминал крайне редко, препоручив Араминту заботам бесчисленных и часто сменявших друг друга нянек, которые не знали никакого сладу со своей нравственной, капризной, некрасивой девочкой, единственной страстью в жизни коей, сколько она себя помнила, были собаки и лошади.

Араминте лично принадлежала целая свора огромных и злобных псов, которые, правда, души не чаяли в юной хозяйке, зато были способны мгновенно вцепиться в глотку любому, кто, по их мнению, мог хотя бы помыслить причинить ей малейший вред, равно как и самые норовистые лошади из отцовской конюшни в присутствии Араминты делались если не образцом смирения и покорности, то, во всяком случае, никогда не выказывали ей своего недоброжелательства.

Что касается людей, с ними Араминта общего языка найти не могла настолько, что даже слуги между собой, с оглядкой и шепотом, разумеется, называли ее дурочкой и глухонемой, ибо Минта терпеть не могла болтовни и на прямые вопросы отвечала каким-то мычанием, не размыкая губ. Вовсе, впрочем, не потому, будто она в самом деле не умела говорить или была косноязычной — просто не любила общаться, предпочитая одиночество или же компанию все тех же лошадей и собак. Все попытки обучить ее простейшим навыкам письма и чтения оканчивались неудачей, и всех денег Ишума не могло бы хватить на то, чтобы заставить дочь постигать науки.

В конце концов, он просто махнул на Араминту рукой, убедившись в бесполезности своих усилий, предоставил ей полную свободу и оставил в покое, смирившись с необъяснимой и непроходимой тупостью своего чада. Араминта только порадовалась такому обороту событий. Учителя, докучавшие ей, были изгнаны из дома, как

она надеялась, навсегда, и больше никто не мешал юной бунтарке проводить на конюшне столько времени, сколько ей хотелось. Она насквозь пропиталась милыми ее сердцу запахами конского пота и навоза, ее грубые от тяжелой работы и крупные от природы руки меньше всего напоминали холеные кисти равных ей по возрасту и положению богатых молодых девушек из знатных семейств, а нрав оставался по-прежнему странным и диким.

Внешне Минта отнюдь не казалась хорошенькой. Высокая, нескладная, резкая, с удлинненным лицом в обрамлении непокорных черных спиралей волос, жестких, как проволока, слишком широко расставленными темно-синими глазами и, опять же слишком, полными, словно вывернутыми, губами — если бы кто-то и назвал ее красивой, то пришлось бы признать, что такой человек обладает несколько странным вкусом и представлениями о привлекательности. Она не была похожа ни на отца, ни на покойную мать, с портретом коей, сохранившимся в доме, украдкой сравнивала себя, ни внешне, ни по натуре, что удивляло как саму Араминту, так и Ишума, седовласого холеного вельможу с безупречными манерами. Иного объяснения очевидному, кроме того, что его дочь ненормальная, и в ее жилах кипит кровь неведомых ему предков умершей жены (собственное родословие Ишум знал наизусть до двенадцатого колена), он не находил.

В доме казначея, благо он отнюдь не являлся евнухом, перебивало немало женщин, но ни с

одной из них, как бы ни были они знатны и красивы, он после смерти первой жены так и не связал свою жизнь. До появления Гларии, которая буквально покорила его. Араминта, разумеется, понятия не имела о причинах, побудивших ее отца совершить столь невероятный поступок и после стольких лет связать себя узами брака, зато ожидала, что чужая женщина, появившаяся в доме на правах ее мачехи, немедленно примется за ее воспитание, и заранее с неизъяснимым злорадством предвкушала фиаско, которое потерпит эта самозванка в своих благих начинаниях, готовясь дать решительный отпор любым попыткам ограничить ее честно завоеванную свободу. Ничего подобного, однако, не произошло. Но появление Гларии сопровождалось таким количеством потрясений и неожиданных происшествий, что у Минты голова пошла кругом — и, признаться, не у нее одной.

Как уже упоминалось, девочка росла немногословной и замкнутой, но отнюдь не глухой. Слушать и впитывать услышанное, извлекая массу сведений из пересудов слуг или гостей, Араминта умела отлично, равно как и принимать к сведению, делая в дальнейшем собственные выводы из всего, что удавалось узнать. Это касалось и Гларии. Что ни говори, подобных красавиц Минта еще не видывала. Нежная и прекрасная, драгоценная, как редкий цветок кактуса, расцветающий на рассвете в песках пустыни, пропорционально сложенная, легкая и стройная в своем черном платье, и с оливковы-

ми глазами, заглянув в которые, можно было, казалось, найти саму тайну жизни, столько печали и терпения было в их глубинах...

Рядом с Гларией Ишум выглядел довольным, он весь так и светился счастьем таракана, устроившегося на кувшине со сметаной. От этого внезапно возникшего сравнения Араминта невольно фыркнула, что означало у нее смех. К своему отцу она нежных чувств не питала, он всегда казался ей чужим. Зато, чем дольше она разглядывала Гларию, тем острее ощущала неведомые ей прежде душевные движения, когда сердце сжимается и тает, будто сосулька на ярком весеннем солнце. Минта так разволновалась, что опрометью умчалась к своим обожаемым псам, и в течение нескольких последующих дней всеми правдами и неправдами старалась не сталкиваться с Гларией даже случайно.

За это время она, однако, успела узнать немало интересного. О Гларии говорили, будто та была возлюбленной известного на весь Бельверус и даже за его пределами гладиатора и актера, звавшегося Эльбером. Будто бы тот совершил тяжкое преступление и был осужден на смерть — казнь еще не совершилась, но ожидалась со дня на день. Относительно Гларии мнение слуг разделилось: одни из них считали, будто бы гордая красавица сумела быстренько окрутить нового благодетеля взамен утраченного и, можно сказать, погибшего. Иные же полагали, и Араминта скорее склонна была разделить их мнение, что Глария ценой своей свободы старается

купить жизнь любимому человеку. Ибо Ишум вполне мог возвысить перед королевским судом голос за Эльбера, если бы захотел, а то и попросту заплатить цену его крови, заодно покупая верность своей избранницы.

Судя по тому, что видела, Минта сделала выводы в пользу последнего предположения. Глария отнюдь не казалась счастливой и удовлетворенной, она не плакала и не жаловалась, она сохраняла непередаваемое тихое достоинство, но боль, разрывающую ей сердце, все-таки скрыть до конца не могла, и точно так же, как сама Араминта, искала уединения.

Девочка, вовсе того не желая, преисполнилась состраданием к ней, и по прошествии некоторого времени сама — что было на нее так не похоже — предприняла робкую попытку сблизиться с этой жеущиной. И даже заговорить! Конечно, Ишум в первый же день представил дочери новую жену, но тогда знакомства, как такового, не состоялось. Минта только молча кивнула и убежала.

Зато потом она первой подошла к Гларии... хотя на самом деле первым был самый жуткий из ее волкодавов, черный как смерть Гай. При его появлении невольно бледнели и замирали на месте даже взрослые мужчины, но не Глария. Когда Гай настороженно обнюхал ее, она не придумала ничего лучшего, как спокойно положить руку на его тяжелую, с прижатыми ушами голову, что обычно позволялось делать исключительно Минте.

— Не бойся, — тем не менее, сказала девочка, — если я не прикажу, он тебя не укусит.

— Я так и поняла, — согласилась Глария, продолжая гладить собаку, — и я вообще не боюсь животных.

— Хочешь, я подарю его тебе? — вырвалось у Араминты. — Гай очень умный и верный. Он станет тебя защищать, если понадобится.

— Нет, — мгновенно отозвалась Глария, — он любит тебя, он твой душой и телом. Нельзя его предавать: и собаке может быть больно, если от нее отрекаются.

Она говорила с Араминтой, как со взрослой и равной себе. Та оценивающе оглядела Гларию, потом отозвала всю свою свору, велел собакам уйти, и произнесла:

— Еще у меня есть лошади. Хочешь на них посмотреть?

— Хочу, но сразу должна признаться, что почти не умею ездить верхом, — сказала Глария.

Глаза Минты расширились от удивления.

— Нет? Ну, так я тебя научу, если захочешь. Увидишь, что нет ничего проще и приятнее!

Между ними, девочкой-дикаркой и женщиной с разбитым сердцем, быстро установился род некоей особенной, крепкой и подлинной дружбы, столь редко встречающейся в мире, взаимной симпатии и сочувствия, когда встречаются две отчаянно одиноких души и обретают друг друга.

Глария и не думала намеренно переделывать Минту, принимая ее такой, какова она есть, а ее

юная подруга умела не задавать лишних вопросов, высоко оценив то, что теперь, впервые в жизни, рядом с ней впервые появился по-настоящему близкий человек, пусть и не родной ей по крови, но щедрый на любовь и доверие.

...В тот день, навсегда врезавшийся в память Араминты, Ишум и Глария с раннего утра покинули дом.

Девочка как потерянная бродила по засыпанным желтым песком дорожкам роскошного отцовского сада, с трепетом ожидая их возвращения, ибо знала, куда они отправились: в это утро должна была совершиться казнь человека, которому принадлежало сердце Гларии. Так сказали слуги, многие из которых тоже отправились на городскую площадь.

Сама же Минта ни за что не пошла бы туда, ибо совершенно не являлась любительницей кровавых зрелищ, находя всякое проявление насилия гнусным и отталкивающим.

Возвратившись, Глария немедленно прошла в свои покои, а Минта далеко не сразу осмелилась приблизиться к ней, только под вечер робко постучав в дверь. Ответа не последовало. Тогда, обеспокоившись, Араминта просто повернула массивную медную с позолотой ручку и вошла. Глария лежала в постели и, казалось, спала, но немедленноотреагировала на звук шагов своей маленькой подруги и попыталась что-то сказать — только слова не шли с прыгающих, искусанных губ.

— Глария! — Минта порывисто обняла ее. —

Я так за тебя боялась! Тот человек... гладиатор... его убили?..

— Нет, он жив, — возразила Глария, — слава богам, его жизнь сохранил твой отец и мой муж.

Араминта, наконец, расцепила руки и едва не вскрикнула, взглянув на свои ладони, липкие от крови.

— Что это? — выдохнула она, не веря своим глазам. Кровь сочилась из кожи на плечах Гларии, пропитывая насквозь тонкую ткань ее платья. Со все возрастающим ужасом Минта увидела глубокие следы от ударов хлыстом на спине подруги.

— Боги мои, кто это сделал? Неужели отец избил тебя? — руки Араминты сжались в кулаки.

— О нет, конечно же нет. Ишум и пальцем ко мне не прикоснулся, — сказала Глария, — клянусь, Минта, что это так.

— Тогда откуда эти ужасные шрамы?

Слезы потоком хлынули из глаз Гларии.

— Я... я принимала его боль на себя... чтобы он меньше страдал... я чувствовала каждый удар, который ему наносили... и они словно бы в самом деле обрушивались на меня. Я надеюсь, что это ему помогло вынести пытку.

От потрясения Минта, кажется, вообще не умевшая плакать, тоже разрыдалась.

— Ох, Глария... неужели ты так сильно его любишь?

— Больше жизни, страшнее смерти, — призналась та, — без него мне и солнце не светит, и

если он умрет, то с ним и я покину этот несправедливый мир. Но не спрашивай меня сейчас... Ступай, иди к себе, Минта, сейчас твой отец придет сюда...

Араминта была уверена, что в эту ночь не заснет, однако все-таки провалилась в тревожную дрему, чтобы неожиданно пробудиться от громких голосов, света факелов, разорвавших темноту, и топота множества ног. Вскочив с постели, Минта бросилась к окну и увидела незнакомого человека, окруженного отцовскими слугами.

— Глария, — отчаянно кричал он, — я пришел за тобой!

На него уже набросилась целая толпа внутренней охраны, он сбрасывал с себя своих противников одного за другим, но их было слишком много, чтобы справиться одному человеку — он каким-то чудом вырвался и бросился бежать, и тут Ишум приказал спустить собак, чьи смертоносные зубы уж наверняка разорвали бы его в клочья.

— Нет, — крикнула Араминта, распахнув окно и перегнувшись через подоконник, — назад, Гай, назад, Вахур!

Услышав ее голос, псы заматались в нерешительности и прекратили преследование, не зная, какому приказу следовать, и это спасло Эльберу жизнь. Правда, его все равно схватили и связали, завернув руки за спину — Араминта видела, как его уводили. Он все пытался обернуться, и в ее памяти накрепко запечатлелось его лицо, искаженное горем и ненавистью.

...А через полтора года Глария умерла. Что было вовсе не удивительно — на Бельверус обрушилась Черная Смерть, без разбору косившая мужчин и женщин, знатных и нищих, и сутками напролет за городской стеной пылали погребальные костры, и над столицей Немедии висели клубы смрадного черного дыма, закрывавшие солнце.

Глария страдала не очень долго — всего день или два...

Как ни странно, Черная Смерть пощадила ее, не обезобразив прекрасных горделивых черт — умершая казалась спящей. Своей властью Ишум совершил невозможное, запретив сжигать тело Гларии и похоронив ее в закрытом гробу в своем фамильном склепе.

Видимо, этой страшной жертвы оказалось довольно, и больше в доме казначея не заболел и не умер никто. Но Араминта почти сошла с ума от горя, в лице Гларии потеряв больше, чем может выдержать человек. Немного оправившись, она стала часто приходить в склеп и разговаривать со своей дорогой подругой, точно та могла по-прежнему слышать ее. Их связывало слишком многое.

За полтора года жизни под одной крышей с Гларией Минта успела совершенно преобразиться, ради подруги научившись всему, что никакими силами не удавалось вбить в ее голову наставникам, а главное, накрепко усвоить понятия о чести, долге, верности и любви, пример которых ежедневно был у нее перед глазами.

* * *

Теперь Араминте было уже девятнадцать. Нельзя сказать, будто бы она превратилась в ослепительную красавицу, хотя годы и сумели сгладить грубоватые черты девочки-подростка, а резкость движений сменилась уверенной грацией. Араминта не чуралась придворных званных балов и чувствовала себя на них совершенно свободно. Уже не раз молодые люди, представители знатных бельверусских семейств, предлагали ей руку и сердце, однако девушка неизменно отвечала отказом. Никто не нравился ей настолько, чтобы связать с ним свою жизнь, и Минта ожидала, когда же наконец грянет гром и отец потребует от нее сделать выбор. Ибо Ишум имел на это право!

Араминта внутренне готовилась к такому повороту событий, поклявшись себе, что лучше убежит из дома, нежели свяжет жизнь с тем, кого не может любить столь же сильно, как Гла́рия — Эльбера. Девятнадцать зим — возраст солидный, ей грозило прослыть старой девицей, почти все ее сверстницы уже успели стать женами и матерями, и только Араминта держалась стойко, пусть и рискуя навлечь на себя отцовский гнев. Ишум отлично знал, что его дочь, хоть и стала несколько сговорчивее и разумнее, чем в детстве, все же таки с изрядной придурью, и до поры до времени не давил на нее, в свою очередь, не желая доводить до безобразного скандала.

Признаться, этот человек мало чего боялся в

жизни, в его руках была сосредоточена немалая власть, какую только могут дать деньги, но на Араминту это не распространялось — ей было безразлично, чем владеет ее отец, ее собственные душа и воля не были его собственностью. Точно так же, как душа и воля Гла́рии. Но та продала себя ему, заключила с ним сделку, и Ишум был совершенно убежден в том, что слово Гла́рии оставалось нерушимым до конца ее дней. Был убежден... Он знал, на что шел, когда провернул с помощью Ликенион самую увлекательную и коварную аферу в своей жизни.

Он и прежде пытался найти способ овладеть Гла́рией — потрясающей женщиной, которую желал до умопомрачения, но та предпочитала ему своего гладиатора, отменяя любые поползновения даже завести с нею разговор о каких-то серьезных отношениях; в то время как Эльбер, по счастью для замысла Ишума, верностью своей возлюбленной не отличался. Он был настоящим повесой, этот самодовольный бритунский выскочка, и менял женщин чаще, чем рубашки.

Не воспользоваться его непростительной слабостью было бы попросту глупо. Ишум полагал, что, стоит лишь обвинить Эльбера в измене и представить очевидные доказательства этого, как Гла́рия в гневе отвернется от него, а проклятому бритунцу место будет на плахе палача; но не тут-то было. Даже когда гладиатор был уличен в связи с Ликенион, супругой военачальника Туорга, и обвинен в прелюбодеянии, Гла́рия не отвернулась от него, вовсе нет. Она явилась к

Ишуму просить за Эльбера... и выкупила его жалкую жизнь, отдав за него все, что имела — себя саму, а потом стойчески терпела два года до самой своей смерти брак с человеком, к которому не испытывала ровным счетом никаких чувств, но лишь исполняла свой долг.

Что касается Ишума, он удивлялся самому себе, но он любил Гларию, как всякое существо, рожденное под солнцем, не могло бы ее не любить — это средоточие душевных и внешних совершенств, в коем счастливо сочетались удивительная доброта, сочувствие, мужество и несказанная прелесть.

Уж если Глария сумела приручить дикарку Араминту, несчастную дурочку Араминту, каковая ходила за нею хвостом и не сводила с махехи полных немого обожания глаз... а теперь часами просиживала на ее могиле, словно ожидая, будто Глария может вернуться с Серых Равнин!

Черная Смерть забрала у немедийского казначея лучшее и драгоценнейшее из всего, что было у него в жизни, и отступила, утолив свой голод, но с тех пор Ишум, как и Араминта, не знал ни покоя, ни радости. Увы, он, в отличие от дочери, в чудеса не верил и понимал, что под могильной плитой ничего нет, кроме горстки желтых костей. А если бы часть души Гларии и в самом деле где-то могла обитать, то из того немислимого далека все равно не отозвалась бы ни мольбам, ни слезам, ни призывам Ишума. Сердце Гларии и при жизни без остатка принад-

лежало другому. Ишум получил только плоть, почти неодушевленную. Сколько раз он спрашивал:

— Как же ты можешь любить того, кто тебя же первым предал и покинул?! — все было бесполезно; властелином всех помыслов и стремлений Гларии оставался только ее прекрасный гладиатор, проклятый комедиант, имени которого она не произносила, но чей образ был с нею всегда; Ишум его ненавидел, да что толку?

Что до самого гладиатора, после попытки похитить Гларию, проникнув в дом казначея, Эльбер снова оказался в тюрьме, и теперь уже Ишум не собирался вмешиваться и пытаться смягчить его участь. Однако король Аргеваль рассудил иначе, предоставив мерзавцу еще один шанс и выставив его в качестве соперника асгардского бойца Каваба. В случае победы он обещал сохранить Эльберу жизнь и дать ему, бритунскому инородцу, право считаться законным подданным Немедии.

К несчастью для гладиатора, он сумел справиться с Кавабом, но и сам здорово пострадал. Ишум от души надеялся, что он не выживет. То, что вынесли с арены Килвы после поединка, было не более чем мешком переломанных окровавленных костей. После таких увечий выжить невозможно. Но Глария не теряла веры. Никогда, ни на миг она не допускала мысли, будто Эльбер мог умереть, и ее любовь продолжала хранить его.

Горе Ишума, когда он потерял Гларию, было

совершенно несоизмеримо с чувством досады, каковое он испытал после смерти при родах первой жены. Сейчас он долго не мог поверить в случившееся, несмотря на заверения маленького узкоглазого лекаря, весьма сведущего в своем деле и бесстрашного настолько, чтобы явиться в дом казначея, осмотреть унесенную Черной Смертью женщину и засвидетельствовать ее кончину: все без исключения иные врачеватели Бельверуса давно забыли о своем долге и уже не посещали заболевших, а тем более опасались приближаться к мертвым.

А этот узкоглазый юркий человек только посоветовал поспешить с похоронами, пока Черная Смерть не перекинулась на других членов семьи, сам же не выказывал страха, объяснив свое мужество тем, что в свое время страшная болезнь хоть и коснулась его, но не погубила, значит, он стал навеки неуязвимым для нее. Печальный обряд был совершен поспешно, однако по всем правилам, и с той поры тело Гларии покоилось под тяжелой мраморной плитой в семейном склепе Ишума.

Лекаря же того казначей хотел щедро вознаградить за смелость, однако слуги не смогли сыскать его, и более никто никогда не видел узкоглазого врачевателя, имени которого Ишум не запомнил.

Разумеется, минувшие годы сгладили остроту тоски, притупили боль потери, жизнь давно вернулась в прежнюю колею, и хотя Ишум нередко вспоминал Гларию, он не мог вечно страдать по

ней и убиваться, подобно Араминте, которая ничего не забыла и так и не успокоилась до конца.

* * *

...Итак, в последнее время упорное нежелание Минты выходить замуж сделалось для бельверусского казначея постоянной головной болью. Упрямство Араминты граничило с помешательством: она избегала мужчин, как огня.

Ишум с раздражением думал о том, что, в конце концов, нельзя же выдать ее за жеребца из собственной конюшни, где девушка по-прежнему предпочитала проводить немало времени! Лошади и неизменные собаки оставались ей куда милее людей.

Таковыми безрадостными размышлениями была наполнена голова казначея в тот день, когда король Аргеваль внезапно велел ему явиться для «тайного», с глазу на глаз, разговора. Как ни странно, речь зашла именно об Араминте.

— Досточтимый Ишум, — начал правитель, — мне известно, что твоя красавица дочь все еще свободна, а брак с нею, безусловно, сделает честь любому немедийскому мужчине. Военачальник Туорг, одержавший победу в битве с пиктами за вверенный ему приграничный форт, просит ее руки...

— Как?! — Ишум был настолько поражен, что осмелился прервать речь короля, не дослушав. — Разве с супругой Туорга, прекрасной Ликенион, приключилась какая-то неведомая мне беда,

если он ищет себе новую жену? Я ни о чем подобном не слышал.

— Нет, — усмехнулся Аргеваль, — Ликенион пребывает, слава богам, в добром здравии, и расставаться с нею у Туорга нет и в мыслях. Твоя Араминта нужна не ему самому, а юному воину, единственному оставшемуся в живых защитнику форта Малиарак, которого Туорг привез с собою в столицу, а я удостоил всех мыслимых почестей, каких заслуживают истинное мужество и верность Немедии, так что ныне этот простой воин стал богатым и знатным человеком, ровней Араминте — об этом не тревожься, твоя дочь попадет в благородные руки человека, о котором прошу лично я, твой король.

Ишум вовсе не был дураком, чтобы не понимать, что подобная просьба равносильна приказу, и выбора у него нет. В то же время уломать Араминту, которая в глаза не видела упомянутого Аргевалем жениха, представлялось делом весьма непростым.

— Мой повелитель, беда в том, что Араминта, как бы выразиться, не совсем... нормальная девушка, с заметными странностями, — осторожно возразил казначей, — как ни печально это признавать. Что, если воин, имени коего я не имею чести знать, не будет доволен таким решением и откажется взять ее в жены?

— Не просто «воин», а немедийский князь Аггу, — поправил Аргеваль. — «Странности» же твоей дочери никого не волнуют. Я видел ее, причем многократно, и знаю, что она отнюдь не

уродлива, обучена этикету и вполне способна составить достойную партию личному другу Туорга. Не хочешь же ты сказать, что Араминта — дурочка и не поймет своего счастья?

— Вообще-то она, в самом деле, не блещет умом, — вздохнул Ишум, отводя глаза.

— Э, кому нужны умные жены, — отмахнулся Аргеваль, — зачем женщине лишние мозги? Умеет связать два слова, и довольно с нее. Место женщины между ног мужчины, разве не так? Подведем итог, досточтимый Ишум. Через два дня при дворе состоится бал в честь Туорга и Аггу. В этот вечер молодые люди будут представлены друг другу, и я объявляю об их помолвке. Позаботься, со своей стороны, только о том, чтобы твоя Араминта оказалась на высоте положения, остальное я беру на себя. Тебе все понятно?

— Да, повелитель, — коротко сказал Ишум, думая о том, что в такой ситуации лучший выход — перед балом оглушить Араминту ударом по голове и доставить ко двору в бесчувственном состоянии, нежели выплясывать, точно на натянутом над бездонной пропастью канате, ежесекундно ожидая скандала: по доброй воле Минта никакого «князя Аггу» на расстояние полета стрелы к себе не подпустит.

Взывать в подобном случае к ее здравому смыслу — дело безнадежное, ибо Араминта и здравый смысл понятия не имеют о существовании друг друга. Два дня — ничтожный срок для того, чтобы уладить это непростое дело. Вот ес-

ли бы Глария была жива! Та была единственным человеком, слово которого для Минты имело силу приказа. Ради нее девчонка пошла бы хоть за демона из преисподней... но увы, Гларию не вернуть. Что ж, придется действовать самому, а что из этого предприятия выйдет, знают одни только боги.

Признаться, идея короля выдать Араминту за безродного юнца, пусть и осыпанного почестями, была не по душе Ишуму, гордившемуся своим древним родословием, но тут уж ничего не поделаешь. Да, казначей терпеть не мог выскочек, ничтожествов, прихоть судьбы внезапно возносившихся на вершину. Но и его дочь отнюдь не была подарком небес; этому Аггу она в любом случае испортит немало крови...

Араминта молча выслушала отца и, как ни странно, с ее стороны не раздалось ни звука против решения, принятого Аргевалем. Как, впрочем, и слова согласия не торопились слететь с ее плотно сомкнутых губ. Поэтому понять, что она думает о своем предстоящем браке, неизбежном и неотвратимом, как смерть, Ишум так и не смог.

— Послушай, Араминта, — изо всех сил продолжая сохранять хладнокровие и не позволяя себе впасть в ярость, проговорил казначей, — король Аргеваль знает, что делает. Тебе давно пора было самой принять решение, благо выбор имелся в изобилии. Твоей руки искали многие, тебе ли не знать. И ты сама виновата в том, что теперь время выбирать упущено безнадежно. Ес-

ли же ты станешь противиться, погубишь себя и меня, но ничего этим не добьешься. Прошу тебя, будь хоть раз в жизни благоразумна! Если не ради меня, то во имя памяти твоей матери и Гларии.

Ишум прибег к запрещенному средству. Минта подняла на него яростно полыхнувшие глаза.

— Чтобы так же страдать рядом с нелюбимым, как она страдала?

— Но твое сердце совершенно свободно! — воскликнул Ишум, проглотив горький упрек. — Да, может быть, я напрасно женился на Гларии, но ты — не она, здесь дело совсем иное.

— Что ты можешь знать о моем сердце, отец? — спросила девушка и сама же ответила: — Ничего. Я не скажу ни да, ни нет, потому что не имею понятия о человеке, которого король видит моим мужем. Все может случиться. Но уж, во всяком случае, не стоит ожидать от меня недостойного проявления недовольства. Я умею держать себя в руках. И мне нравится, что избранник Аргеваля — все-таки воин, а не один из этих богатых изнеженных щенков, которые до сих пор кружили вокруг меня, точно назойливые мухи. Князь Аггу! — она коротко усмехнулась. — Титул, заслуженный в бою, по-моему, достойнее наследственного, от рождения приданного имени. Это мне по душе. Любопытно взглянуть, что это за птица.

Ее слова меньше всего были похожи на рассуждения «дурочки», и у казначея немного отлегло от сердца, хотя Араминта смотрела на ситуацию

совершенно иначе, нежели он сам, и находила прелесть в том, что Ишума как раз настораживало и раздражало. Минта же сумела скрыть пред отцом охватившее ее смятение, но, едва оставшись одна по окончании тягостного разговора, устремилась в склеп и без сил опустилась возле плиты с выбитой на ней надписью: «Глария, возлюбленная жена Ишума».

— Я убегу, как и собиралась, — горячо проговорила девушка. — Разве ты бы поступила иначе на моем месте? О, если бы ты могла поговорить со мной, посоветовать мне, как быть, Глария!..

Неожиданно Минта обнаружила, что не одна, всей кожей ощутив направленный на нее чей-то пристальный взгляд, хотя не услышала ни звука. Она обернулась и выпрямилась.

— Кто здесь?

Ей навстречу шагнул незнакомый мужчина, невысокий, не сказать, что молодой, хотя лица его Араминта толком не видела — он стоял против света.

— Не бойся, — успокаивающе произнес он, — я не сделаю тебе ничего плохого. Ты здесь, верно, часто бываешь?

— Да, но тебя вижу впервые. Ты, что же, следил за мной? — сердито спросила Араминта, раздосадованная тем, что незнакомец нарушил ее уединение.

— Нет, зачем бы мне это понадобилось? — мужчина вплотную приблизился к склепу и теперь стоял в проеме усыпальницы, точно черный силуэт, преграждая Минте путь к выходу.

Ей сделалось не по себе, хотя девушка старалась не выказывать своей тревоги. — Странное место для столь юной особы, — продолжал он. — А я пришел, чтобы всего лишь принести цветы.

— Кому? — спросила Араминта.

— Очевидно, той, с которой ты только что вслух разговаривала, — печально ответил незнакомец.

В голове Минты словно что-то вспыхнуло. Это был он, тот самый возлюбленный Гларии! Гладиатор и комедиант, которого она, Араминта, уже видела однажды.

— Эльбер? — тем не менее, уточнила она, чувствуя, как праведное негодование охватывает ее, обволакивая густой темной волной. — Если это ты, то где же ты был прежде, так долго? Ты опоздал на шесть зим, — она указала на могильную плиту, жестко и сурово глядя в лицо мужчины. — Почему ты позволил ей умереть? Все уверены, что Гларию забрала Черная Смерть, но я не сомневаюсь, что она просто не вынесла жизни без тебя!

— Кто ты такая, чтобы судить, — возмутился тот, — кто тебе дал право меня обвинять и говорить о том, чего не знаешь? Я приходил за ней! Но Глария сама велела мне убираться, и я... она предпочла мне Ишума!

— Никогда, — сказала Минта, — ни на день, ни на минуту Глария не переставала любить только тебя, как же ты можешь оставаться таким слепым? Но ее слово было больше, чем любовь. А ты так ничего и не понял. Я же была с

нею рядом все время, пока она жила в доме моего отца, все видела, слышала, понимала и не забуду до последнего часа.

— Ты дочь Ишума?

— Да, я его дочь, и Глария, пусть совсем ненадолго, заменила мне мать, которой у меня никогда не было. Она слишком много значила и значит для меня до сих пор.

Теперь Эльбер молчал, потрясенный услышанным и не находя слов для возражений и распросов.

— Если я виновен, то лишь в том, что по-настоящему обручен только со своим ремеслом, — наконец хрипло и покаянно произнес он. — В том, что не умею оценить одинокую человеческую любовь и поставить ее дороже и выше восторженного рева толпы на трибунах, приветствующей меня как победителя. Но я сполна заплатил за все, что совершил... наверное, сполна. Поверь, я любил Гларию как мог, как умел, и если бы в моей власти было вернуть ее к жизни, до конца своих дней на коленях вымаливал бы у нее прощение. Ты не откажешь мне в просьбе рассказать все, что помнишь о ней?

Сердце Араминты дрогнуло от сострадания. Этот человек был искретен, он не играл и не лгал, и у него был собственный долгий и тяжкий опыт душевной боли — Минта не могла этого не ощутить. Отбросив сомнения, она подошла к Эльберу и коснулась его руки.

— Конечно, гладиатор. Я ничего не скрою от тебя.

— Тогда не позволишь ли ты мне немного побыть здесь одному с нею? Это не будет долго, — заверил он. — Подожди там, снаружи, всего несколько минут.

Араминта терпеливо ждала, пока он покинет усыпальницу, ждала, сидя прямо на траве и обхватив руками колени. И когда Эльбер появился в темном проеме, невольно вскрикнула: рядом с ним стояла Глария, словно этому человеку каким-то чудом удалось воскресить ее!

Глаза Минты широко распахнулись, а дыхание прервалось. Видение длилось от силы несколько мгновений, однако было поразительно ярким и отчетливым. Араминте мучительно захотелось окликнуть свою прекрасную потерянную подругу, но горло сжалось от волнения, и она не смогла ничего произнести, лишь, вскочив, протянула к призраку руки... чтобы тут же убедиться, что перед нею был только бесплотный фантом. Вместо Глории ее пальцы коснулись Эльбера.

Девушка продолжала пребывать в полнейшем потрясении и плохо понимала, что делает. Единственное, что она знала сейчас — это то, что стоящий перед ней человек скорбит столь же сильно, как и она, что он сам как бы часть души Глории, ведь именно ему та отдала себя без остатка. И Минта обняла его, впервые в жизни по своей воле, без принуждения, сцепила руки на шее мужчины, и спрятала лицо у него на груди.

Эльбер, пораженный ее внезапным порывом, обнял Араминту в ответ. В его жесте не было ни

плотского влечения к ее юному горячему телу, ни тем паче любви, которой попросту неоткуда было бы взяться по отношению к почти незнакомому человеку, даже имени которого он не знал, а одно только желание разделить с кем-то свое горькое прозрение и глубокую печаль.

Они провели вместе три или четыре часа, и все это время Минта подробно рассказывала Эльберу то, что помнила о Гларии. Несколько раз на глаза его наворачивались слезы, а когда Минта поведала о дне казни, о том, что стало с Гларией при виде мучений ее возлюбленного, Эльбер прервал ее речь.

— Я помню... я видел ее, знал, что она была там, стояла почти возле самого помоста и смотрела на меня, не отрываясь. Тогда я был уверен, что ее заставили придти... Но я и представить себе не мог того, о чем ты говоришь, Араминта!

— И я бы не могла, если бы сама не была свидетелем, согласилась девушка. — И вряд ли отозвала бы собак, когда ты ворвался в наш дом той ночью. Я сделала это ради Гларии. Собаки всегда мне подчинялись, так что тебе тогда повезло.

— А я не знал, отчего они тогда вдруг остановились вместо того, чтобы вцепиться мне в глотку. Благодарю тебя, — сказал Эльбер.

Теперь Араминта могла сколько угодно разглядывать его, это по-своему красивое, выразительное, умное лицо, в чертах которого сочетались мужество и обаяние. Несмотря на присущую ей замкнутость, а может быть, даже, напро-

тив, благодаря таковой, воображение Минты было развито очень сильно, и оно легко дорисовывало то, чего девушка видеть не могла, заставляя ее испытывать незнакомые волнующие ощущения, каковые она старалась скрыть.

Эльбер ей нравился, его присутствие рядом заставляло кровь быстрее бежать по жилам. Интересно, его тело под одеждой выглядит таким же сильным, упругим и мускулистым, каким кажется сейчас?..

— Ты знаешь, как убивает Черная Смерть? — спросила девушка. — Некоторых она обезображивает до неузнаваемости, человек словно сгорает изнутри и обугливается. Иные же, но куда реже, испустив последний вздох, выглядят, словно мирно спящие, их черты она отчего-то щадит — так было и с Гларией. Трудно было поверить, что она действительно мертва, но лекарь подтвердил это, не оставив никакой надежды. Она не дышала, ее сердце перестало биться, и она стала такой холодной... — Минта судорожно всхлипнула. — Мне, конечно, было запрещено приближаться к ее телу, но я все-таки это сделала. Я даже поцеловала ее. Я не могла смириться с мыслью, что вижу ее в последний раз.

— Ты могла заразиться, — покачал головой Эльбер, — даже дышать одним воздухом с заболевшими Черной Смертью опасно.

— Знаю, и тогда знала, но я не боялась, и, как видишь, осталась жива, — сказала Минта. — Может быть, меня вдохновил пример лекаря, который бесстрашно подходил к Гларии и при-

касался к ней; я подумала, что это будет несправедливо, если чужой человек воздаст ей последнюю дань, а я не сделаю даже такой малости. Он закрыл ей глаза... этот странный маленький человек с желтой кожей и лисьими глазами, такими черными, что невозможно различить зрачки.

— Повтори, что ты сказала, — сдавленно попросил Эльбер. — У лекаря была желтая кожа и черные узкие глаза?..

— Да, как у кхитайцев, но он не кхитаец, не похож на них. А почему ты...

— Как его звали, Минта? Ты не помнишь имени?

— Подожди, я подумаю. Он как-то себя называл... «звезда», «облако»... нет, как-то по-другому.

— Луна? Осенняя Луна? — Эльбер в безумном волнении взял Араминту за плечи и притянул к себе как можно ближе. — Это очень важно, дорогая! Пожалуйста, вспомни!

— Да, верно. Что-то, связанное с Луной, — она была встревожена его резкостью и той силой, с какою пальцы Эльбера стиснули ее тело, но он этого не заметил, неожиданно приникнув к губам девушки в поцелуе.

— Ты мне очень помогла, милая, — сказал он, наконец — не сразу — оторвавшись от нее.

Араминта все еще прерывисто дышала, охваченная вихрем незнакомых прекрасных ощущений.

Поцелуй Эльбера вовсе не показался ей неприятным или оскорбительным. Ее тело вдруг перестало ей подчиняться, оно пылало и плавилось,

лось, терзаемое жадой повторения и продолжения испытанного.

— Я должен идти, — произнес Эльбер, — мне сейчас очень нужно завершить одно дело.

— Ты еще вернешься? Придешь сюда снова? — тихо и отчего-то жалобно спросила Минта.

— Конечно, приду, и не раз, — заверил Эльбер, — непременно! Надеюсь, мы еще встретимся.

Уже полностью поглощенный своими мыслями, он был здесь и не здесь, и потому мольба, прозвучавшая в дрогнувшем голосе Араминты, осталась незамеченной и неузнанной им. Эльбер удалился, стремительно и ни разу не оглянувшись назад, а девушка так и осталась стоять, глядя ему вслед и обхватив себя руками за плечи, словно порыв сильного ветра коснулся ее души и плоти.

Глава вторая

ы где был так долго? — обеспокоенно спросила Соня, когда Эльбер, точно вихрь, влетел в дом с почти безумным выражением лица. — Что случилось?

— Потом объясню, — отмахнулся он, — подожди пока задавать вопросы. Ты не видела Таймацу?

— Ну, его можно увидеть, лишь если он сам того пожелает, — пожала плечами Соня.

Признаться, она испытала чувство облегчения при виде своего друга, прекрасно зная, что он мастер попадать во всевозможные переделки — не хуже, чем она сама.

Удивительная вещь, она была знакома с этим человеком меньше одной зимы, но успела привязаться к нему всей душой, так, словно знала его с рождения. Их встрече сопутствовала целая череда невероятных событий.

Восемь лун назад девушка отправилась в Черные королевства на поиски древнего Города, руины которого были скрыты в непроходимых лесах Дарфара. Асгардский жрец магического ордена, граф Ютен, послал Соню туда, чтобы она принесла ему талисман легендарного дарфарского царя Элгона, иначе именуемого Сыном Света.

Однако рыжей дочери Рыси едва ли удалось бы с честью осуществить свою миссию, если бы боги не послали ей в помощники Эльбера. Этот человек шесть зим провел в Черных Королевствах, сделавшись членом одного из местных племен и взяв себе дарфарское имя Муонг — Поющий Охотник. Прежде он, уроженец Бритунии, был знаменитым гладиатором и одновременно актером, сражавшимся и выступавшим в бельверусской Килве, знаменитом на всю Хайборию театре. Но судьба его была трагична.

Связавшись с женой военачальника Туорга, вероломной Ликенион, Эльбер был обвинен в прелюбодеянии, а поскольку он являлся инородцем, покусившимся на честь супруги законного подданного Немедии, расправа оказалась быстрой и жестокой. Его публично высекли кнутом на главной городской площади Бельверуса, несмотря на то, что прежде Эльбер был не только очень знаменит, но и являлся фаворитом самого короля Аргеваля; мало того, его возлюбленная по имени Глария стала наложницей казначея Ишума.

Узнав об этом, Эльбер бросился туда, чтобы спасти ее, но его снова схватили. Теперь казнь

была неизбежна. И только то, что король Аргеваль предложил ему выйти на поединок с асгардским воином Кавабом, спасло гладиатору жизнь. Правда, в результате этого сражения он был изувечен до такой степени, что эта самая жизнь висела на волоске.

Лишь усилия Таймацу, лекаря с Радужных Островов, возвратили Эльберу прежнюю физическую мощь. Гладиатор вернулся в Бельверус и предложил Гларии бежать с ним вместе, но та отвергла его и велела убираться. Он отправился в Черные Королевства, где несколько позже встретил Соню, волею обстоятельств ставшую его женой.

Вместе они сумели раздобыть талисман Сына Света и возвратились в Немедию, чтобы затем пойти в Асгард и отдать драгоценную камешку графу Ютену.

Тут-то и выяснилось, что истинную ценность для жреца представляет собою сам Эльбер, обладающий уникальной способностью силой своего воображения создавать иную реальность. Граф Ютен собирался заставить его служить собственным замыслом, развив невероятный дар Эльбера, а для этого, согласно древнему Знанию, требовалось физически изменить будущего великого мага, лишив его зрения и детородных органов.

Не желая мириться с таким приговором, Соня и Эльбер бежали из Асгарда с помощью своего друга Таймацу, того самого лекаря с Радужных Островов, который на самом деле принадле-

жал к касте Призраков и был способен на самые невероятные подвиги.

С того момента, когда они втроем возвратились из Асгарда в Бельверус, прошло уже более седмицы. До сегодняшнего дня Эльбер был сам не свой, он никак не мог вполне оправиться от пережитого в принадлежащем графу Ютену замке кошмара, а Соня жила в постоянном ожидании каких-то новых тревожных и опасных событий.

Она понимала, что Ютен не оставит их в покое и не откажется от своей безумной затеи, разве что допустит временную передышку. А тут неожиданно Эльбер с раннего утра покинул дом. Соня, проснувшись, не обнаружила его рядом и была немало изумлена тем, что Белый Воин (таким было прозвище Эльбера в Дарфаре) не поставил ее в известность о своих планах. Ей, однако, оставалось только терпеливо ждать его возвращения либо каких-то известий о нем.

Нигде не обнаружив присутствия Таймацу, Эльбер сподобился сообщить Соне:

— Я был на могиле Гларии. Я, наконец, спросил о ней у Призрака... и он сказал, что она умерла и похоронена в склепе Ишума. Я узнал об этом на рассвете и сразу отправился туда. Понимаешь, Соня, меня преследует неотвязное ощущение, будто она все время где-то рядом, я почти слышу ее дыхание... это превратилось в настоящую навязчивость, я стал серьезно опасаться за собственный рассудок. В самом деле, не спятил ли я после заточения у Ютена? Ты ведь

знаешь, как на меня действуют закрытые темные помещения, да еще та дрянь, которую меня заставили выпить эти жрецы перед «посвящением», и вообще...

— Мне ты о своих подозрениях не говорил.

— Не говорил, пытаюсь сам в них разобраться. А сегодня я столько узнал... ах, Соня, каким я был дураком, полагая, что Глария предала меня! — горько воскликнул он.

— Я о чем-то подобном догадывалась, — призналась девушка.

— Удивительно, я полагал себя таким искушенным, а тут выясняется, что я совсем плохо знаю женщин.

— Наверное, что-то не в порядке с тобою самим, — сказала Соня. — Я тоже очень недоверчива к людям, редко кого впускаю к себе в душу, зато и не переживаю непрерывной череды разочарований. Но ты сам совершил предательство, Эльбер, и после этого тебе стало казаться, что все люди способны поступать так же. Каково зеркало, таково и отражение. В мутной воде все кажется грязным. А искушенность в любви ничего общего не имеет с присущей тебе способностью... скажем так, покрыть все, что движется.

Он открыл был рот, чтобы возразить, но не успел ничего произнести в ответ на резкие сонины слова.

— Ты искал меня? — раздался спокойный голос островитянина.

— Таймацу! Да, ты мне очень нужен, — бросился к нему Эльбер. — Скажи, ты был рядом с

Гларией, когда она умирала? Умоляю, скажи правду — это ведь ты удостоверил ее кончину?

— Допустим, ты прав. И что с того? Да, я сообщил Ишуму, что Гларии больше нет, — кивнул Осенняя Луна так, словно это в самом деле ничего не значило.

— И... действительно... ты ничего от него не утаил? — почти шепотом осмелился Эльбер задать следующий вопрос. — Ее взяла Черная Смерть?

— Глария больше не могла жить, — сурово произнес Таймацу. — В ней не осталось ничего, позволяющего продолжать встречать новые рассветы, кроме оболочки, наполненной ежечасным страданием, и в конце концов, когда угасли последние искры надежды, она покинула этот жестокий мир.

— Я тоже надеялся, до самой этой минуты, что она каким-то образом все-таки жива! — воскликнул Эльбер. — Араминта сказала, Глария в гробу лежала, точно спящая, а не умершая!

— Такое иногда случается, когда тление щадит плоть, — сказала Соня. — Муонг... тебе остается смириться с тем, что Гларию нельзя вернуть. А кто такая Араминта?

— Дочь казначея Ишума, — объяснил Осенняя Луна. — Видимо, Эльбер говорил с нею сегодня. Она была очень привязана к Гларии и в какой-то степени долгое время скрашивала ее существование. Две одинокие души нашли друг друга. Путь Гларии — это путь служения чему-то или кому-то, нуждающемуся в ее участии

и огне ее любви. Теперь же она ушла туда, откуда явилась, и круг замкнулся.

— Но ведь есть же какие-то колдовские способы проникнуть в иной мир! Таймацу, научи меня... мне бы только на миг еще раз ее увидеть, — губы Эльбера предательски дрожали, в голосе звенели слезы.

— Я не маг, — повысил голос островитянин. — Мертвые мертвы, и оставь их в покое. Исполняй лучше свой собственный долг и забудь добиваться невозможного, просить о недостижимом.

— Я иллюминат! — вне себя выкрикнул бритунец, и его зеленоватые глаза вспыхнули отчаянной верой. — Если понадобится... и если ты отказываешься мне помочь... так я вернусь к Ютену, он получит то, чего хочет от меня, а я взамен обрету мое потерянное счастье. Он жрец! И он даст мне успокоение!

— С чего ты взял, будто он может воскресить Гларию? — усомнилась Соня.

— А вдруг ему дана такая власть?!

— По-моему, ты окончательно обезумел, — сказала девушка. — Ютен не бог.

— Он ведает тайны стигийских и еще более древних колдунов!

— Успокойся. Такие решения нельзя принимать, когда в тебе все кипит, — Соня погладила пылающую щеку Эльбера.

Таймацу, наблюдавший за этой сценой, осуждающе покачал головой. По его мнению, круглоглазый, посмевавшийся так разговаривать с ним, своим Учителем, заслуживал самого сурового на-

казания, а не сочувствия. Он явно потерял лицо, позволив себе повысить голос и вести себя как истеричный ребенок — разве что по земле не катался и ногами по ней не колотил.

За долгие годы своих странствий по Хайбории Таймацу не смог привыкнуть к манере так выражать свои чувства. Ни один островитянин старше трех-четырёх лет не позволил бы себе ничего подобного, а если бы все-таки и сорвался, то потом не знал бы, куда деться от стыда за столь недостойное поведение. Сцепив руки за спиной, Осенняя Луна предпочел удалиться, решив для себя позже привести Эльбера в чувство и доходчиво объяснить ему некоторые основы человеческого поведения.

Что касается Сони, кое-что во всем услышанном ее очень насторожило. Честно говоря, она тоже усомнилась в том, будто Глария покинула мир живых. Но, в отличие от Эльбера, она понимала, что проверить свои предположения можно довольно просто, без особых колдовских ухищрений. Если точно не знаешь, лежит ли тело в гробу, так следует пойти и посмотреть, а не мучаться бесплодными догадками. Прежде чем обращаться к Ютену или к кому-то еще, надо вооружиться заступом и лопатой, выбрать подходящий момент, и...

Пока же она, не придумав ничего лучшего, принесла побольше вина и к вечеру добилась того, что Белый воин уже ничем серьезным озабочен не был. Он был в состоянии только нечленораздельно мычать и в конце концов заснул,

опустив голову на руки, прямо за столом. Достигнув своей цели и временно избавив его от мучений совести и сомнений, Соня уложила своего друга в постель, а уж потом принялась думать и сопоставлять услышанное.

Таймацу определенно что-то скрывает, в его вроде бы прямых словах есть подтекст, и он знает куда больше, чем высказывает — очень на него похоже. Устроившись рядом с Эльбером, Соня обняла его, нежно проводя ладонью по упрямо-му ежику едва начавших отрастать волос на его голове. После того, какой ужас она пережила в замке Асингале, когда Белый воин едва не погиб у нее на глазах, девушка отчетливо поняла, насколько он ей дорог. Всегда насмешливо-сдержанная с мужчинами, она и теперь не могла переломить себя настолько, чтобы среди бела дня открыто выражать свои чувства, но в такие моменты, когда Муонг не видел ее, давала себе несколько больше воли, осмелившись проявить свое истинное отношение к нему хотя бы в этих осторожных прикосновениях...

* * *

Решение, принятое Араминтой накануне, крепло с каждой минутой. Чем ближе подходило назначенное королем Аргевалем время ее встречи с будущим женихом, тем сильнее Минту раздражала чужая идея поступить против ее воли, точно с бездушной вещью. А тут еще Эльбер... его случайный, ни к чему не обязывающий по-

целуй, простое проявление благодарности, возымел на девушку необычайное действие, словно пробудив в ней новое, прежде крепко спящее существо, страстно желающее любви и совершенно готовое щедро дарить и с радостью принимать таковую.

Привкус губ Эльбера, его властного и нежно-го языка, проникшего в ее рот, все еще, казалось, сохранялся для Араминты, и даже синяки от его пальцев, оставшиеся на белой коже ее предплечий, невероятно возбуждали ее. До сих пор она боялась и не желала внутренней зависимости от другого человека. Но теперь за несколько часов девушка успела придумать целую историю, будто бы зримо явившийся ей возле усыпальницы дух Гларии препоручает ей Эльбера, будто видение было знаком свыше, и так далее, и уж если ей суждено сделаться чьей-то женой, то этим человеком именно и должен стать опальный бритунский гладиатор.

Да! Она выйдет за того, кто был смыслом жизни Гларии! Это показалось Араминте таким разумным, простым и естественным решением, словно она была обручена с Эльбером с рождения. Раз уж он был хорош для такой непревзойденной женщины, как Глария, значит, ничего нет предосудительного и в ее собственных чувствах к нему. Он, конечно, один раз серьезно ошибся, связавшись с Ликенион, но он так много страдал, столько пережил, что его вина давно искуплена, и она, Араминта, станет для него наградой и благословением...

Фантазии девушки были такими яркими и вдохновенными, что ей даже в голову не пришло задуматься об одной простой вещи — а именно, что Эльбера она знает ничуть не больше, чем того же заранее отвергнутого ею Аггу, всего лишь понаслышке да благодаря недолгой случайной встрече. Ее не смущало и то, что гладиатор, неожиданно-негаданно ворвавшийся в ее жизнь, больше чем вдвое старше нее. Какое значение имеет возраст, если он так прекрасен, так мужествен и умеет столь сильно чувствовать? А уж он-то умеет...

Правда, в тот первый раз, когда Минта увидела Эльбера при трагических обстоятельствах в доме своего отца, он показался ей, маленькой девочке, куда выше ростом, чем был на самом деле. И что касается красоты, сейчас изрядно уставший от своих странствий и злоключений Эльбер едва ли мог служить эталоном совершенства — честно говоря, он выглядел даже старше своих без малого сорока лет.

Но юная Минта смотрела на него глазами Гларии и склонна была видеть не совсем то, что было на самом деле, а плод собственных прекрасных иллюзий.

Одним словом, всего за день до своей нежеланной помолвки, она вся извертелась на влажных от испарины, смятых простынях, не в силах сомкнуть глаз, и назначила себе следующую, последнюю, ночь для дерзкого побега. Пусть и отец, и король, и этот князь как-его-там думают что угодно, а она разыщет Эльбера, объяснит

ему все, что открылось ей самой, он непременно ее полюбит, и они соединятся навсегда.

Составив для себя такой план, Араминта наконец-то чуточку успокоилась и заснула безмятежным сном. Если бы только Ишум мог догадываться, какие идеи роятся в мятежном сознании его дочери и какие страсти кипят в ее сердце, он бы, пожалуй, просто поседел.

* * *

Еще быстрее поседел бы военачальник Туорг, если бы, в свою очередь, хотя бы отдаленно представлял себе чувства, разрывающие на части душу юного Аггу, вчерашнего безродного мальчишки-воина, по чистой случайности уцелевшего в преисподней форта Малиарак, а ныне князя, богатого человека и фаворита самого короля Аргеваля.

Изменения, столь стремительно произошедшие в его судьбе, ничуть не радовали Аггу. Скорее, он был смущен и подавлен водоворотом неожиданностей, и вместо счастья и чувства благодарности своему благодетелю Туоргу испытывал гнев и скорбь. Все получилось в точности так, как предсказывал, умирая, его командир и почти что отец Архалук. Туорг нагло приписывает своему военному гению победу над пиктами, потому что некому опровергнуть его ложь, и вышается еще больше; а ему, Аггу, просто затыкает рот щедрыми подачками, чтобы тот повсюду свидетельствовал за него и забыл свой бред о

призрачных всадниках, сражавшихся за приграничный форт.

Но те всадники вовсе не были порождением болезненного бреда! Аггу ясно и отчетливо видел их и отлично знал, что Туорг — тоже! Эти создания появились ниоткуда в тот момент, когда пикты начали атаку, напав на неспособный защищаться форт.

Почти все воины Малиарака были пьяны, как свиньи, и безоружны, ибо Туорг продал врагу все, что только мог, и якобы заключил перемирие, презрев древнюю истину: если сосед твой — зверь, не разжимай кулаков. Лишь маленький отряд Архалука оставался вполне дееспособным, но в нем было слишком немного воинов, и Аггу в том числе.

Атаку пиктов отбили не они, а призраки на сотканых из тумана пустыни белых конях. Но на кого он может сослаться как на свидетелей этого небывалого чуда — на двух прокаженных, мужчину и женщину, за пару часов до трагедии оказавшихся в стенах форта? Тех давно и след простыл, скорее всего, их уже и в живых-то нет, что взять с двух гниющих заживо развалин.

У Аггу просто не оставалось выбора! Выставить себя идиотом, страдающим галлюцинациями, которому никто не поверит, выступить против Туорга и окончить свои дни в цепях умалишенного — не самая манящая цель. Сдаться и лжесвидетельствовать, приняв как должное щедрые королевские дары и в придачу брак с дочерью казначея? Но это значило предать память

Архалука, а по крупному счету, дать Немедии еще одного подлого и бездарного главу армии.

Такого бесчестия двадцатилетний, но уже множество раз смотревший в лицо смерти мальчик вынести и принять не мог. Туорга он ненавидел и презирал. Дочь казначея, обещанная ему в жены, представлялась воплощенным исчадием преисподней, суккубом, желающим отнять у него душу. Не нужна ему ни она, ни титул! Лучше вернуться в пустыню, в свой разрушенный форт, под пиктские стрелы, и умереть в битве, как Архалук!

Пожалуй, именно этого Аггу сейчас хотелось. За свою недолгую жизнь он научился только сражаться и жить среди лишений и бедности. Энергичный, подвижный, отчаянно смелый, он не терпел бездействия, а тем паче сознания того, что его покупают. Роскошь дворца, в котором обитал Туорг, его раздражала и пугала, и Аггу предпочитал по привычке спать на полу, а не в мягкой постели.

Князь! Боги, какой из него князь! Он же воин, боец, его дело — защита Немедии, изнуряющие походы, жизнь в постоянной опасности и радость побед, но настоящих, а не таких, как в Малиараке. Аггу уже не раз был ранен, он умел терпеть боль и не бояться ни своей, ни чужой крови, метко стрелять и скакать без седла, нести ночной дозор... но не лгать. Этому Архалук его не учил. И жизнь не учила тоже. И смерть...

Чего еще он не знал, так это женщин. Аггу в этом никогда бы не признался, но он ни разу не

спал с женщиной, у него даже девушки не было, он просто не успел приобрести такой опыт. Он вырос при армейском обозе, прибившись к такому, когда ему было всего пять или шесть зим, и не помнил другой семьи, ни своих родителей, о которых даже понятия не имел, живы они и если погибли или бросили его, то при каких обстоятельствах это случилось.

Во всем, что касалось женщин, Аггу был совершенно неискушен, он с ними почти никогда не общался и не разговаривал, его окружали только мужчины.

Разумеется, возможности для недолгих случайных связей у него были, но отчего-то Аггу тут же начинал мучительно стесняться и даже шлюх обходил стороной.

Если Туорг счел, что Аггу должен польстить — именно на обещание женить его на одной из самых завидных бельверусских невест, то ошибся: это как раз в последнюю очередь интересовало новоиспеченного князя, ибо он не знал, что ему делать с будущей супругой. Встать во главе отряда, дозора, вести своих воинов в бой, вот что Аггу оценил бы и понял, но получить в дар женщину?..

Как Араминта призывала на помощь дух приемной матери, так и Аггу мысленно обращался за советом к своему боевому наставнику и другу Архалуку, но духи мертвых не спешили откликнуться вконец запутавшимся юным людям, предоставив самим принимать важнейшие в жизни решения, искать собственный путь.

«Когда пробьет час, я отрекусь от всего, — подумал Аггу. — От незаслуженного титула, денег и этой нелепой помолвки. Я расскажу правду о падении Малиарака. Тогда Архалук сможет гордиться мной. Но кто мне поверит? Вот если бы разыскать тех двоих прокаженных!..»

Он понимал, что это маловероятно — слишком немного у него было времени. Аггу бессознательно провел рукой по своим волосам, которые когда-то были черными, а теперь стали совершенно седыми, как у старика. Он точно не помнил, когда это произошло — под шлемом не было видно. Но выглядел он впечатляюще: сочетание молодого лица и этой седины всегда привлекало к Аггу внимание, как и безобразный шрам, пересекавший правую сторону лица от виска до верхней губы. Из-за него Аггу не умел улыбаться. Но он и вообще не отличался излишней веселостью...

Попробовать незамеченным покинуть дом Туорга, растворившись в ночи? Нет, будет похоже на простое бегство, а бегать от опасности позорно. Он не привык показывать спину врагу!

И тут началось.

Аггу всегда ждал и опасался того, что время от времени с ним происходило, и все равно это накатывало неожиданно — в ушах возникал тонкий, высокий звон, голова вдруг словно взрывалась изнутри, и казалось, что вот-вот лопнет череп, забрызгав все вокруг мозгами и кровью. Боль нарастала стремительно, делаясь в пике приступа совершенно непереносимой, и обычно

он терял сознание. Такое стало происходить с ним после удара пиктского меча, заодно навсегда изуродовавшего лицо Аггу.

— Нет, — простонал он сквозь стиснутые зубы, сжимая руками пульсирующие виски и оседая на мраморный пол, но кровавая волна запредельного страдания уже накрыла его и унесла в забытие и бред.

* * *

— Ты предлагаешь мне стать гробокопателем? Осквернить могилу Гларии? Соня, да как ты додумалась до такого?!

— Но ведь ты сомневаешься, — она пожала плечами. — Заверения Таймацу тебя ни в чем не убедили.

— Это дикость! Варварство! Через столько лет!..

— Не хочешь, не проверяй, я же тебя туда силой не тяну, Муонг.

— Небеса содрогнутся от подобного святотатства...

— Ну, за небеса ты меньше переживай, они как-нибудь на месте удержатся. Не обрушились ведь они на тебя, когда ты развлекался с Ликенион.

— Из-за тех «развлечений» вся моя жизнь рухнула. Тебе что, нравится играть роль палача и бить по самому больному?

— Вот, опять начались обиды, — вздохнула Соня, прекрасно зная, насколько Эльбер чувст-

вителен к ее вольным или невольным оскорблениям — из-за этого у них вечно вспыхивали ссоры. — Я уже сказала, делай, что хочешь. Я-то просто рассудила, что ты тоже, в некотором смысле, покинул мир вазунгу, когда не смог в нем остаться, но душу с телом не разлучил. Что, если нечто подобное произошло и с Гларией?

— А если нет?

— Тогда ты будешь знать наверняка. Ты сам сказал, что ощущал ее присутствие, что не чувствуешь ее мертвой. Ведь ты до сих пор ее любишь.

— Я никогда не мог перестать ее любить, Соня! Я бежал от нее, бежал от себя самого, я пытался забыть, и не мог. Когда мы с тобой пришли в Бельверус, я не разыскивал ее, сдерживая свои желания, убеждал себя, что между нами все давно кончено. Но недавно, уже после Астарда, мне приснилось, будто ночью она приходила и стояла надо мной, глядя мне в лицо, а потом склонилась ко мне и поцеловала, но я был как парализованный, все чувствовал, но был не способен шевельнуться или сказать ей что-нибудь. Словно она приходила сюда, в этот дом...

«Если бы такое было, я бы узнала, услышала, — подумала Соня. — Как же иначе, если я из ночи в ночь делю с тобой постель?»

Она уже готова была высказать это вслух, но осеклась, так и не раскрыв рта. Действительно, если как следует вспомнить, она и сама пару раз ни с того, ни с сего чувствовала себя, точно

одурманенная, и утром не сразу приходила в обычное бодрое состояние.

С чего бы вдруг?! Опять штучки Таймацу, как в тот первый раз, когда они с Эльбером впервые здесь появились? Но если так, для чего Осенняя Луна делает с ними подобное? Или у него есть какая-то скрываемая от них, неизвестная им жизнь, о которой островитянин не хочет, чтобы кто-то узнал? Ох, как непрост узкоглазый друг... Загадки множатся день ото дня, громоздятся одна на другую, и опять приходится пребывать в состоянии предельного напряжения, не зная, откуда ждать опасности.

— Но, Соня, я твердо могу сказать, что не пойду раскапывать могилу, — произнес Эльбер. — Нет и нет! До такого я не опускаюсь.

«Пойдешь, — мысленно усмехнулась она, — куда ты денешься, приятель. Иначе сомнения тебя просто изведут».

Так оно и происходило. Идея, поданная Соней, не давала Эльберу покоя, прорастая в душе его, как брошенное на благодатную почву зерно. Надо выяснить правду, хватит с него этих нелепых игр, недомолвок и бесплодных терзаний. То, что он так и не смог поговорить с Гларией, словно стояло между прошлым и будущим, между Эльбером и его даром иллюмината. Он не мог двигаться вперед до тех пор, пока прежняя жизнь камнем висит на совести. Так удобно было обижаться на несправедливость целого мира, чувствовать себя незаслуженно оскорбленным, но правым, высоко ценя свое поруганное, но не

сломленное достоинство. Может, он бы и не решился заявить, что является олицетворением добродетели в этом испорченном мире, но подчас испытывал чувство, близкое к этому.

Он, Эльбер, был гордым, очень гордым человеком, ставившим себя достаточно высоко и не желающим допустить, что в его мытарствах виновна не только судьба и люди, не сумевшие вполне оценить и понять его талант. Ныне же на него обрушилось прозрение. После всего, о чем поведала Араминта, он начал сознавать истинное положение вещей: Глария гнала его от себя, чтобы спасти. Она избрала для этого верный и действенный способ — оскорбление, которого, как она правильно поняла, он не вынесет и не простит, зато не попадет второй раз в руки Ишума, но покинет Бельверус.

А он не дал себе труда задуматься, что стояло за ее жестокими словами, не увидел, как обливало кровью ее мудрое и верное — до конца — сердце. Заложница его измены, Глария продолжала закрывать его собой. Поистине, Черная Смерть оказалась к ней более милосердна, чем тот, кого любила эта женщина... Если только Черная Смерть и вправду унесла ее туда, откуда не возвращаются.

* * *

У Ликенион, жены Туорга, всегда было больше чем достаточно живых игрушек. Она давно потеряла им счет, причем супруг знал об ее раз-

влечениях, но много зим назад решил махнуть на них рукой. Пусть Ликенион живет, как хочет, лишь бы не выходила за рамки приличий. Один только раз он допустил, чтобы об ее очередном походе узнал весь Бельверус, но тогда так было нужно, и супруги действовали по взаимному соглашению, а дикий скандал был чистой воды представлением.

Естественно, вскоре все забылось, и жизнь вернулась в обычную колею. Да и тогда свет не осуждал Ликенион. В ее поступке не было ничего из ряда вон выходящего. Гладиатор, почти то же самое, что раб, красивое сильное тело которого она использовала для своего удовольствия — подумаешь, невидаль.

Этот гладиатор сменил огромное количество постелей, он спал со множеством бельверусских женщин, не различая, шлюхи перед ним или знатные особы.

Его желали многие, а он легко и с удовольствием поддавался искушению. Его разыгрывали по жребью, как часто происходит с победителями сражений на арене Килвы. Кроме того, он был еще и актером, причем неплохим, и почти после каждого его выступления наступал сладостный финал, независимо от того, играл он или сражался, и уж точно, в искусстве любви он превосходил сам себя и был ничуть не хуже в постели, чем на арене.

«Бритунский тигр»... Ликенион называла его «тигренок» из-за того, что он не отличался высоким ростом. Зато интересующая ее часть его

тела всегда была готова к действию. Женщины часто подшучивали над тем, что у Эльбера возникали сложности с модной застежкой в виде металлической пуговицы на крайней плоти его детородного органа — многие мужчины Бельверуса носили такое украшение, но бритунец почти постоянно был возбужден, и эта застежка ему сильно мешала.

Но он был таким любителем всяческих украшений! Колечки-серьги в ушах, браслеты на запястьях, идеально ухоженные, отполированные ногти на руках и ногах, длинные, до плеч, волнистые каштановые волосы, за которыми он ревностно ухаживал, не жалея средств на оплату услуг самых дорогостоящих цирюльников. Да, парень умел следить за собой. Он проводил массу времени в термах, где лучшие продажные красотищи всячески ублажали его, и так и светился самодовольством.

...Его призрачную славу оказалось так легко втоптать в пыль, а самого гладиатора уничтожить. О нем и памяти не осталось. Во всяком случае, Ликенион была в этом уверена. Но почему-то в последнее время она снова начала думать о нем. Мужчины лучше, чем Эльбер, у нее никогда не было.

Туорг? Смешно. Жирный и вялый, он давно уже ни на что не годился в постели. Ни ума, ни силы, ни красоты, ничего из тех качеств, которыми в избытке обладал Тигренок. Тупой, бездарный, жалкий человек, сделавший карьеру исключительно благодаря деньгам и влиянию бо-

гатых родственников и любовников Ликенион, по сути же — мыльный пузырь.

Полководец! Какой из него полководец... слишком труслив, и соображает так медленно. Она не верила ни единому слову, когда Туорг расписывал, причем сбиваясь, путаясь и всякий раз по-другому, битву с пиктами за форт Малиарак, в которой якобы победил, хотя и потерял почти всех своих воинов.

Что-то у него откровенно не сходились концы с концами.

То он сообщал, что его солдаты на момент нападения пиктов были пьяней вина и не способны держать в руках оружие, и тут же оказывалось, что он поднял их по тревоге и повел за собой, первым ринувшись в гущу сражения, хотя силы были явно неравными, а вражеская атака — совершенно неожиданной.

— Дорогой, — не выдержала Ликенион, — если на военном совете ты представишь дело так, как подаешь мне, то тебя обвинят в измене и повесят.

С Туоргом она обычно ничуть не церемонилась. От его положения при дворе напрямую зависело ее собственное благополучие, поэтому смысла ему льстить не было — напротив, требовалось не допустить, чтобы он совершил опасную ошибку.

— Придумай более убедительную историю. Я не знаю, что там произошло на самом деле, но тебе необходимы свидетели, способные красочно расписать твой личный подвиг полководца. На-

сколько я понимаю, в форте погибли почти все, кто был под твоим началом. А ты был впереди них и не получил ни одной царапины. Странно, ты не находишь?

— Я привез с собой одного из выживших, — поспешно возразил Туорг. — Я тоже подумал, что он может мне пригодиться. Правда, он совсем молодой, но...

— Молодой, не блещущий умом, исполнительный, это хорошо. Если ты сумеешь правильно его использовать, считай, что тебе повезло, — проговорила Ликенион.

Спасая свою шкуру, ее муж вполне мог проявить завидную изворотливость, а уж она-то сумеет ему подсказать, как представить ситуацию в наиболее выгодном свете. Так родилась идея выпустить вперед Аггу. Ловкий ход. Простой воин, всей душой преданный своему смелому предводителю и получивший за это достойную награду.

На Совете он скажет все, что ему будет вложено в уста. А Туорг встанет во главе всей армии Немедии.

Самым замечательным явилось то, что и сам Аргеваль охотно поддержал игру. Осыпать почестями одного, чтобы расположить к себе сердца многих, что могло быть удачнее? Зная о завидной судьбе Аггу, каждый воин в душе может поставить себя на его место и свято верить, что любой защитник Немедии ценен для короля. Это поднимет общий боевой дух армии. Совсем неплохая затея.

Казалось, все было рассчитано до мелочей. Вот только в безупречный план в самый неподходящий момент вклинилась досадная, непредвиденная случайность. Избранный на роль героя мальчишка оказался при смерти. Ни с того, ни с сего он потерял сознание и бился в конвульсиях на полу, изо рта у него текла кровавая пена, и казалось, он вот-вот отдаст концы.

— Что мне делать? — встревоженно воскликнул Туорг. — Если он умрет, я потеряю слишком много!

— Прекрати панику, — презрительно бросила Ликенион, окатив супруга ледяным взглядом прекрасных, чуть раскосых глаз и, растолкав бестолково суетившихся вокруг лежащего на полу юноши слуг, сама склонилась над ним. — Дайте мне нож, недоумки! Быстрее! Если он откусит себе язык, я прикажу отрезать вам самим кое-что лишнее!

Кто-то поспешно протянул ей кинжал в кожаных ножнах. Разжав зубы Аггу, женщина хладнокровно всунула между ними этот предмет и велела перенести тело юноши в собственные покои.

— Закройте окна, задуйте все свечи вокруг него, — деловито распорядилась она. — Ему нужна темнота и тишина, тогда он вскоре очнется. Я прежде видела подобные вещи и знаю, что делать. Пошли все вон, оставьте нас!

Она положила свою ладонь на лоб Аггу. Вскоре юноша, действительно, затих и открыл глаза.

— Призраки... воины-призраки, — пробормо-

тал он. — Прокаженный позвал их. Прокаженный с золотыми очами! — выкрикнул Аггу, а потом его речь опять сделалась почти бессвязной. — Архалук, — бредил он, — я расскажу правду, они не смогут так дешево меня купить... я найду прокаженного...

Он замолчал, и спустя некоторое время почти осмысленно посмотрел на Ликенион воспаленными, в багровых прожилках лопнувших от нечеловеческого напряжения сосудов, глазами.

— Кто ты?

— Я жена Туорга, твоего друга, князь Аггу, — мягко напомнила она.

— Он мне не друг! Туорг — проклятый предатель. Он продавал оружие пиктам... был с ними в сговоре, когда они напали на нас! Форт бы не выстоял, если бы не призраки! Они сражались на нашей стороне и были неуязвимы для пиктских стрел!

— Конечно же нет, князь Аггу, — покачала головой Ликенион. — Все, о чем ты говоришь, тебе только привиделось. Ты тяжело болен. Очень тяжело.

— У меня голова вот-вот разлетится на части, — признался он.

— Я тебе помогу, и с тобой ничего не случится, — заверила женщина. — Не сомневайся, — она раздвинула губы в одной из самых чарующих своих улыбок, и Аггу замер, не в силах отвести от нее глаз. — А потом ты расскажешь мне обо всех кошмарах, которые тебе мерещатся, — добавила она. — Не так ли, малыш?..

* * *

Она была стара, очень стара. Вряд ли кто-то взялся бы правильно определить ее возраст, а сама Кейулани говорила, будто не помнит, когда и где родилась. Даже в сильную жару она заворачивалась в длинные темные бесформенные одежды, наверное потому, что дряхлые хрупкие кости вечно искали и не могли найти тепла, а испещренное морщинами, обветренное лицо, словно выдубленное вихрями долгих зим, скрывала под низко надвинутым платком.

Но у нее еще были силы... о, были! Может, кто-то и отвернулся бы в брезгливой неприязни, случайно столкнувшись с этим воплощением старости и досадным напоминанием себе о том, что ждет его самого в будущем, но те, с кем рядом она находилась, испытывали к Кейулани благодарность, а не отвращение.

Она обитала в нижних строениях Килвы, огромного амфитеатра Бельверуса, почти всегда в полутьме и сырости, словно какое-то ночное животное. Вероятно, у Кейулани был когда-то, возможно, даже и теперь, другой дом, но об этом никому не было известно. Ее постоянной обителью стала Килва. После каждого боя гладиаторов Кей оказывалась рядом с теми, кто был ранен, изувечен или убит на арене. Глаза последних она закрывала своими руками и готовила безжизненные тела к погребению, ибо зачастую у несчастных не было в Бельверусе ни единой души, способной позаботиться о них, а подчас

даже имен не имелось, только прозвища, под которыми они выходили на арену.

Кроме того, на долю Кейулани выпадало и все остальное — душераздирающие вопли и стоны раненых, кровь, переломанные кости, выбитые и выдавленные глаза...

Требовалось обладать немалым мужеством и милосердием, чтобы изо дня в день, из года в год, не ожидая никакой награды, являться в эту юдоль скорби и безропотно делать свое дело знахарки и врачевательницы.

Покрытые коричневыми пятнами руки Кейулани творили чудеса. Считалось, что ее появление — хороший знак, если она взялась ходить за раненым, он не умрет, и те, кто оказывался в ее руках, звали ее просто: Мать. На разных языках и наречиях, ибо она не делала никаких различий меж теми, кого старалась спасти, звучало это слово, обращенное к старой Кейулани.

Но вне пределов Килвы она никогда не оказывала помощь кому бы то ни было. Кейулани считала своим долгом спасать только бойцов, пострадавших на арене. Мир, лежащий вне сырых и мрачных подземелий театра, не имел к ней никакого отношения, хотя слава об удивительной знахарке шла по всему Бельверусу. Кейулани нельзя было ни купить, ни запугать: к золоту она была безразлична, а смерти не боялась. В конце концов, ее оставили в покое, предоставив заниматься лишь тем, что она сама для себя избрала.

Поэтому Кейулани испытала некоторую доса-

ду, когда к ней приблизился очередной проситель. Она только-только ненадолго выползла из подвального помещения под предутренний свет, озаривший пустые и безмолвные в этот час трибуны, и сидела, прищурившись и часто моргая, сложив руки на коленях — так она отдыхала, уносясь мыслями куда-то очень далеко, когда тот человек подошел к ней и спросил:

— Ты — Кей, знаменитая врачевательница?

Мать не удостоила его даже поворотом головы. Она все слышала, но отвечать не хотела.

— Послушай, — продолжал он, — я знаю, ты никогда не соглашаешься взглянуть на тех, кто не является гладиатором. Но на этот раз дело очень серьезное, речь идет о человеке, чрезвычайно знатном, и в то же время он воин, раненый в бою, и он умирает. Говорят, ты способна совершать почти невозможное. А я передаю тебе нижайшую просьбу военачальника Туорга, он так и велел сказать. Жизнь воина очень важна для всех. Если ты откажешься, меня могут казнить.

Он замолчал, ожидая ответа. Мать не изменила позы, не пошевелинулась, не раскрыла рта.

— Кейулани, — принялся вновь умолять ее проситель, — ты можешь требовать чего угодно за свою услугу, за то, что всего-навсего посмотришь на этого парня, а потом повернешься и тут же уйдешь. Это не займет много времени, я лично доставлю тебя в дом Туорга, шестерка коней ждет у ворот Килвы — а потом привезу назад.

Губы Кей дрогнули.

— Шестерки коней мало, чтобы сдвинуть меня с места. Я туда не пойду.

— Тогда юноша погибнет.

— Значит, так ему на роду написано. Всех спасти невозможно.

Не зная, что еще предпринять и как ее убедить, слуга встал перед ней на колени.

— Умоляю тебя...

— Встань, — велела Мать. — Это бесполезно.

Он поднялся и направился было прочь, но голос Кейулани остановил его.

— Если это необходимо, привези юношу сюда, в Килву. Пусть его положат рядом с теми, кто сражался на арене для потехи таких, как он.

— Это твое условие, Кей?..

Губы старухи снова сомкнулись, и веки опустились, наполовину прикрыв глаза. Она застыла, как изваяние, и безжалостно яркое рассветное солнце осветило ее древнее лицо. Она сказала все, что считала нужным, и не находила смысла продолжать.

* * *

Очнувшись, Аггу решил, что оказался в каком-то месте, более всего соответствующем его представлению о Серых Равнинах. Ни на что иное, сколько-нибудь знакомое, это не походило. Он даже не понял, на чем лежит, но точно определил, что не в доме Туорга — роскошью здесь и не пахло, зато пахло сыростью и кровью.

— Он был ранен, но далеко не вчера, — услышал Аггу незнакомый глухой голос. — У него пробит висок, поврежден череп, и осколок кости давит на мозг, отчего с ним и происходят такие приступы. Странно, что он не умер раньше, но это может случиться в любой момент.

— Ты можешь помочь ему, Кейулани? — спросил другой голос.

— Не знаю. Это непросто. Я должна подумать.

— Тогда думай быстрее, старуха. Завтра он должен присутствовать на балу при дворе!

— Завтра — невозможно. Если хотите торопить меня, лучше возьмите его и убирайтесь. Найдите более сведущего врачевателя и забудьте обо мне.

Речь идет о нем, понял Аггу. Голова продолжала гудеть, боль не отпускала и не уменьшалась.

— Мать, — позвал кто-то. — Подойди ко мне, Мать!

Быстрые шаркающие шаги, тихие неразборчивые голоса чуть в стороне. Через какое-то время женщина вернулась.

— Но князь не может оставаться здесь, в такой грязи!

— Почему же все эти люди могут, а он нет? Потому что он князь, а они — рабы или инородцы? Все люди страдают одинаково, и смерть достаточно справедлива, чтобы не различать титулов. Кстати, я не настаиваю ни на вашем, ни на его присутствии.

— Я не князь, — Аггу трудно было говорить,

но он счел необходимым пересилить себя и вмешаться, — я воин.

А так как он привык никогда не отводить взгляд перед тем, к кому обращается, ему пришлось посмотреть на стоящую над ним женщину, и глаза Аггу, перед которыми, против его воли, все расплывалось, встретились с ее взглядом, живым и участливым. Юные очи сияли на старом лице, он вяло подивился такому несоответствию.

— Ты сам-то хочешь остаться?

— Да, — почему-то Аггу чувствовал, что доверяет ей.

— Я не обещаю тебе, что смогу сотворить чудо, — сказала женщина.

— И не надо...

* * *

— Я не знаю, как быть, Таймацу. Я не в силах решить, как взяться за подобное дело. Мне необходим твой совет, Призрак, поэтому я и пришла.

Соня замерла и затаила дыхание. Кажется, впервые ей удалось сделать так, что она находилась в непосредственной близости от Осенней Луны, а он, занятый разговором с другим человеком, не знал об ее присутствии.

— Одно неосторожное движение с моей стороны, и он погибнет. Если бы ты мог помочь мне, показать... ты знаешь, мне уже многое известно о травах и прочих важных вещах, ты меня всему обучил. Но с таким случаем я за это

время не сталкивалась, даже не пыталась вмешаться, если кто-то получал похожие раны.

— Если, как ты говоришь, кость давит на мозг, убери ее, вот и все. Ты справишься, Кейулани. Ты просто боишься, а страх — первый враг успеха. Что с тобой?

— Я впервые нарушила заповедь. Он не гладиатор, — вздохнула та, с кем говорил Призрак. — И был ранен не на арене. Я надеялась, что те, кто пришел просить за него, сами передумают, откажутся. У него высокий титул.

— Кто же просил?

— Люди Туорга.

— О! — кажется, это известие поразило Таймацу. — Ты растешь, дитя. Тебе делает честь то, что ты ему не отказала. В глазах Единого это дорогого стоит, Кей. Что ж, доведи начатое до конца.

— Неужели ты не придешь, чтобы показать мне, как я должна действовать? — умоляюще произнесла женщина.

— Приду, — помолчав, согласился Призрак. — Мне трудно отказать тебе. Сколько у тебя там еще людей?

— Немного. Двое. И они будут спать, — заверила она. — Тебя никто не увидит, и ты себя не выдашь.

— Хорошо, Кейулани. Ступай, — велел Осенняя Луна, заканчивая беседу; но женщина медлила, похоже, собираясь о чем-то еще спросить его.

Соня решилась сделать шаг в сторону этих

двоих, остро ощущая, что приблизилась к какой-то тайне и желая рассмотреть женщину повнимательнее. Пока же она только по голосу определила, что это вообще женщина: та была облачена в бесформенную одежду и закутана в плащ, полностью скрывавший ее фигуру.

Над Бельверусом сгустились вечерние сумерки. Серое на сером было почти неразличимо. Но Соня могла бы поклясться, что прежде видела это создание, требовалось только вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. И тут она поняла. Старуха, бродившая возле дома, вот это кто! Конечно, никаких сомнений. Таймацу тогда сделал вид, будто не понимает, о ком Соня его спрашивает, отделавшись иносказаниями. Значит, на самом деле Призрак прекрасно понимал, о ком шла речь.

Но голос женщины совершенно не соответствовал преклонному возрасту. Скорее, он мог принадлежать куда более молодой женщине, хотя и был низок и глуховат.

— Как... он? — наконец, снова заговорила Кейулани, и в ее коротком вопросе было слишком много чувства, тревоги и любви, чтобы можно было предположить, будто речь идет о ком-то ей безразличном.

— Ты сама видела, — отозвался Таймацу, — хотя я и сожалею о том, что допустил это. Но ты очень упряма, дитя.

Во второй раз он употребил обращение, менее всего соответствующее предполагаемому возрасту его собеседницы. Ничего себе «дитя», прожив-

шее чуть не сотню лет... если только это действительно так. Имя «Кейулани» Соне ни о чем не говорило — девушка впервые слышала его.

— Иди же, — с нажимом проговорил Осенняя Луна, — тебя ждут.

Женщина, опустив голову, не тронулась с места, словно замерев в нерешительности, потом склонилась над росшим возле самой дорожки розовым кустом.

— Он все еще здесь, — тихо сказала она. — И даже выбросил молодые побеги. Знаешь, как говорил о розах Эльбер? Однажды он сказал мне, что они — это любовь, превратившаяся в цветы. Ты ухаживаешь за ними, поливаешь, а они только и делают, что дразнят тебя: выбросят бутоны, которые в один прекрасный день осыплются, так и не раскрывшись. Ты рыхлишь землю, а они колют тебя шипами. Но когда распускается хоть один-единственный цветок, это стоит любых трудов и боли...

— Если этому верить, то борись, не боясь шипов и заморозков, — отозвался Осенняя Луна. — Избранный обязательно получит свою награду, Кейулани.

Как терпелив и добр он был с этой женщиной! Соня никогда не слышала в голосе Таймацу такого участия и заботы.

— Ты так думаешь? — спросила та. — Ты вправду веришь, что бывает такая любовь на свете? Которая сильнее любых заморозков? Ты... когда-нибудь встречал ее?

— Да, дитя, — Соня услышала, что острови-

тянин улыбается. — И ты тому живое подтверждение.

Соня терпеливо дождалась, пока они расстанутся, и женщина наконец уйдет. Но после этого она, собравшись с духом, сама подошла к Призраку.

— И что все это значит, Осенняя Луна?

Он ничуть не удивился и не выказал возмущения тем, что она подслушивала.

— Неужели ты еще сама ни о чем не догадалась, дочь Рыси? Едва ли ты настолько глупа.

— Значит, под могильной плитой в склепе Ишума ничего нет, — проговорила Соня, отчетливо слыша, как колотится собственное сердце. — Я так и знала. Глария не умерла.

— Здесь ты ошибаешься. Глария мертва, но родилась Кейулани.

— Все равно, это один и тот же человек, — настаивала Соня. — Не представляю, как ты это проделал, как выдал живую за умершую, где скрывал ее...

— Здесь, в этом доме, в течение нескольких лун, она была в безопасности со мною. Мне удалось показать ей, что новая жизнь тоже имеет смысл.

— Но почему этот образ? Она ведь еще молодая!

— Образ вполне соответствует сути. Слишком длинную жизнь надо прожить, чтобы у человека появилось так много шрамов на сердце, как у Кейулани.

— У Гларии.

— У Кейулани, — вновь настойчиво поправил он. — Забудь все, что видела и слышала, Соня. Эльбер не имеет права знать, не имеет права еще раз погубить то, что мне удалось сохранить, собрать воедино — поверь, это было нелегко. Я допустил, чтобы тебе стало известно больше, чем следует, лишь потому, что ты, раз усомнившись, непременно примешься сама во всем разбираться и искать истину, безрассудно и безоглядно, и в таком случае, конечно, потянешь Эльбера за собой. Но теперь для тебя уже нет никакой тайны, и ты можешь успокоиться. Не делай людей еще более несчастными, чем они и так уже есть. Часто бывает, что, желая совершить доброе дело, мы лишь наносим непоправимый вред. Подумай об этом, прежде чем что-либо совершать. Эльбер не заслуживает Гларии. Он еще слишком слаб.

Но Соня решила споспориť с Осенней Лунной. Она знала, что перечить ему себе дороже — пример того же Эльбера был у нее перед глазами. Недовольный его недавней вспышкой, Таймацу заставил Белого воина проводить тренировки по шестнадцать часов в день, не считая длительных медитаций, чтобы привести его дух в надлежащее состояние. Как бы ни был вынослив и силен Муонг, это было слишком даже для него. Соню, очень возможно, ожидало похожее наказание, если она не промолчит, но...

— Видишь ли, — начала она, — Эльбер и Глария прошли похожий путь. Он стал Муонгом и скрывался в лесах Дарфара. Она — Кейулани, и

я не поняла в точности, чем она занимается, но думаю, что ищет в этом иллюзию успокоения. Но он все-таки вернулся, она же — все еще нет. Там, в племени Мбонго, один умный человек сказал мне — если вырвать растение с корнем из земли, оно умрет. Ложь во спасение все равно остается ложью. Я не раскрою рта и не разрушу созданное тобою, но поверь, что иногда даже ты можешь ошибаться.

— Это мне известно, — со спокойным достоинством признал Призрак, будто не обратив внимания на все остальное, сказанное Соней. — Надеюсь, ты не потеряешь лицо, нарушив свое обещание.

Да, на это она бы не пошла. Соня всегда умела держать язык за зубами. Как бы ей ни хотелось поведать Эльберу правду, она понимала, что пока не должна так поступать.

А Таймацу просто не мог объяснить ей всего, что тогда произошло с Гларией. Объяснение, которое Соня считала единственно правильным, на самом деле, не вполне соответствовало действительности. По большому счету, Таймацу и сам не вполне понимал, с чем именно столкнулся, он лишь ощущал, что ему довелось оказаться лицом к лицу с великой тайной, мистерией духа, для которой бесполезно пытаться подыскать некое разумное и простое объяснение.

Почти девять зим назад он последовал в Бельверус за Эльбером. До этого островитянин в течение года делал все возможное, чтобы просто поставить этого человека, чудовищно изувечен-

ного на арене, на ноги, и имел все основания гордиться результатом своих усилий. Но стоило бритунцу почувствовать, что прежние силы практически полностью вернулись к нему, он немедленно, ни о чем не задумываясь, бросился к той единственной женщине, которую безумно любил и желал возвратить себе.

Этому Таймацу помешать не мог. Он лишь стал свидетелем того, как Глария холодно приняла страстные признания своего прежнего возлюбленного и отослала его прочь, заявив, что больше никогда не желает видеть его. После этого Эльбер покинул Немедию, а Таймацу остался в Бельверусе, наблюдая за тем, что происходит с несчастной женщиной и поражаясь тому, насколько круглоглазые хайборийцы слепы душевно: они слышат слова, но не видят, что за такими скрывается. Ибо гневная, язвительная отповедь Гларии бритунцу не имела ничего общего с истинными чувствами, которые женщина испытывала.

Оставшись одна и потеряв самое дорогое, что было у нее в жизни, она начала стремительно угасать. Ее физическая оболочка еще, хотя и с трудом, продолжала влачить безрадостное земное существование, но души в ней почти не осталось.

Вероятно, Таймацу не следовало вмешиваться. Разумом он понимал, что нет никакого смысла длить такие невыразимые муки, которая ежедневно и ежечасно терпит эта несчастная, и милосерднее всего будет позволить произойти неиз-

бежному, дав ей умереть. Но она была еще так молода. Так красива. Обладала таким внутренним благородством и мужеством. Островитянин не знал, что предпринять, но тут сами обстоятельства все решили за них обоих.

В Бельверус пришла Черная Смерть, и Глария стала одной из ее бесчисленных жертв. Во всяком случае, так все считали. Но островитянин почувствовал, что ему следует лично удостовериться в этой смерти, и явился в дом казначея.

Одного взгляда на бездыханное тело ему хватило, чтобы понять: женщина жива, однако пребывает в промежуточном состоянии между вечным сном и земным существованием. Нить ее жизни была настолько тонка, что уже и дыхания не ощущалось. Таймацу несколько раз приходилось сталкиваться с похожими явлениями. Случалось, что таких спящих хоронили заживо, принимая за мертвых. В иных случаях, они могли достаточно долгое время оставаться в этом состоянии, а затем либо душа окончательно разлучалась с телом, либо полностью воссоединялась с ним. Как угодно, теперь терять ни ему, ни Гларии было нечего, и островитянин решился рискнуть.

Оставшись наедине с прекрасной «покойницей», он силой разомкнул ее плотно сжатые губы и влил в рот женщине настой из трав, который должен был погрузить ее в еще более глубокое и длительное забытие, полностью имитируя смерть — так, чтобы ни в чью голову не за-

кралось даже тени сомнения в бесповоротности случившегося. После этого он потребовал, чтобы Гларию немедленно удалили из дома и поместили в усыпальницу, как положено поступать с умершими.

Таймацу в его замысле сыграло на руку то, что Ишум и сам не желал предавать тело жены огню, хотя погибших от руки Черной смерти полагалось отправлять на огромный общий погребальный костер, днем и ночью пылавший за городской стеной.

Когда печальный обряд был поспешно завершен, Таймацу оставалось только дожидаться темноты и похитить тело. Он шел по пустынным безлюдным узким улицам Бельверуса, прижимая к груди свой бесценный груз и отмечая про себя, насколько легким, почти невесомым кажется то, что он несет. Это был хороший признак: настоящая смерть делает тело человека, напротив, тяжелее.

Осенняя Луна доставил Гларию в разоренный особняк Эльбера, и несколько последовавших за тем дней прошли в непрерывных сомнениях. Женщина не собиралась оживать.

Что бы Таймацу ни делал ради этого, все было напрасно, и он уж было почти смирился с мыслью о том, что вскоре ему предстоит проделать обратный путь в усыпальницу, когда на четвертом или пятом рассвете она наконец открыла глаза.

Однако радоваться было рано. Взгляд Гларии поначалу не выражал абсолютно ничего. Она не

произносила ни слова и ни о чем не просила. Ее всему пришлось учить заново, как младенца — ходить, говорить, самостоятельно есть, разве что все это она осваивала довольно быстро, словно вспоминая об утраченных навыках. О себе прежней она, тем не менее, совершенно не помнила. Отзывалась на новое имя — Кейулани и не задавала вопросов. Лишь иногда подолгу изучала собственное лицо в зеркале, но в ее глазах не было узнавания, только слабое, отстраненное недоумение.

— Это ты, — не выдержал как-то островитянин. — Понимаешь, Кейулани? — он говорил с нею на языке Островов.

— Я знаю, — медленно отозвалась она. — Это я. Маргиад. Я хочу вернуться, — а потом вдруг заговорила на странном, незнакомом Таймацу, певучем чужом языке, которым — Осенняя Луна мог бы в этом поклясться! — Глария владеть не могла.

Затем она страшно побледнела и без единого звука осела на пол, вновь впадая в забытие, которое, по счастью, на сей раз длилось не слишком долго.

После такие приступы повторялись с нею еще несколько раз. Она вела себя как человек, который ненадолго выходит на берег, чтобы глотнуть воздуха, и снова ныряет в темную толщу воды, словно чего-то ищет на илистом дне реки. Но о том, в каких мирах блуждает в это время ее мятущаяся душа, островитянин понятия не имел...

Сны

Демоны наблюдали за ней. Они хотели выпить ее душу, поглотить, растворив в себе. Они давно не видели живых людей, на перепутьях Миров редко можно встретить простого случайно оказавшегося здесь человека. Последний раз подобное случилось много столетий назад. И вот теперь отродья зла обрадовано галдели. Они не стремились уничтожить жертву сразу. Для них куда интереснее представлялось сначала немного понаблюдать за ней.

Девушка упала на колени и стала молить кого-то о спасении. Она точно ненормальная повторяла одно и то же имя. «Эльбер», — шептали ее губы. Демоны ехидно ухмылялись, наблюдая за ней. Неужели она рассчитывает, что человек сможет помочь ей? Только боги могли бы, вмешавшись в происходящее, вызволить ее. Но зачем им это?

А Эльбер, — рассуждали порождения зла, — даже, если он великий чародей, не сможет вырвать девушку из наших лап. Он всего лишь человек, и не в его власти управлять свободными демонами, рожденными буйством стихий и злом.

В пространстве, где не было ничего, кроме демонов и девушки, вдруг начали происходить непонятные изменения. Мир стал наполняться звуками и запахами, он становился все более реальным, ткань бытия уплотнялась.

Девушка закрыла глаза, устав от чудовищных

картин, которые разыгрывали перед ней отродья Тьмы.

Внезапно откуда-то сверху хлынул Свет. Он был мягким и чарующим, заставляющим человека поверить в свои силы. И от той, которую демоны уже считали своей добычей, вдруг заструилась волнами мощь, первозданная, полная ярости и жажды жизни.

Девушка поднялась. В ее глазах горела решимость. «Боги не пустили меня на Серые Равнины, где я смогла бы обрести вечный покой. Они оставили меня здесь, где бы это ни было, лишив даже надежды когда-нибудь свидеться с любимым! О Эльбер, жди меня! Я приду к тебе, я найду способ прорваться в мир живых, и мы будем вместе».

Пока она предавалась мечтаниями, окружающий мир изменился до неузнаваемости. Перепутье Миров ныне было полно света и жизни. Оно словно подчинилось воле девушки, обретя материальность.

Демоны, носящиеся по небу, недоуменно оглядывались, радостно подвывая. Будущее сулило им гораздо более интересное развлечение, чем просто уничтожение человека. Похоже, их жертва обладает какими-то загадочными способностями, о которых им ничего не известно. Она может управлять тканью реальности, изменяя ее по своему желанию.

Вот только понимает ли она, какими чудовищными силами владеет? Один из порождений зла резко спикировал. Он, что-то крича, пронес-

ся над головой девушки. Сделав круг в воздухе, он вновь устремился к ней. Его действия были непонятны не только жертве, но и его собратьям-демонам.

— Что происходит?

Из воздуха вдруг материализовался худой старик, обвешенный амулетами. Не долго думая, он строго посмотрел на нападающего и что-то зашептал.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Я тот, кто тебе поможет, — отозвался он. Порождение Мрака, завизжав от ужаса, бросилось прочь, улетая как можно дальше от них. — Со мной, детка, ты в безопасности. Пожалуй, во всем этом безумном мире только я могу тебя защитить.

— Но зачем тебе это надо? Чего ты добиваешься?

Загадочно улыбнувшись, старик промолчал.

Так начались странствия девушки по миру, полному воплощенных иллюзий, где было возможно все. Любая опасность, невероятная в обычном мире была здесь реальна. Все самое мрачное, что когда-либо выдумывал человеческий разум, нашло себе пристанище в этом месте.

— Ты испугалась, — вздохнул старик. — Зря. Ты боялась, когда пыталась спастись. Тебе казалось, что все зло вселенной готово поглотить тебя... Мне жаль, но страхи таких, как ты, имеют обыкновение становиться явью.

О чем он говорит? — девушка растерянно

прислушивалась к его словам. — Что он имеет в виду?

— Все дело в перепутье Миров, — вздохнув, признался он. — Это очень опасное место, оно меняет попавшего в него человека, будит способности, которые дремлют в каждом....

Внезапно налетевший порыв ветра заглушил продолжение фразы. Зашумело, с неба посыпался красный песок.

— Пора искать убежище, иначе ты можешь погибнуть, — не давая девушке что-либо произнести, старик схватил ее за руку и куда-то потащил. — Быстрее, быстрее, — приговаривал он.

Демоны с безопасного расстояния наблюдали за ними. Уж кто-кто, а они лучше всех знали, что произойдет в отдаленном будущем. Они предвидели потоки крови, которые затопят этот хаотичный мир, превратив его в океан боли и скорби. О, это будет прекрасно! — восхищались они.

— Называй меня Грен, — на бегу воскликнул старик. — Это, конечно, не настоящее мое имя, но...

— А меня зовут... — начала девушка, но Грен не дал ей продолжить.

— Я знаю, кто ты, — сказал он. — Пожалуй, мне это известно гораздо лучше, чем тебе самой.

Они нашли пристанище в убогой хижине, неожиданно появившейся на их пути. Это не удивило Грена. Здесь время от времени появлялись и исчезали тысячи существ и строений. А раз так, то какое это имеет значение? Тем более, до-

мик хоть и был настолько ветхим, что, казалось, мог развалиться в любое мгновение, являлся вполне надежным. Старик сотворил небольшое волшебство, и жалкая халупа, в которой они вынуждены были пережить песочный ливень, стала крепче алмазного дворца.

Внутреннее убранство жилища тоже не поражаало великолепием. Тут была одна комната, посреди которой стоял крепкий дубовый стол, рядом находилась скамья. «А где же жилец спит, если он, конечно, есть? — удивленно подумала девушка. — На полу?»

Нельзя сказать, что нынешнее положение печалило ее. Скорее напротив, ведь она нашла человека, который может помочь ей вернуться в подлинный мир, где ее ждет Эльбер!

— Сейчас не время предаваться мечтаниям, — резко сказал старик. — Мы должны подумать, как нам добраться до портала, прохода между мирами.

Пожав плечами, она отозвалась:

— Пока бушует гроза, мы все равно не можем отправиться в путь.

— Ты права, — вынуждено признал он.

Грен печально покачал головой. Ему не нравился этот мир, он был слишком похож на бред, полон абсурдных пейзажей.

— Мне холодно, — пожаловалась девушка. — Мне очень холодно...

Он обнял ее.

— Все хорошо, — шептал он, — все хорошо.

Хижина сотряслась, когда на улице громыха-

ло. Страшно было представить, что там происходит. Грен чувствовал запах крови и приближающейся опасности. Он страшился не за себя, девушка — вот чью жизнь он поклялся оберегать.

Согретая теплом, исходящим от его тела, она заснула.

«Девочка, — подумал Грен, глядя ее по голове, — сколько же еще нам с тобой предстоит пережить, прежде чем мы доберемся до цели. Конец пути — твоя мечта исполнится...»

От дум его отвлек скрежет, кто-то пытался проникнуть в дом, но не мог преодолеть предусмотрительно наложенные им охранительные чары. Не скоро врагу удастся прорваться, но надо быть готовым к этому.

Грен сосредоточился, прощупывая окружающее, он желал знать, кто собирается на них напасть. И еще. Его интересовали мертвые, есть ли они в округе и придут ли на помощь, если он их призовет? Ему удалось выяснить, что враг, с которым им предстоит встретиться, тот самый демон, который первым напал на девушку-королеву. В этот раз он обладал гораздо большими силами, найдя где-то поблизости источник мощи. Что же касается трупов, то таких, какие Грен мог бы использовать в своих интересах, увы, не было. Жалко, конечно, но он не в первой попал в подобную ситуацию. Сколько раз ему доводилось бродить по лабиринту миров, и он всегда находил выход в родную реальность. Вот только в этот раз все было куда сложнее, ныне он должен был провести с собой живого человека.

— Открой, — провыл демон. — И я вознагражу тебя быстрой смертью.

— Почему ты преследуешь девушку? — поинтересовался Грен.

— Она... она не должна явиться в реальный мир, это плохо. Это мне не нравится! — заявил он. — Она может испортить развлечение.

— Ты знаешь, что там происходит?

— Да. Я видел, — он мерзко захихикал. — О Эльбер, любимый! — передразнил демон. — Он грезит о Гларии, тяжело переживая ее смерть. Он даже задумал создать драму в память о ней... Люди такие нелепые создания!

— Королева, — прошептал Грен, — вернется в Хайборию.

— Отдай ее мне, и я, возможно, не стану убивать тебя. Даже, может быть, исполню любое твоё желание. В своих снах ты видишь, как ласкаешь свою спутницу, — не отпирайся, мне это известно. Я могу сотворить тысячу ее копий, чтобы они ублажали тебя. Я могу дать тебе богатство, силу, власть!

— Ты такой же лживый, как и весь этот мир! Ты — низший демон — замолчи, сгинь!

— Грен... — хмыкнул он, — или ты предпочитаешь, чтобы я назвал истинное твоё имя?

— Тебе оно неизвестно! А вот я твоё знаю, Халуаст.

Тот, кто знает имя демона, повелевает им.

— Ныне ты мой раб, — сказал старик. — Так что выполняй мой приказ: расскажи, откуда ты взял силу.

— Но как? Откуда тебе стало известно, кто я?! — разгневано зарычал Халуаст.

— Я предвидел это, как и многое другое.

«Источник мощи, — думал Грен, — вот куда следует направиться. Там я, зачерпнув первозданной силы, смогу перенести нас с королевой в один из ближних миров. Конечно, это будет не реальный, подлинный мир, откуда мы пришли. Но мы станем ближе к portalу, с помощью которого сможем вернуться домой вдвоем».

— Говори! — воскликнул он, едва не разбудив девушку. Он так и не впустил демона в дом, не видя в этом смысла. Уж пускай лучше отродье тьмы останется снаружи.

— Источник... Я нашел его в центре большого кратера. На глубине в самом низу струился тоненький ручеек магии, и я напился из него.

— Можешь перенести туда, где это было?

— Нет, — печально вздохнул он. — Это не в моей власти. Но я могу указать путь!

— Халуаст, ты знаешь, что я с тобой сделаю, если ты обманываешь меня?

— Догадываюсь, хозяин, — скривился демон.

— Это хорошо, — протянул Грен.

В его руках заворочалась девушка, его разговор с порождением Тьмы разбудил ее. Она, позевывая, недоуменно посмотрела на него.

— С кем ты говорил? — спросила она.

Старик взглянул на нее. Она была так прекрасна, длинные струящиеся по плечам волосы, большие голубые глаза очаровывали, словно волшебные озера. Грен любил девушку давно. Он

страшился признаться ей в этом. Он знал, что она грезит о другом. И все, что ему оставалось, это стараться помочь ей встретиться со своей любовью, Эльбером, а самому отойти и наблюдать со стороны за ее счастьем.

— С кем ты говорил? — повторила она.

— С демоном. Он будет помогать нам.

Девушка недоверчиво вскинула брови, но ничего не сказала. Вместо этого она предпочла подумать о более насущных проблемах. Например, о том, как утолить самый обыкновенный голод.

— Еда! — воскликнул Грен, подходя к столу. Он взмахнул рукой и на столе появились хлеб и стакан вода.

— Почему ты не сотворил что-нибудь более аппетитное?

— Это сложно объяснить, — отозвался он.

«Ну и ладно!» — девушка, не привередничая, стала поглощать пищу. Старик печально наблюдал за ней, все еще полной жизни, несмотря на все то, что ей пришлось пережить.

— Почему ты не ешь? — отложив в сторону недоеденный хлеб, спросила она.

— Мне это не нужно.

— Ну, как знаешь, — девушка не стала спорить. Доев, она поинтересовалась: — А что, если песочный ливень будет длиться вечно? — ее сердце сжалось, ком встал в горле. Мгновение назад она была спокойна, и вдруг слезы нескончаемым потоком хлынули из ее глаз. — Суждено ли нам с Эльбером вновь быть вместе?

— Да, — твердо ответил Грен. Он давно уже

был больше, чем просто человек. Он был магом, некромантом. Он мог оживлять мертвых, заставлять служить себе оборотней, вампиров, демонов... Но сейчас он был растерян, он не знал, как утешить девушку, заставить ее понять, что, если они не сдадутся, упрямо двигаясь к цели, все будет хорошо.

— О, Эльбер...

Мир закачался, и она увидела своего возлюбленного в постели с другой женщиной. Рыжая бестия прикасалась к нему, целовала его сильное мускулистое тело... Нет, это неправда! Эльбер не мог предать ее!

«Ты в этом так уверена? — шепнул внутренний голос. — Он и раньше занимался любовью не только с тобой. Тем более, ты представляешь себе, сколько времени прошло в Хайбории? Наверно, он и думать уже забыл о тебе. Увидев правду, так ли ты хочешь вернуться? Не лучшим ли выходом будет остаться здесь, в этом нелепом мире навеки?»

— Халуаст! — зарычал Грен. — Ты что же это делаешь?!

— Я только выполнил ее невысказанную просьбу. Всеми фибрами души она желала узнать, чем занимается Эльбер... — захохотал демон, проявляясь рядом. В этот раз у него был иной облик. Он был сгустком огня, в котором можно было разглядеть искаженное лицо, на котором застыла довольная мина. — Смешно, он любит ее, посвящает ей драму, но в тоже время дарит ласки другой женщине!

— Не тебе судить об этом, — тяжело вздохнул Грен.

Пока они беседовали, девушка открыла дверь и выбежала на улицу под жесткие струи красного песка, сыплющегося с неба. Она хотела только одного: умереть.

Не было больше сил бороться за свою любовь. Она устала. Сколько раз Эльбер предавал ее! Больше она не могла терпеть, закрывать глаза на его похождения!

— Стой! — закричал Грен, но было уже поздно: девушку-королеву подхватил внезапно поднявшийся смерч и куда-то понес. Старик пытался вернуть ее, бормотал заклинания. Но все было напрасно. — Халуаст, спаси ее!

— Хозяин, ты требуешь от меня слишком многого. Я не могу сражаться с тем, кто ее украл.

— Она сейчас так беззащитна. После того, как она оказалась на перепутье Миров, ее душа истощена. Она впадает из одной крайности в другую. Она больна, она должна достигнуть гармонии сама с собой, прежде чем...

— ...окажется в Хайбории, — закончил за него демон. — А почему, собственно, ты так уверен, что она встретит вновь с Эльбером?

— Я видел это.

— Будущее слишком зыбко, его может изменить любой наш неосторожный поступок.

«Демон-философ?» — удивился старик.

Каких только чудес не встретишь, бродя по иным мирам. Первоначальная паника, вызван-

ная исчезновением императрицы, прошла. Ныне он был спокоен. Он найдет девушку и вызволит ее...

— Кто ее похититель?

— Ты же зрел грядущее? Догадайся.

— Халуаст! Я приказываю тебе: ответь! — Грен начинал сердиться.

— Он убьет меня, если я произнесу его имя... — прошептал демон. — Он уничтожит меня! Я перестану существовать, и все из-за какой-то никчемной девчонки!

— Не забывай, она — королева!

— Была, — фыркнул он. — Ныне она просто еще один человек, попавший не туда, где он может выжить. Вероятно, она спаслась бы, если бы умела управлять дарованными ей богами способностями. Увы, у нее слишком мало времени, она не успеет овладеть ими.

— О чем ты? — покосился на него Грен. — Если бы девушка была предрасположена к магии, я бы почувствовал это.

Халуаст захихикал. Он не собирался разъяснять старику происходящее. Тот должен был додуматься сам. Таковы правила, установленные богами.

— Если ты мне не скажешь, я заставлю тебя умереть.

Демон тревожно зашевелился, огонь задрожал.

— Хозяин, умоляю тебе, не делай этого! Ты сам еще не понимаешь, что похититель желает ей блага, также, как и ты. Только ему известно

гораздо больше! Он лучше разбирается в сложившейся ситуации!

— Ты — сгусток зла — отвечай немедленно!

— Ладно, если ты на этом настаиваешь, — Халуаст, хрюкая, вылетел на улицу и куда-то полетел.

— Вернись! — закричал ему вслед Грен.

Но он не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Я сожгу тебя!

— Дурак, — донес до него ветер слова демона, — следуй за мной...

Что? Как? Почему? — на тысячи вопросов не было ответа. Грену еще только предстояло выяснить, кто этот загадочный похититель. Что ему надо от королевы? Чего он добивается?.. Откуда-то из глубин сознания всплыло непонимание: Халуаст, как ему удалось попасть внутрь хижины, ведь вокруг были охранные чары. Кто помог ему? Уж не тот ли загадочный похититель? А что, если и он знает подлинное имя демона? Тогда, выходит, отродье Тьмы служит сразу двоим?

Грен бежал, не замечая хлещущих по лицу струй песка, не обращая внимания на нелепый пейзаж, открывающийся взгляду. Его не интересовали ни размалеванные оборотни, гоняющиеся за лягушкой, ни вурдалаки, жадно поедающие еще живую добычу. Старик понимал, что все это не более чем просто иллюзии, галлюцинации, единственной целью которых является заставить его остановиться, потерять след.

А что если Халуаст ведет его прямо в ловуш-

ку? Почему он сразу не подумал о такой возможности? Зачем спешит? Может, стоит подождать, собраться с мыслями?

Но нет, демон удаляется, некогда размышлять, нужно торопиться. И Грен, сотворив простенькое волшебство, взвился в воздух и полетел следом. Он рассчитывал, что легко сможет догнать Халуаста. Однако его предположению не суждено было сбыться. С каждым мигмом порождение Мрака отдалялось от него все на большее расстояние. И вот, наконец, впереди уже не маячила спина огненного демона.

— О, королева, — расстроено пробормотал Грен.

Что же теперь делать? Искать девушку, идя по следу, оставшемуся там, где пролетел Халуаст. Но он может завести его в капкан. А что, если направиться к источнику мощи? Наверняка Грен сможет ощутить его близость. Конечно, рано или поздно он отыщет силу. А дальше? Как поступить? Или же, воспользовавшись своим даром, возможностью передвигаться между мирами, найти портал?

Душу Грена тянуло к девушке. Королеву он любил уже очень давно. А она... вначале ее мысли занимал Элгон, а потом, когда он умер, казалось, что ее сердце свободно. Но, увы, она продолжала страдать по нему. Шли годы, а ее чувства оставались неизменными. И вот, сама судьба подшучивала над Греном. Когда он собрался наконец рассказать ей о своих чувствах, появился Эльбер в компании с Посвященной! Последстви-

ем той встречи оказалось исчезновение королевы из мира живых. И Грен отправился на ее поиски. Что ж, все повторяется. Девушка похищена, и он уже в который раз обязан ее спасти. А для этого нужна сила. Источник мощи, — подумал он. Цель дальнейшего странствия была ясна.

Но как определить, где он находится? Демон обещал показать, появится ли он, если его призвать? Или проигнорирует вызов?

— Халуаст! — позвал он.

— Да, хозяин! Чего желаешь? Исполню любое твоё желание... — около него загорелся небольшой огонек.

Грен не ожидал, что демон отзовется. Это его насторожило и обрадовало одновременно.

— Куда ты улетел? Где девушка? Что происходит?

— Ни на один из этих вопросов я не имею права тебе отвечать!

— Ты! — зарычал старик. — Зачем же ты тогда явился на мой зов, если не можешь помочь?

— А что, источник мощи тебе уже не нужен? Я, как и обещал, приведу тебя к нему.

«Не следует доверять ему, — размышлял Грен. — Халуаст служит не только мне. Но демоны не способны лгать своему повелителю! Да, но он вполне способен создать на пути непреодолимые препятствия, которые погубят меня».

— Есть ли впереди опасность?

— Конечно, она же здесь витает даже в воздухе! — демон вспыхнул чуть ярче. — Так что не

думай, что дорога до источника будет легкой мирной прогулкой!

Все это не добавило Грену оптимизма. Но он не привык отступать перед трудностями.

— Я полечу за тобой! — расправив крылья, которые у него все еще оставались, он последовал за демоном.

В этом хаотично-фантастическом мире волшебство творилось с удивительной простотой. Достаточно было только шепнуть магическую формулу, как все свершалось. В реальном мире ничего подобного никогда не происходило. Даже чтобы сотворить там простейшее колдовство, приходилось готовиться к нему несколько месяцев! А тут...

Он посмотрел вниз, с высоты демонского полета открывался любопытный вид. Внизу копошились какие-то существа, отдаленно напоминающие муравьев. Они что-то строили и тут же рушили, создавали и уничтожали. Они стремились к совершенству, которого невозможно достичь.

— Впереди враг, — предупредил Халуаст, опускаясь на землю.

— Уж не тот ли, что похитил королеву? — насторожено поинтересовался старик.

— Нет, — задумчиво покрутив головой, демон добавил:

— Смотри-ка, а ты уже привык к непрекращающемуся песочному дождю. Больше он тебя не страшит.

— Он и раньше не пугал меня, ведь он не

живое существо, он не может причинить мне вред. Я переживал за девушку, ей...

— Ты не прав, — прервав, заметил он, — в этом мире песок способен убивать... Ты еще не встречался с ним по-настоящему.

— О ком или о чем ты говоришь?

— О Песочном Властелине, — задрожав от не-притворного страха, отозвался Халуаст.

«Ловушка!» — паника попыталась овладеть Греном, он так и знал, что отродье Тьмы ведет его в кем-то умело расставленный капкан. Не случайно же Песочный Властелин, о котором старику доводилось читать только в древнейших свитках, встал на его пути.

Глава третья

есомненно, последствия пребывания в Асингалеке Сони и ее друга оказались весьма печальны для владельца замка — графа Ютена. Начать с того, что его охрана оказалась полностью уничтоженной. Она состояла из стаи оборотней, и до последнего времени Ютен имел все основания чувствовать себя в полной безопасности.

Но не теперь. Человек, которого он не зря считал иллюминатом, сделал так, что все эти поразительные создания в одночасье перестали существовать. Он обманул их природу, силой своего воображения создав для них неожиданное полнолуние и спровоцировав начало превращения, во время которого несчастные существа были совершенно беспомощны.

Благодаря этой уловке иллюминату удалось сбежать вместе с Соней, а оборотни так и не

смогли оправиться после череды внезапных перевоплощений, несвоевременных и мучительных. Кто-то из них просто издох, иные навсегда остались в обличье получеловека-полузверя и потеряли рассудок — Ютену не оставалось ничего иного, как по одному добить их стрелами с серебряными наконечниками, ибо больше они ему служить не могли.

Понятно, что граф их не оплакивал. Он был раздосадован, взбешен и готов на все, чтобы вернуть вовсе не своих верных слуг — понадобится, он со временем соберет новую стаю таких же — а сокровище, которое он так долго и страстно желал получить, и которое было у него в руках и оказалось утраченным всего за несколько мгновений до наступления триумфа. И виной тому оказалась рыжая дочь Рыси, в этом Ютен был уверен. Но не только она...

Главным виновником своего поражения граф справедливо считал человека, явившегося в замок вместе с одним из самых старых Избранных, Ункарном.

Несколько великих хайборийских магов, входивших в тайное Братство Огня, могущественный колдовской орден, собрались в тот день в Асингалеке на призыв Ютена, чтобы стать свидетелями великого чуда. Но Ункарн привел с собою своего слугу, которого нанял совсем недавно. Этот-то слуга наверняка и был в сговоре с дочерью Рыси. Узкоглазый кхитаец, хитрый, как тысяча лисиц, просто увел иллюмината из-под носа Ютена, чтобы самому воспользоваться его

удивительным даром, к тому же перекупив Соню и сумев привлечь ее на свою сторону.

Теперь, чтобы вернуть свою собственность, следует в первую очередь разыскать и уничтожить именно этого врага, самого опасного и умного из всей троицы.

Ютену не понадобилось много времени, чтобы выяснить: того человека ищет не он один...

Граф полагал, что в его жизни не может появиться ничего, способного вызвать у него чувство страха. Он не боялся ни этого мира, ни потусторонних сил, с которыми умел договориться, и в его сердце не имелось места для робости или неуверенности, наоборот, он сам вызывал трепет у тех, кто в достаточной степени осознавал, что Ютен собой представляет.

Удивительным сочетанием в его внешности хайборийских черт и оливковой кожи представителей Черных Королевств — наследие дарфарской прабабки-колдуньи — отнюдь не исчерпывалась уникальность асгардского графа.

Он многие годы посвятил изучению самых различных магических культов и овладел тайнами древних заклятий, а также способностью к «дальновидению», что весьма помогало ему, не покидая своего укрытого в непроходимой чаще убежища, переноситься мыслями в любую точку хайборийских земель и даже за их пределы, в Кхитай, Вендию, на материк Му... Правда, это не всегда получалось, и то, что открывалось Ютену в его видениях, могло быть очень сильно искажено и неправильно истолковано. Тем не менее,

эти маленькие досадные ошибки никоим образом не могли бы считаться свидетельством недостатка у графа магических знаний.

Но те трое, что явились в его замок непосредственно после произошедших там невероятных событий, заставили хладнокровного Ютена внутренне содрогнуться.

Внешне все они были похожи на того, кого он теперь считал своим первым врагом. И при виде них он подумал, что, будь даже живы и в полном здравии все оборотни Асингалека, как было совсем недавно, *эти* люди беспрепятственно вошли бы в его замок и вообще куда угодно, если бы сочли это нужным.

— Что вам угодно? — осведомился граф, стараясь сохранять спокойствие и с непередаваемой величественностью, как на меч, опираясь на свою трость (которой пользовался исключительно редко несмотря на то, что много лет назад лишился ноги и был вынужден передвигаться при помощи искусно изготовленного деревянного протеза; впрочем, данное обстоятельство он научился тщательно скрывать и ходил, почти не хромя). — Кто вы?

Они, как по команде, прижали руки к груди и поклонились ему, показывая, что явились с миром и готовы со всем уважением отнестись к хозяину замка.

— Досточтимый Ютен, — заговорил один из них, выступая вперед, в то время как двое других не сдвинулись с места, застыв в прежних позах, — прошу простить наше вторжение и то,

что мы нарушили твой покой. Поверь, мы немедленно покинем твой замок, едва ты поведаешь нам о том, что здесь произошло.

— Что именно вас интересует? — насторожился граф. Неужели незнакомцам тоже известно об иллюминате? Ему было противно от того, что он никак не мог справиться с охватившим его душевным трепетом и чувствовал, что вот-вот начнет дрожать, словно от холода, под безжалостным мертвым взглядом трех пар умных, цепких глаз. — Кто вы? — повторил Ютен свой вопрос.

— Мы явились с Радужных Островов, — пояснил тот из троих, кто говорил с ним, — мы ищем человека, который прежде был одним из нас. Ты видел его?

Граф позволил себе несколько расслабиться. Вот в чем дело. Что ж, все не так плохо.

— Видел. Он был здесь, — сказал Ютен. — И причинил мне... некоторый вред, похитив то, что ему не принадлежало, и присвоив себе. Я не знаю, зачем он вам понадобился, но думаю, что по законам любой земли такие действия подлежат осуждению.

— Безусловно, это так, — согласился говоривший. — И он давно осужден смерти, ибо нанес жестокое оскорбление не только тебе. Что ты скажешь на то, чтобы помочь нам найти твоего обидчика, а взамен мы возвратим утраченное тобою?

Сердце Ютена дрогнуло от мстительной радости. Еще бы! Да он на все готов, чтобы жестоко

покарать узкоглазую мразь, почти погубившую его надежду.

— Мы принадлежим к одному из самых могущественных кланов Радужных Островов. Мое имя Хэйдзи из рода Коги, — наконец представился гость.

— Я готов оказать вам всяческое содействие в поисках, — заверил его Ютен. — Предполагаю, тот, кто вам нужен, мог отправиться в немедийский Бельверус.

— Это совпадает с тем, что нам известно, — склонил голову Хэйдзи. — Мы намеривались посетить Бельверус. Но не затруднит ли тебя подробнее рассказать нам о тех, кто был с ним в Асингалеке, описать его возможных спутников?

— Конечно. Рыжеволосая женщина с серыми глазами, исключительно опасная и хитрая, специально обученная боевым искусствам и прекрасно ими владеющая. Она умеет принимать чужие обличья, изменять свой вид почти до неузнаваемости. Ее имя — Соня, и она прошла Посвящение Рыси. Я дал ей поручение доставить мне одну достаточно ценную вещь из Черных Королевств, но, добыв ее, женщина обманула меня и ничего не принесла в Асингалеку. Жить она может где угодно, во дворце или среди гниющих отбросов, и чует приближение опасности, точно дикий зверь. С нею — мужчина... — Ютен ненадолго задумался. — Бритунец, невысокий, но сильный, его нельзя недооценивать, он тоже боец, некогда был гладиатором. Мое условие — он мне нужен живым. Только живым. И Соня тоже.

— Какую же вещь у тебя похитили, досточтимый? — осведомился Хэйдзи.

— Каменю с изображением солнечного диска, от которого исходят лучи, заканчивающиеся человеческими ладонями, — охотно сообщил граф. — Женщина, возможно, носит ее на шее.

— Хорошо. Что еще ты можешь добавить относительно бритунца?

Это была скользкая тема, которой Ютену совсем не хотелось касаться. Не хватало только привлечь внимание Хэйдзи к иллюминату...

— Внешне в нем нет ничего примечательного, каких-то особых знаков. Разве что небольшой шрам над левой бровью. А так — он актер из Килвы, неплохой лицедей, тоже умеет быть очень разным. Да вы ведь не за ним гоняетесь по всей Хайбории. У нас с ним свои счеты, ваших интересов никак не затрагивающие. Вы ищете своего предателя...

— Имя бритунца? — прервал Ютена Хэйдзи.

— Эльбер из селения Бершем. Его еще могут называть Муонгом, потому что он несколько лет прожил в Черных Королевствах, и это второе имя было дано ему там, в одном из племен. И... прежде он также имел прозвище «Бритунский тигр». Когда он дрался в Килве, его так называли.

Островитяне переглянулись.

— Актер и одновременно гладиатор? — переспросил Хэйдзи. — Несколько необычно. Ты ничего не хочешь добавить к своему рассказу?

— Думаю, нет. Но если вы подождете до утра,

возможно, мне удастся припомнить еще какие-нибудь подробности, детали, которые могут оказаться полезными для ваших поисков.

— У нас нет времени ждать, мы не можем задерживаться.

— Впереди ночь. Неужели вы откажетесь от трапезы и сна?

— Мы должны идти. Благодарим тебя, — Хэйдзи снова согнулся в низком поклоне.

Прекрасно, подумал Ютен, когда островитяне покинули Асингалека. Такие фанатики способны справиться с любым противником. И они вернут ему иллюмината. Во второй раз он, граф, не допустит никаких ошибок.

Впрочем, ему бы следовало не дожидаться у моря погоды, а отправиться в Бельверус самому: никто так, как он сам, не заинтересован в успехе начатого им дела, ни на одного человека нельзя положиться вполне.

Увы, для Ютена всегда было непросто покинуть свои владения, и он старался не слишком удаляться от Асингалека, не только потому, что имел досадный физический недостаток, не позволявший ему совершать длительных путешествий, но главным образом из-за того, что весьма неуютно чувствовал себя на любой чужой территории.

Ютен сумел понять, что за люди посетили его, если не вполне, то хотя бы приблизительно. Поистине, судьба иногда сама преподносит неожиданные подарки, на которые менее всего рассчитываешь. Недаром его интересы в течение

многих зим вовсе не ограничивались магией Черных Королевств или же Стигии.

Ютен, как губка, впитывал в себя Знание самых разных земель и народов, и его очень пристальное внимание привлекали также Кхитай и Радужные Острова. Он даже до некоторой степени овладел их сложнейшей письменностью, насчитывающей несколько тысяч символов, ибо отличался поистине замечательной памятью и терпением, и имел весьма обширные представления об обычаях и легендах далеких странных народов.

Недаром собрание книг и манускриптов в Асингалеке насчитывало многие тысячи томов и свитков, и Ютен изучил их все. Он знал, например, что представители великих тайных кланов Радужных Островов способны делаться совершенно невидимыми... от них же позаимствовал асгардский граф с оливковой кожей страсть к зеркалам и светильникам — и Асингалека сделался подобием знаменитого кхитайского Дома тысячи светильников, перестроенный так, чтобы им всем было где разместиться. Он также при совершении сложных магических ритуалов использовал некоторые приемы, знание о которых почерпнул из учения Островов.

В нынешней же ситуации его представлений об Островах вполне хватило, чтобы понять: Хэйдзи и его безмолвные братья не отступятся от поисков того, кто каким-то образом изменил либо своему суверену, либо нарушил некие запреты и законы клана. Они станут преследовать его, по-

ка не убьют, и эта смерть будет страшной, разве что он успеет прежде покончить с собой, чем облегчит свою участь.

Чувство мстительного удовлетворения охватило Ютена при этой мысли. Его враг будет повержен, а иллюминат окажется в его власти — он и Соня, прекраснейшая из женщин, но осмелившаяся отвергнуть его. Она поймет, в чем ее настоящее счастье, когда он, Ютен, сломит ее гордую волю...

* * *

— Да, эти аквилонцы не так просты, какими кажутся, — проговорил Эйнацир. — Живут замкнуто, нигде не появляются, не пытаются сойтись с другими представителями аквилонской диаспоры в Бельверусе, виданное ли дело... Деньги у них водятся, это точно. И главное, в течение некоторого времени их не было, — а куда уходили, и когда появились снова, в точности сказать не могу. Можно заподозрить, что они тут что-то вынюхивают, очень похоже — в качестве согладатаев. Внутри своих владений стараются никого не допускать, хотя исправно платят подати на землю и собственность. Причем, все расчеты производит женщина, мужчину я почти не вижу, такое впечатление, что она в их семье всем управляет и принимает решения. От инородцев всегда больше головной боли, чем проку, — подвел он итог, разводя руками в жесте некоторой досады, хотя собеседнику его, главе городской

стражи Коувилару, было отлично известно, что без этих самых инородцев Эйнациру жилось бы куда менее сытно, так что тому следовало бы скорее благословлять их существование и присутствие в Бельверусе, нежели выражать насквозь лицемерное недовольство.

— Немного и недостаточно подробно, любезнейший Эйнацир, — губы Коувилара сжались в тонкую линию, что не предвещало ничего хорошего. — Эта пара живет в Бельверусе далеко не первую луну, а ты о них почти ничего не знаешь. Непонятно, чем ты занимаешься. Я думаю, тебе следует проявить больше усердия и представить мне более подробные сведения об этих людях.

— Я понял, — пробормотал Эйнацир, — и все исполню в точности, — он знал, что с Коувиларом шутки плохи, и отлично представлял себе, что от него самого требуется в такой ситуации. — Но осмелюсь заметить, что я даже не могу поручить это своим людям, ибо аквилонцы не пользуются наемной охраной и не нанимают слуг. Они слишком неприхотливы для столь знатных особ, за которых себя выдают.

— Такой особняк никем не охраняется, и они там только вдвоем? — Коувилар нехорошо усмехнулся. — Но это обстоятельство должно не усложнять, а предельно упрощать твою задачу. Обыщи дом, каждый его сенм, и сообщи обо всем, что сочтешь настораживающим.

— Особняк пользуется дурной славой, — снова попытался оправдаться Эйнацир, — якобы

там водятся какие-то нечистые духи. Я был рад, что хотя бы за гроши смог его продать... но мои люди опасаются лишний раз испытывать судьбу и проникать туда без ведома хозяев.

— Хозяевами в Бельверусе не могут быть ни аквилонцы, ни уроженцы Офира, ни кто-либо еще, кроме подданных Немедии, — сухо произнес Коувилар. — А мужество твоих наемников прямо пропорционально вознаграждению, жадная ты тварь. Вот и купи его! Мне только не хватало выслушивать старушечьи сплетни! «Нечисть», «дурная слава»... Как у тебя совести достает кормить меня такой чепухой?! Убирайся с глаз и помни о том, на кого ты работаешь, Эйначир! «За гроши», — продолжал разоряться глава охраны, даже когда его собеседник принялся отступать в сторону двери, не скупясь на бесчисленные поклоны и извинения, — кто поверит, будто ты не содрал с аквилонцев за этот дом втрое против его истинной стоимости, даже если особняк кишел бы крокодилами! — лицо начальника стражи побагровело от гнева, скупость торговца Эйначира была, действительно, притчей во языцех. — Тебя давно пора повесить за вранье!

Впрочем, Эйначира не сильно напугали вопли и угрозы Коувилара. Он отлично сознавал меру собственной значимости для службы тайной охраны Бельверуса. Благодаря его усилиям, то есть бесконечным доносам, уже немало голов слетело с плеч, хотя Коувилар и приписывал все заслуги по этой части себе лично.

Эйначир не искал сомнительной славы, его

интересовали куда более простые и понятные знаки расположения и признания его заслуг — деньги. Он охотно доносил на наиболее состоятельных людей, которым продавал дома в богатых кварталах, в результате значительная часть их собственности, за ненадобностью прежним, арестованным и казненным, хозяевам становилась его достоянием — остальное шло частично Коувилару, частично в казну через руки Ишума, в карманах которого тоже оседало золото — итак, эта троица процветала вполне.

От Эйначира невозможно было скрыться, — если он задавался целью погубить человека или всю семью, то обыкновенно этой цели добивался, разве что какое-то время от него можно было откупаться, таким образом, несколько оттягивая неизбежный печальный финал.

Но увы, Эльбер и Соня не попадали в число тех, кому он бы вознамерился позволить жить спокойно в течение еще какого-то промежутка времени — и все потому, что они не желали платить ни гроша сверх обычных, установленных бельверусскими законами, податей (кстати, самих по себе весьма немалых и разорительных). Хуже того, Эйначира и на порог особняка ни разу не пустили. Непростительная гордыня — большая ошибка.

...Между тем, внутри особняка продолжали бушевать свои страсти. Эльбер, словно начисто отбросив размышления о своем даре иллюмината, снова, как одержимый, погрузился в работу над давно задуманной им драме о древнем царе

и маге Элгоне — Сыне Света, которую мечтал когда-нибудь поставить в Килве и сыграть там главную роль, и был слеп и глух ко всему, что не касалось его бессмертного творения. Тем более что теперь его творчество обрело новый сильнейший стимул — по словам Эльбера, каждое слово этой драмы он намеривался посвятить памяти своей покойной возлюбленной, Гларии. Теперь его проще было убить, чем отвлечь от его затей. О том, чтобы внести ясность в вопрос о смерти Гларии, он не упоминал, вероятно, продолжая терзаться сомнениями на сей счет.

Соня жила в предощущении какой-то скорой и неминуемой катастрофы, в любой момент ожидая появления Ютена либо его посланников и размышляя о том, как дать им достойный отпор.

Таймацу то исчезал, то появлялся снова, разумеется, никому не давая отчета в том, где бывает и что делает. Он тоже чуял приближение опасности, и если бы, как прежде, как всегда до последнего времени, отвечал только за себя, скорее всего, поспешно покинул бы не только Бельверус, но и вообще Немедию в поисках нового, более надежного пристанища — вечно гонимый беглец, преследуемый своими прежними *братьями* с Островов, мог спастись, лишь постоянно перемещаясь с места на место и будучи на два-три шага впереди них.

Ведь для Хэйдзи не существовало преград расстояний и времени. Посланный в погоню за беглым предателем, он был обязан завершить

начатое и привести приговор в исполнение, сколько бы лун и зим для этого ни потребовалось.

На его месте сам Таймацу действовал бы так же, поэтому он не испытывал к Хэйдзи ни ненависти, ни неприязни. Конечно, в нынешней ситуации уйти из Бельверуса было бы самым простым и разумным решением. Но Осенняя Луна этого сделать не мог. Он больше не был один и не был свободен.

С ним случилось великое несчастье — Призрак понял, насколько ему стали необходимы люди, за судьбу которых он чувствовал себя ответственным, как когда-то за Хаяросоку, пленного круглоглазого, с коим свела его жизнь в монастыре на острове Садацугу. Тот человек должен был погибнуть, но Таймацу освободил его и бежал вместе с ним, презрев законы своего клана. Он не мог бросить тогда в джунглях беспомощного, измученного жестокими пытками человека, которого спас и нарек ему новое имя — Пламя Свечи На Ветру. Не мог и сейчас поступить подобным образом. Не зря же он столь терпеливо дожидался возвращения Эльбера, не зря создавал свою удивительную ученицу — Кейула-ни, а главное, хотя в этом даже безжалостно честный с самим собой Таймацу не сразу решился признать себе, впервые после Сагары с острова Садацугу он встретил женщину, которая стала ему дорога.

Таймацу умел скрывать любые свои чувства, независимо от их силы и той боли, которую они

ему причиняли. Но его внешняя невозмутимость вовсе не означала, что за нею действительно — ни чем не омраченный душевный покой. Сердце Призрака было подобно спящему вулкану.

Соня без всяких усилий с ее стороны запала ему в душу. Вокруг нее распространялась особая аура, которая освещала ее необычную красоту и наполняла ее такой неземной прелестью, какой Таймацу и не предполагал когда-либо встретить вне Островов. Она была доброй, но не слабой; прямодушной, но не наивной; прощающей, но не доверчивой. Она была веселой и яркой, прямой и восприимчивой, не самонадеянной и не эгоистичной — как раз такой женщиной, о которой только можно мечтать. Осенняя Луна повсюду ощущал ее присутствие, ее запах...

Но Соня была столь же запретна для него, как когда-то Сагара — девушка-куноити, служившая и принадлежавшая, душой и телом, своему господину Асикаги, — и столь же желанна. Мукой для Призрака было ежедневно видеть ее, говорить с нею, обмениваясь колкостями, на которые Соня была мастерица, мукой — наблюдать, как она обнимает и ласкает другого мужчину, без труда получающего от нее то, что ему, Таймацу, дозволено только во снах, мукой — слышать стоны наслаждения и страсти, исторгающиеся из ее груди, когда она делит постель с Эльбером, и ее тихий, довольный смех, когда они просто лежат рядом, пресыщенные только что совершенным.

Но Осенняя Луна умел, кроме всего прочего,

и любить, не требуя ответа, без зависти и досады, не позволяя ревности ослепить себя. Он знал, что как мужчина совершенно не привлекает Соню, и этого изменить нельзя, что бы он ни сделал, на что бы ни пошел ради нее. Любовь не купишь деньгами, не завоеуешь подвигами. Все, что оставалось Осенней Луне — это *не уходить*. Быть рядом с нею столько, сколько позволит судьба, допустит Единый. Даже если это означает подставить себя под удар Хэйдзи.

В одиночку он бы мог снова спастись, он был более быстр, ловок, умен и находчив, чем его упрямый и безжалостный враг, не зря же Таймацу неоднократно сбивал Хэйдзи со следа, и тот восемь зим рыскал по Кхитаю и Гиркании в бесплодных поисках, в то время как Осенняя Луна находился чуть ли не на другом конце света — в Немедии, Бритунии, где старался поставить на ноги изувеченного в схватке с Кавабом Эльбера, и опять в Немедии, зная, что позволит Хэйдзи настичь его лишь тогда, когда устанет убегать и сам пожелает смерти.

По своему естественному благородству, о котором Призрак никогда не задумывался, он предполагал даже допустить гибель от руки Хэйдзи — пусть преследователь, исполнив свой долг, испытает долгожданное удовлетворение.

Но это должно было произойти еще очень, очень не скоро.

А теперь так получалось, что срок его пребывания в мире живых истекал. И это вовсе не прибавляло Таймацу радости. Раскрыть его убе-

жище для Хэйдзи будет несложно. И хитроумные ловушки, коих полно в особняке, специально оборудованном для того, чтобы дать достойный отпор любому непредвиденному вторжению чужака, он минует легко.

В Немедии у Таймацу не имелось достойных противников, которых он мог серьезно опасаться — самые отчаянные схватки наиболее опытных хайборийских бойцов для него были неуклюжей детской возней. Но Хэйдзи являлся таким же островитянином, прошедшим ту же школу, что и он сам, и это в корне меняло дело. Кроме того, не он один гнался за Осенней Луной, и все преследователи были изрядно раздражены и утомлены затянувшимися бесконечными поисками. В двух шагах от успеха и победы они не отступят и не повернут назад.

Он почти что слышал их тяжелое, как у охотничьих псов, бегущих за оленем-подранком, дыхание, и земля все ближе и ближе вздрагивала от решительной поступи ног, обутой в легкие бесшумные сапоги с особым отделением для большого пальца...

* * *

— Таким искусством никто в Немедии не владеет, — проронил Хэйдзи, переводя взгляд на своего спутника, Тайру; тот мрачно склонил голову, соглашаясь.

— Меня уверяли, что это сделала старая женщина, — сказал третий из них, Гэмбан. — Старая

сумасшедшая знахарка Кейулани, которая исцеляет раненых гладиаторов.

Хэйдзи решительно покачал головой, обритой наголо и с длинной косичкой на затылке.

— Исключено. Здесь явно применялось Знание Островов. Я видел мужчину по имени Аггу. Швы на его виске совсем свежие и наложены определенным образом. Перепутать невозможно. Кто эта Кейулани? Гэмбан, ты говорил с нею?

— Еще нет, но это легко осуществить. Ее всегда можно отыскать в Килве. Я немедленно отправлюсь туда, чтобы удостовериться... я тоже видел исцеленных ею людей и могу подтвердить твой вывод, Хэйдзи. Во всех без исключения случаях видна выучка, полученная либо на Островах, либо благодаря кому-то, владеющему таковой в совершенстве. Это школа тайных монашеских орденов Садацугу.

— Кейулани — не немедийское имя, — заметил Тайру. — Не хайборийское. «Небесная чистота» — кто мог наречь так знахарку?..

Аггу действительно ощущал себя теперь совершенно новым человеком. Он не знал, что с ним сотворила Мать. Она дала ему выпить какой-то вяжущий отвар, после чего Аггу мгновенно заснул и ничего не видел и не слышал; до сих пор, если ему на долю выпадало очутиться в руках лекарей, его раны зашивали по живому, и он даже не подозревал о великом благе, когда можно не испытывать невыразимых мук под ножом врача.

Самое же главное, он не помнил, как снова

оказался в доме Туорга, зато чувствовал, что больше изводившие его приступы никогда не вернутся. Об этом случае говорили, как о совершенном чуде.

Понятно, что в связи с особыми обстоятельствами все церемонии по поводу сомнительной победы в Малиараке пришлось отложить на неопределенное время.

Аггу ощущал в себе достаточно сил, чтобы самостоятельно двигаться, но бельверусские лекари пока запрещали ему даже помышлять об этом. А на третий или четвертый день после его чудесного исцеления к нему явился какой-то новый знахарь — очень высокого роста, настоящий гигант, странно одетый и с узкими черными глазами. Как и прочие, он взглянул на работу Матери, но не удивился увиденному, только спросил о том, что Аггу помнит. Юноше было нечего ответить, и незнакомец быстро удалился. Его посещение оставило в душе Аггу неприятный осадок и чувство тревоги, усилившееся из-за того, что он снова начал размышлять о своем будущем.

...Араминта же, узнав о том, что ее обручение, которого она твердо решила ни в коем случае не допустить, откладывается, испытала некоторое облегчение. У нее появилось дополнительное время для подготовки к побегу. Так сказать, пространство для маневра. Поэтому, когда Ишум объявил дочери, что ей следует вместе с ним нанести визит князю Аггу первой, девушка принялась отчаянно сопротивляться.

— Не пойду я к нему! Не хочу! С какой стати, и что я там забыла? — возмущалась Минта. — Он меня вообще не звал, мы даже не знакомы. Получится, что я ему навязываюсь.

— Князь едва не умер из-за неожиданно напомнившего о себе старого ранения, — убеждал упрямцу Ишум. — Он заслуживает внимания будущей невесты. Туорг и Ликенион пригласили тебя и меня, это равносильно проявлению его собственной воли.

— Умер, нет ли, какая мне разница, — дерзко ответила дочь. — Он болен? А мне-то что за беда? Я же не нанималась к нему сиделкой. Меня все это не касается.

— Араминта, ты никогда не была бессмысленно жестокой, — изменил тактику казначей. — Подумай, у князя в Бельверусе нет ни одного родственника. В его нынешнем прискорбном положении, он будет несказанно счастлив, если ты проявишь к нему внимание и сочувствие. Этот визит, в конце концов, всего лишь долг вежливости и ни к чему тебя не обязывает.

«Пожалуй, он прав, — подумала Минта. — Лучше сейчас уступить в такой мелочи, чем вызывать ненужные подозрения и поставить под удар все дело».

— Хорошо, — угрюмо согласилась она, — я зайду к нему ненадолго.

Между прочим, между ней и отцом ни разу не обсуждался возраст Аггу, и Минта полагала, что новоявленный князь значительно старше нее самой. Если такая же ситуация в случае с

Эльбером ее не беспокоила, здесь Араминта оставалась непреклонна — не нужна ей какая-то старая развалина. Что ж теперь, сидеть и дожидаться его смерти как избавления от тягостных брачных уз? Вот уж радости-то...

Так или иначе, Ишум своего добился и все же доставил юную мятежницу в дом Туорга. Все едва не испортило появление Ликенион, которую Араминта терпеть не могла, причем взаимно, хотя и без видимых на то причин. Девушке претила лживость и неискренность одной из первых бельверусских красавиц, а та не упускала возможности при каждом удобном случае сказать ей какую-нибудь плохо скрытую гадость.

— О, Араминта, малышка, мы давно не виделись, — хищно улыбнулась ей Ликенион и на этот раз. — А ты все хорошеешь. Если бы еще давала себе труд следить за собой, могла бы казаться даже очень миленькой. Конечно, лошадям все равно...

— К чему так стараться, — огрызнулась Минта в ответ, — мне ведь нет нужды лезть вон из кожи, чтобы собрать вокруг себя толпу поклонников, я и без того молода, да и на всех мужчинах без разбору не помешана.

Женщины обменялись такими улыбками, какие могли бы, пожалуй, в совокупности заморозить целое море в одно мгновение ока.

— Отец, — проговорила Минта затем, обращаясь к Ишуму, — я, конечно, счастлива встретиться с блистательной госпожой Ликенион, и

как-нибудь в другой раз мы с ней с удовольствием еще поболтаем, однако сейчас мне бы хотелось сделать то, для чего мы вообще сегодня сюда явились и принести свои пожелания скорейшего выздоровления князю Аггу. Я могу его видеть?

— О, безусловно, — вмешался Туорг, уже начавший было прикидывать, что станет делать, если его супруга и гостя сцепятся и примутся рвать друг другу волосы, — князь предупрежден и с нетерпением ждет тебя, Араминта. Пока, видишь ли, он еще не совсем освоился в Бельверусе и временно живет у нас, но к моменту вашей свадьбы его собственная резиденция будет готова принять вашу счастливую пару, об этом не беспокояся.

— Рада слышать такую весть, — хмыкнула Минта довольно неучтиво, но ее запас вежливости уже иссяк, поэтому девушка ничего не могла с собой поделать, — а то уж я подумала, что придется жить бок о бок с Ликенион. Так где же князь?

— Я провожу тебя к нему, дорогая, — вызвалась Ликенион, — дом огромный, надо иметь хоть капельку ума, чтобы не заблудиться.

— А почему ты так уверена, что твоего на двоих хватит? — осведомилась Араминта.

Аггу, заведомо предупрежденный об ее появлении, разумеется, позаботился о том, чтобы встретить девушку, которую вовсе не горел желанием видеть, все-таки достойно — на ногах и одетым, а не лежа в постели, к чему он, кстати,

никаких оснований не находил. Кроме того, он считал, что ему следует поступить с нею справедливо, прямо объяснив, что она напрасно рассчитывает на брак с ним, и ничего подобного он не желает и не добивается.

Но когда Минта вошла... дело было даже не в том, что она оказалась совсем не похожей на созданный Аггу образ дурочки с личиком сердечком, а выглядела высокой, стройной и прекрасной... но главное, разгневанной: он и рта не успел раскрыть после обязательных слов, произнесенных ее спутницей Ликенион, когда та представляла молодых людей друг другу, как Араминта выпалила:

— Я рада, что ты вовсе не при смерти, как мне расписали. Надеюсь, вскоре тебе станет еще лучше. Мой отец хотел, чтобы я тебе об этом сказала, вот я и говорю. Еще надо что-нибудь добавить?

Аггу был так поражен, что против собственной воли рассмеялся.

— Что во мне или моих словах ты нашел забавного? — не поняла Минта.

— Только то, что ты, по-моему, хотела видеть меня не больше, чем... — он чуть было не сказал «я — тебя», но вовремя опомнился, — прошлогдний снег. Тебя силой сюда привели?

— Почти что, — кивнула Минта. — Хотя лично против тебя я ничего не имею, и ты очень симпатичный. Я не ожидала. Думала, ты куда старше, и вообще, совсем другой. Ты был серьезно ранен, так ведь?

— Много раз, — подтвердил Аггу, — но ведь я воин, а в битвах всякое случается.

— Я вижу, — Минта, склонив голову к плечу, внимательно разглядывала его — седые волосы, шрам через все лицо, еще один, совсем свежий — на виске... — Сколько тебе зим, князь?

— Двадцать, — сообщил он, — и я не привык, чтобы меня называли князем.

— Почти как мне, — потрясенно проговорила Минта.

— Мне этот дурацкий титул не нужен, — продолжал Аггу. — И, кроме того... Араминта, ты очень хорошая девушка, такая красивая; но вряд ли я смогу стать твоим мужем, только не обижайся! Надо, чтобы ты знала — у меня есть долг, который я обязан исполнить, и я не могу допустить, чтобы до того времени кто-то надеялся на меня. Прости. Никакой помолвки не будет.

— Отлично, — Минта словно вышла из оцепенения. — Представь себе, я страшно рада, что ты сам освобождаешь меня от обязательств, которых я совершенно не желала. Теперь мне не угрожает брак с человеком, коего я не люблю. Видно, боги услышали мои молитвы. Ведь я... я уже обручена с другим.

С этими словами она и удалилась, оставив Аггу в полнейшем смятении. Ужас заключался в том, что теперь он был готов вбить в собственную глотку свои же слова, да было поздно. «За тебя, Архалук», — прошептал Аггу имя своего командира. Только на сей раз это не принесло ему облегчения...

Минта сухо сообщила Ишуму о том, что, вероятно, она не устраивает князя Аггу в качестве будущей супруги, и тот отослал ее прочь, предупредив о невозможности дальнейших отношений. Казначей, не зная, что и думать, переговорил с Туоргом, который, напротив, заверил его:

— Все будет замечательно, друг мой. Парень просто еще не вполне здоров, и оттого плохо соображает. Подождем несколько дней, пока он окончательно придет в себя.

Однако Араминта не собиралась ждать. Ей совсем не понравилось то, что при встрече с Аггу она не ощутила ожидаемого отвращения и неприязни. Минта осталась недовольна собой: как же так, ведь она сама решила, кто ей нужен! И этим «кем-то» был никак не Аггу! И вдруг такая метаморфоза. Получается, у нее нет характера, нет принципов, и она ничем не лучше глупеньких ветреных девиц, которые вечно сами не знают, чего хотят?!

Знать бы, где найти Эльбера... Минта заставила себя выбросить из головы образ седого юноши-воина и думать о гладиаторе. Долг, о котором так часто говорила Глария, должен быть исполнен.

* * *

Вопреки своему первоначальному внутреннему предубеждению против «несерьезных», «не мужских» занятий Эльбера, Соня, незаметно для себя самой, постепенно начала несколько иначе

относиться к тому, что он делает. Ей было любопытно наблюдать за ним, когда Эльбер бывал полностью поглощен работой, в особенности потому, что образы, возникавшие в его сознании, оказывались подчас невероятно яркими и тогда становились зримыми. Она видела Элментейт, и древнего царя-мага Элгона, и его супругу, и жреца Ваофула в роскошных одеждах, и это приводило Соню в полудетское восторженное состояние.

Далекое прошлое оживало, причудливо переплетаясь с реальностью, сам Эльбер вдруг становился Сыном Света, в его чертах, вернее, как бы сквозь них, проступали иные... Да, он не очень-то пока умел управлять своими видениями, скорее, они управляли им, но все равно получалось здорово.

Эльбер шел по жизни, замороженный своею мечтой, своей бурной фантазией, и невольно увлекал за собой Соню. Дар иллюмината с каждым днем проявлялся все ощутимей, настойчивей, требовательней, захлестывая своего обладателя, подобно прекрасной и грозной морской волне. И, опять же словно в бушующих волнах, Эльбер захлебывался в нем, спеша запечатлеть, остановить, удержать то, что ему открывалось, заковав дерзкий полет потрясающих видений в стихотворные строки.

Его рифмы были далеки от совершенства, в них напрочь отсутствовала школа, ибо Эльбер никогда специально не учился искусству создавать драматические произведения, зато билось

живое, горячее, справедливое и нежное сердце, и это дорогого стоило; в них дышали радость и ярость, трепет, и любовь, и мужество.

Подчас трудно бывало угадать, где заканчивается Элгон и начинается сам Эльбер, настолько органично переплетались в его творении судьба Сына Света и перипетии его собственной жизни и тех, кого он безумно любил и отчаянно ненавидел. Соня стала осознавать, что если он был таким же актером, как поэтом, то неудивительно было бы восхищаться его игрой.

Прежде ей не доводилось так близко и подолгу общаться с людьми, посвятившими себя искусству, и Соне в голову бы не пришло предположить, будто без этого невозможно существовать. Ее собственные представления о мире были проще, четче, понятнее. Но теперь они изменились. Соня под влиянием Эльбера и сама менялась, хотя еще не вполне понимала это.

Нет-нет, да она вдруг начинала задумываться о том, что же сама-то создала в жизни? У нее нет детей, нет ничего, что останется после того, как она покинет мир живых... Подобные размышления наполняли ее душу смутной тоской, Соня гнала их прочь, но они возвращались снова. В конце концов, она даже решилась завести разговор на такую щепетильную тему с Таймацу, и он согласился:

— Да, Эльбер не может не творить. Страстный человек во всем страстен. Если он прикасается к пергаменту, на листы ложатся стихи. Если спит с женщиной, она рождает ему детей. Если

играет, появляется новый образ. Что здесь не правильного?

«Дело не в нем, — подумала Соня. — А в том, что происходит, если к чему-то прикасаюсь я.»

— На Островах меня бы не поняли, — сказала она вместо этого. — Да? Ну, того, что у меня нет семьи, и я даже не стремлюсь ее создавать. Там ведь женщина всегда — только дополнение мужчины, я верно понимаю?

— Главное различие между людьми Хайбории и людьми Островов в том, что первые все независимы и своенравны, а у нас независимость — преступление. Человек всегда чему-то принадлежит. Своему роду, клану, монастырю. Его жизнь определяется именно этой принадлежностью, причастностью, то есть тем, частью чего он является и местом, которое занимает в этом целом, будь то семья или нечто иное, — объяснил Призрак. — Как у пчел. Не бывает одной пчелы, есть рой. Но не стадо, если ты улавливаешь разницу.

— Да, — кивнула Соня.

— Поэтому у каждого есть свое место и предназначение, определенное раз и навсегда, и у женщины в том числе. Это же совершенно естественно.

— Но ты не часть роя. Ты сам по себе.

— А кто сказал, что, став таковым, я нашел счастье? Острова всегда живут во мне.

— Жалеешь, что их покинул?

— Так решил Единый, — отозвался Осенняя Луна. — Может, Он пожелал меня испытать. Я

не знаю. Но мне точно известно, что люди Островов будут всегда преследовать меня, пока я жив.

— Но ты покинул Острова уже очень давно, — заметила Соня, только тут впервые осознав, что Таймацу по возрасту не старше Эльбера. — Неужели они до сих пор не успокоились? Не забыли о тебе и готовы продолжать мстить?

— Конечно. Но только это не месть, Соня. Они должны меня уничтожить. Такова наша истина. Измена клану не знает пределов времени, неких сроков, по прошествии которых она бы забылась, и смывается только кровью. Если те, кто отправился за мной, не выполнят долг, они убьют себя. Например, в том случае, если я умру не от их руки, раньше, чем меня настигнут. Поступив иначе, они сами сделаются предателями, покроют себя и свой род позором, потеряют лицо, а хуже этого ничего не бывает. Пока я скрываюсь от них, потому что хочу вернуться на Садацугу и там принять смерть. И потому, что не все завершил здесь, в Хайбории. Не все понял.

Соню отчего-то охватила тревога. Будто порыв холодного ветра коснулся души, и она едва сдержалась, чтобы не передернуться.

— Эти люди пока далеко, — полуутвердительно проговорила она.

— Не думаю. Они умны и терпеливы. Несколько раз я сбивал их со следа, но теперь чувствую, как сужается круг их поисков, — возразил Призрак.

Соня дотронулась до его руки. Островитянин

повернул голову и посмотрел на нее пристально и грустно, и было что-то еще, почти неуловимо мелькнувшее в его взгляде, чего она не поняла.

— У тебя тоже нет семьи, — сказала Соня. — И ты вечный странник. Как и я. Ты можешь понять меня лучше, чем кто-то другой. И не видеть во мне какого-то... уroda.

«Ты могла бы разделить со мной эти странствия, и в твоих объятиях я бы умер счастливым», — подумал Таймацу, едва не задохнувшись от этой неожиданной мысли, что обожгла его, точно огнем.

— Ты — неприкаянная душа, — сказал он вслух, и его негромкий голос прозвучал, по обыкновению, ровно. — Но это не страшно. Все мое время, дочь Рыси. Когда-нибудь в твоей жизни появится достойный человек, рядом с которым ты обретешь покой.

* * *

Дичь попала в ловушку. Но Соню это обстоятельство ничуть не обрадовало. Когда они вместе с Эльбером снимали с кольев на дне глубокой ямы возле самого входа еще теплое окровавленное тело, она испытывала скорее страх и почти смятение.

— Кто этот человек?

— Впервые вижу, — мрачно отозвался Эльбер. — Но он хотел проникнуть в дом незамеченным. Наступил на потайную доску, вот и полатился. Может быть, вор. Или шпион.

— А может, и нет. Его станут искать. Пошел и не вернулся, кто угодно насторожится. Придется похоронить где-нибудь здесь же, в саду.

— Ну нет. Лучше отвезти на городское кладбище. Впрочем, я не знаю, — раздраженно сказал Эльбер. — Я его не убивал. Почему мне надо вообще об этом думать?!

— Понятно, что у тебя есть занятия поважнее какого-то покойника, и ты намерен заниматься только своей драмой, хоть камни с неба вались, — зло произнесла Соня. — Какая досада, что приходится отвлекаться на всякие пустяки! Как бы ты ни желал витать исключительно в облаках, я тоже не собираюсь в одиночку решать все возникающие вопросы. Ты великий актер, драматург, да еще иллюминат в придачу, ладно, пусть так, но я что-то не припомню, когда нанималась к тебе в служанки. Поэтому бери-ка этого покойника, заверни во что хочешь и закопай хоть под собственной оградой, но так, чтобы его не сразу нашли, иначе у нас будут крупные неприятности с властями Бельверуса.

— Хорошо, я сделаю это, — тоном непонятого и оскорбленного в лучших чувствах дарования ответил Эльбер. — Но где бы я его ни закопал, вопрос таким образом не решится. Мертвый не расскажет, кем он был и зачем приходил.

Соня вынуждена была признать его правоту. Брезгливостью она не отличалась и падать в обморок при виде мертвецов приучена не была. Внимательно осмотрев безжизненное тело, девушка сделала некоторые выводы.

— Какой-то он... слишком обыкновенный. Человек без всяких особенностей, таких сколько угодно, и по одежде ничего сказать нельзя — в Бельверусе каждый второй так одевается. Вот только кольцо на пальце, — она приподняла еще не успевшую окоченеть руку и указала на узкое медное колечко, — свидетельствует о его принадлежности к служителям, скорее всего, тайной охраны. Если я не ошибаюсь, на его внутренней поверхности можно прочесть кое-что любопытное, — не колеблясь, Соня стянула кольцо с пальца и повернула так, что стали ясно различимы мелкие буквы. — Ну, конечно. Его зовут, то есть звали, Аймор.

— Ну и что? — спросил Эльбер.

— Только то, что такие кольца носят исключительно люди Коувилара. Ты не знал? Это их отличительный знак. За убийство, даже случайное, такого человека кара одна — смертная казнь. И конечно, он предупредил своих, куда направляется. Они ничего не предпринимают без того, чтобы сообщать вышестоящему начальству о своих планах. Скорее всего, этот парень был подослан для того, чтобы обыскать дом.

— Мы что-то нарушили? Что здесь искать?

— Им виднее. Искать или подбросить нечто такое, что в один момент сделает нас неблагонадежными.

— Но зачем?..

Соня начала терять терпение.

— Затем, — произнесла она отвратительным менторским тоном наставника, который готов

схватиться за розгу, если его тупой ученик немедленно не уразумеет простейшее арифметическое действие, — что мы — аквилонцы, то есть инородцы, причем состоятельные, и нас давно пора как следует потряхнуть, чтобы в казну посыпались денежки! А самих приравнять к рабам или убить, если больше с нас толку не будет. Мы здесь не имеем никаких прав, да еще шпионом в пользу Аквилонии или занимаемся контрабандой, мало ли что.

— Но до сих пор...

— ...нас не трогали. Да. Присматривались. Теперь мы начали раздражать местные власти, и до нас дошла очередь. Рано или поздно этого следовало ожидать. Все понял?

Эльбер собрал лоб в складки, вскинув брови и глядя на нее исподлобья. Похоже, в его голове происходила некая напряженная работа мысли.

— Это серьезно, — наконец сказал он.

— Еще как, — со вздохом подтвердила Соня.

— И что же делать?

— Ты меня спрашиваешь? Ну так я скажу: понятия не имею.

— А Таймацу? Может быть, он...

— Таймацу *не существует*. О нем никто не подозревает. Он столько зим прожил здесь и не раскрыл своего присутствия. Так что это не его проблема.

— Не его, — печально согласился Эльбер, задумчиво глядя на труп и окончательно возвращаясь из древнего Элментейта в суровую реальность. — У меня есть одна мысль...

— Всего одна? — съехидничала Соня. — Хорошо бы побольше, но все лучше, чем ничего.

— Ладно, хватит язвить, — бросил Эльбер, — и упражняться в сарказме. Я, между прочим, не аквилонец.

— Ну да, ты бритунец. Это заметно, — Соню уже понесло, в такие моменты она не умела вовремя останавливаться, хотя позже, случалось, проклинала свой острый язык. — Недаром представители граничащих с твоей доблестной родной стран считают вас, бритунцев, образцом глупости и вечно травят забавные байки о вашей редкостной «сообразительности».

— Ну ты, стерва, — пальцы Эльбера сжались во внушительные кулаки, — поосторожнее! Я горжусь своим происхождением, и нечего меня оскорблять! — прекратив разговор, он отправился за лопатой и в течение нескольких последующих часов ожесточенно копал глубокую яму, в которую затем сбросил труп Аймора. С Соней он за это время не перекинулся ни единым словом, а она молча мучалась из-за того, что опять незаслуженно обидела своего чувствительного друга.

Ближе к вечеру их ссора, впрочем, перестала иметь особое значение, потому что в особняк, как и следовало ожидать, явились с десятком вооруженных представителей тайной охраны Бельверуса, и настроены незваные гости были весьма решительно. Соня понимала, что на сей раз хитроумные ловушки не помогут — ей и Эльберу они способны скорее навредить.

Если с головы людей Коувилара упадет хоть

один волос, дело закончится арестом, а она так и не успела придумать, что можно сказать в оправдание убийства подосланного согладата. Разве только все отрицать с самым невинным видом, уверять, что она в глаза его не видела, и стоять на своем до конца.

Ведь труп не нашли, это Соня точно знала. А если так, может быть, все ограничится допросом?..

Однако она не успела произнести ничего, кроме слов приветствия. Люди Коувилара слушали ее и разглядывали так плотно, что их взгляды могли, кажется, протоптать дорожки на теле Сони. Ну, да мужчины нередко смотрели на нее жадными глазами — до тех пор, пока она это допускала, разумеется. Соня вскинула голову и спокойно улыбнулась.

— Что привело вас сюда? — спросила она. — Разве мы с супругом что-то нарушили? Мы живем тихо, налоги платим исправно... и чрезвычайно благодарны Немедии, где нашли пристанище и кров в нелегкие для нас времена.

— Женщина, — сурово проговорил один из стражников, — мы не обязаны ничего объяснять, — он сделал знак своим подчиненным. — Обыскать дом.

Те ринулись было вперед, как идеально выдрессированные псы, и тут рядом с Соней выросла фигура Эльбера. Бритунец стоял, опираясь рукой о косяк двери, гневно и надменно взирая на стражников. Соня, мельком взглянув на него, подивилась тому, каким образом Эльбер, небри-

тый, взъерошенный, с покрасневшими от множества бессонных ночей, проведенных над рукописью, глазами и в простой одежде умудряется выглядеть таким уверенным... и даже величественным, при своем-то среднем росте.

— Сюда никто не войдет, — заявил он, презрительно шурясь, — пока я не позволю.

Предводитель стражников Гайсар от подобной наглости чуть не подавился собственным языком. Он привык к тому, что его появление приводит людей в трепет, а тут паршивый аквилонец смеет вести такие дерзкие речи, да еще смотреть, словно беркут на червей! Да за одно это его следует по меньшей мере высечь.

— Ты кто такой?! — рявкнул Гайсар, надвигаясь на сохраняющего невозмутимость Эльбера, но тот даже с места не сдвинулся и позы не изменил. — Аквилонский пес...

— Я бритунец, — произнес тот, скрещивая руки на груди. — По происхождению. А по статусу — полноправный подданный Немедии, согласно волеизъявлению короля Аргеваля. Соответственно, и моя жена является таковой.

Этого Соня не ожидала. Она совершенно растерялась. Но и Гайсар тоже, хотя его ошеломление продолжалось недолго.

— И с каких это пор ты стал немедийцем? — язвительно осведомился он.

— Уже более восьми зим являюсь, — пожал плечами Эльбер, словно сообщал о чем-то само собой разумеющемся. — Правда, я длительное время отсутствовал в Бельверусе по личным

причинам, которые вас не касаются. Но это дела не меняет.

— Кто может подтвердить твои слова? — спросил Гайсар уже куда менее уверенно.

— Свидетельства короля Аргеваля будет довольно? — вопросом на вопрос ответил Эльбер. — Тогда потрудитесь выяснить, кем был Эльбер из селения Бершем, иначе известный как Бритунский Тигр. Гладиатор, сражавшийся в Килве, коему пожаловано подданство за победу в поединке с асгардским воином Кавабом, во славу Немедии.

При последних словах его голос гремел так, что Соня подумала — а ведь такой голос, когда Эльбер играл, должно быть, слышали даже на самых верхних рядах многотысячных трибун Килвы. Это был скорее грозный рык разъяренного льва в Лесах, а не человеческий голос — при том, что Эльбер вовсе не орал, а именно *говорил*.

— А потому, — продолжал он, — ваше вторжение в мой дом может повлечь за собой самые неприятные последствия. Причем вовсе не для меня. Все ясно?

Гайсар задумался. Аквилонец... то есть, возможно, и не аквилонец... кем бы он ни был, говорил так уверенно и убедительно, что, вполне вероятно, не лгал. Но тогда...

— Я узнал его! — вмешался один из стражников, ярый поклонник гладиаторских боев. — Да, это действительно Бритунский Тигр! Но все считали его мертвым. В том поединке он, по

слухам, погиб. Я сам видел, как его уносили с арены.

— Меня не так-то легко прикончить, — усмехнулся Эльбер. — Кавабу это не удалось. Он напрасно старался.

— Что ж, — Гайсар принял решение, — я лично проверю все, сказанное здесь. А пока двое, нет, четверо моих людей останутся в доме. И если это ложь, — он свирепо раздул ноздри, — тебе несдобровать... Тигр. Ты тогда позавидуешь даже попавшей в руки живодеров бродячей кошке, это я тебе твердо обещаю, — он просто не в силах был удержаться от заключительной сентенции.

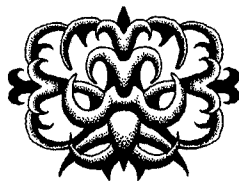
— Не в доме, а у дверей, — потребовал Эльбер, тоже привыкший оставлять за собой последнее слово.

Произнеся же это, он взял Соню за плечо, втолкнул в дом и захлопнул дверь изнутри с такой силой, что едва не сорвал с петель.

Глава четвертая

Следует отдать должное Гайсару, он был не только исполнителен, но также умен, сметлив, решителен и быстр. Не откладывая дела в долгий ящик, он доложил Коувилару о результатах несостоявшегося обыска и не удавшегося ареста. Начальник тайной охраны изменился в лице.

— Подданный Немедии? А что же он тогда выдает себя за аквилонца? Это полная бессмыслица. Он как, предъявил тебе указ о своем подданстве или ты поверил ему на слово?!

— Он ссылался на волю короля. В таком случае мне не следовало требовать большего, — объяснил Гайсар.

— По-твоему, сам Аргеваль должен засвидетельствовать его личность? Ты в своем уме? Тем более, что он в любом случае инородец. Аквилонец, бритунец, какая разница?

— Разница существенная, — глухо проговорил Гайсар, который сам был родом из Заморы и получил подданство исключительно за свои заслуги в тайной охране, а потому весьма болезненно реагировал, если кто бы то ни было ставил под сомнение его право носить тогу; в словах Коувилара он, словно начисто позабыв о том, как только что изощрялся в оскорблениях по отношению к Эльберу, усмотрел косвенную личную обиду, но счел разумным не вступать в пререкания.

— Вот ты, — просипел начальник охраны, указывая на него и едва не тыча пальцем Гайсару в грудь, — и разбирайся в этом деле. Сроку тебе даю — один день. Завтра до захода солнца вопрос должен быть полностью прояснен, и тебе крупно повезет, если за это время твой Бритунский Тигр, или кто он там еще, не сбежит. Он ведь, кажется, подозревается в убийстве? К Нергалу, Аймор так и не вернулся, и не пытайся на пару с этим скользким негодяем Эйнациром уверить меня, будто его уничтожили привидения! Не советую делать из меня дурака!..

Так и получилось, что Аргеваль уже к полудню следующего дня получил странное донесение, смысл которого уловил не сразу, а долго вчитывался в написанные достаточно разборчивым и крупным почерком строки.

Когда же он понял, о чем речь, то испытал двойственное чувство, ибо Эльбер из селения Бершем являлся одним из людей, о которых король Немедии предпочел бы не вспоминать ни-

когда. В свое время ему потребовались некоторые усилия, чтобы избавиться от бритунца, и Аргеваль не сомневался, что впредь не услышит его имени.

Да, ему ли было не помнить Бритунского Тигра. Невысокий крепыш, очаровательный любимец женщин, с этой его характерной кривоватой ухмылочкой, обнажающей безупречный жемчуг зубов, длинными волнистыми каштановыми волосами и опасным блеском зеленоватых глаз; фаворит, обласканный всевозможными милостями самого монарха, один из самых лучших бельверусских лицедеев... и наглец, которому не сыскать было равных.

По лицу Аргевалья пробежала тень. Шут был хорош, даже слишком хорош, но лишь до тех пор, пока помнил свое место. И это место ему указали весьма недвусмысленно. Эльбер, кроме всего прочего, в сознании Аргевалья был связан с оглушительным провалом написанной лично им, королем, драмы, его обожаемого, но, увы, явно неудачного детища.

Тогда именно Эльбер удостоился великой чести исполнить главную роль в этой драме, которая потерпела оглушительный провал и была освистана публикой. В глубине души Аргеваль понимал, что вовсе не несчастный лицедей был в этом провале виновен. Однако в тот момент он был раздосадован донельзя, взбешен, искал, на ком бы сорвать собственную обиду, и естественно, его гнев обрушился на Эльбера.

В конце концов, этот маленький инцидент ед-

ва ли имел бы столь далеко идущие трагические последствия, если бы у бритунца хватило ума промолчать — но где там! Он разразился ответной яростной тирадой, заявив, что по силе таланта ему нет и отродясь не было равных, а король как поэт — полнейшая безнадежная бездарность, творения коей не стоят пергамента, на котором написаны.

Вынести подобное было выше сил Аргевалья! Он бы с наслаждением придушил негодяя собственными руками... но тут подвернулся куда более удобный случай расквитаться с зарвавшимся бритунцем. Весьма кстати того застали верхом на одной из первых красавиц Бельверуса, Ликенион, и лучшего повода для того, чтобы немедленно отправить инородца-прелюбодея на казнь, нечего было и ожидать.

Конечно, будь Эльбер по-прежнему в числе королевских фаворитов, ему бы едва ли что-то угрожало, переспи он хоть со всеми знатными немедийками одновременно или по очереди, Аргеваль отлично знал о похождениях своего любимца и смотрел на них сквозь пальцы, где-то даже восхищаясь завидной мужской силой бритунца. Но тут карты судьбы легли самым неудачным для гладиатора и лицедея образом, нечего и объяснять.

Уже и день казни был назначен... Однако неожиданно казначей Ишум подал Аргевалю более свежую идею. Он сказал, что попросту лишить Эльбера жизни — не так уж и интересно. Смерть — далеко не самое страшное для такого гордого

человека. Оставить его в живых, но публично унижить, втоптав в грязь его непомерно раздутое самолюбие, заставив корчиться под кнутом палача на глазах у сотен его прежних поклонников — совсем иное дело.

Аргеваль нашел эту мысль заслуживающей внимания. В конце концов, разве не то же самое, по сути, произошло с его обожаемой драмой, освистанной тупыми плебеями, над которой в дополнение ко всему осмелился глумиться проклятый бритунский лицедей?

Таким образом, жизнь Эльберу была сохранена, а все остальное совершилось в полном объеме, принеся королю немалое удовлетворение. Но этим дело вовсе не ограничилось. Почти сразу же бритунец попытался среди ночи ворваться в дом казначея и снова был благополучно арестован.

На сей раз его могло спасти разве что чудо. И оно случилось. Некий асгардский князь, проезжая через Бельверус, предложил выставить любого немедийского гладиатора против своего бойца, которому, как он утверждал, нет равных во всей Хайбории. Аргеваль решил сделать ставку на Эльбера, поклявшись в случае победы даровать ему жизнь, свободу и немедийское подданство, и разочарован в своем выборе не был: Бритунский Тигр дрался до последнего, и даже с перебитыми ребрами и сломанной рукой умудрился прикончить асгардца, вцепившись зубами тому в горло..

О королевских посулах он, впрочем, Аргева-

лю не напомнил, хотя бы потому, что бритунца вынесли с арены в состоянии, не намного лучшем, чем у его погибшего противника. И с тех пор о нем вообще не было слышно — скорее всего, парень все-таки умер от полученных в схватке ран и увечий.

Но теперь оказывается, что это не так. Он объявился снова и заявляет свои права. Можно не обратить на это внимания, однако чего же, в таком случае, будет стоить слово короля?..

Всякому человеку доставляет неизъяснимое удовольствие демонстрировать собственное благородство, особенно если это ничего ему не стоит. Признать немедийское подданство бритунца — почему бы и нет? Аргеваль решился. Вызвав к себе Коувилара, он распорядился не причинять Эльберу и его семье (если таковая имеется) никакого вреда, извиниться за вторжение тайной охраны и передать, что он, король, лично желает видеть своего прежнего фаворита.

Коувилар не возразил ни слова. Приказ есть приказ. Доставить бритунца во дворец не требует больших усилий, Гайсар с этой задачей прекрасно справится. Разумеется, у самого начальника тайной охраны было немало неразрешенных, повисших в воздухе вопросов, например, с какой стати бритунец так долго выдавал себя за аквилонца и почему не заявил свои права сразу же по возвращении в Бельверус; и куда исчез подосланный в его дом человек Эйнацира — если убит, то кем и почему...

Впрочем, Коувилар умел ждать и не торопить

события, а заодно и не показывать своего недовольства теми или иными их оборотами. Во всем, что касалось инородцев, он был крайне подозрителен, глубоко убежденный в том, что от них для Бельверуса куда больше вреда, чем пользы.

Именно с его подачи был принят ряд законов, ужесточающих слежку за всеми, кто являлся в Немедию с другой стороны границ. Внутри себя Коувилар всех их считал соглядатаями и предателями, особенно тех, кто бежал с захваченных пиктами и гирканцами территорий. Что до чужой земли не сумевшим отстоять свою собственную?

Раз они бегут — значит, уже доказали, что ни к чему не пригодны, так зачем они Немедии? Разве только их деньги, которые могут пойти на содержание армии.

Чужой говор, звучавший на улицах Бельверуса, резал слух Коувилара и заставлял его морщиться, как от зубной боли, хотя сам он по долгу службы владел множеством языков и наречий и не нуждался в услугах толмачей, если требовалось допросить инородца.

Коувилар не служил «закону» как таковому, несмотря на свою высокую должность. Он полагал, что законов существует два, и свято придерживался своей линии. Если на улицах немедийской столицы найден труп человека из Заморы, Асгарда, Аквилонии, Коувилар не стал бы напугаться, пытаясь найти убийц. Что сделано, то сделано. Если же вопрос касался коренного жителя Бельверуса, начальник тайной охраны под-

нимал всех своих подчиненных, чтобы восстановить справедливость и в куда менее отчаянной ситуации.

Словом, сейчас он твердо решил для себя, что, объяви Аргеваль свою волю хоть трижды, наблюдение за бритунцем будет только усилено. Не нравился Коувилару этот скользкий тип, также как и его рыжеволосая жена. Ох, не нравился...

* * *

Признаться, для Сони заявление Эльбера оказалось полной неожиданностью — она и предположить не могла, что он додумается до такого выхода из положения, и не знала, как реагировать и что сказать своему другу теперь. Эльбер и сам выглядел потрясенным — она видела, как решительное, гневное выражение его лица, с каким он только что обратился к людям Коувилара, сменилось растерянностью и почти смятением.

— Ну вот, — произнес он, — я сделал это. И фактически я совершенно прав. Аргеваль действительно дал клятву даровать мне жизнь, свободу и подданство, если мне удастся отстоять в поединке честь Немедии. А я своим правом тогда не воспользовался. Кто, кроме Гларии, знал, что я вообще выжил?.. Так вот, я полагаю, что мне совершенно незачем скрываться, словно таракану в щели.

— Эльбер... а если король откажется от своего

слова? Помнит ли он о клятве, которую дал когда-то тебе?

— Помнит, можешь не сомневаться.

— Все же это как-то... неожиданно. Раньше ты ни о чем таком не думал, предпочитая не раскрывать себя, а теперь...

— Теперь многое изменилось, — кивнул он. — Я почти закончил драму о Сыне Света. Наверное, тебе этого не понять, но мне кажется, получилось то, что я хотел. Я должен придти с нею в Килву. Как же, по-твоему, я смогу это сделать, продолжая скрываться? Нет, напрасно ты полагаешь, что идея объявить о своем возвращении только что пришла мне в голову — да я постоянно думал о том, какое решение принять, но мне не хватало мужества... не хватало какого-то толчка, я медлил, тянул время. Но больше не вижу необходимости ждать. Соня, люди должны услышать и увидеть, что произошло в Элментейте, понять, что не существует на самом деле ни времени, ни границ, ни смерти, но все это преодолевается одной только любовью, — он перевел дыхание и посмотрел на Соню с надеждой, что она хоть немного поняла его.

— Мечтатель, — все еще с некоторым сомнением проговорила она. — Ну попробуй, Поющий Охотник... попробуй.

* * *

Она должна предупредить Призрака об опасности, понимала Кейулани, и сделать это немед-

ленно. Островитянин, который разговаривал с нею нынче ночью, умен и едва ли принял за чистую монету все, что она ему наговорила, как ни старалась Кей быть убедительной и выглядеть совершенно бесстрастной. Да у нее чуть сердце не остановилось от страха, когда ледяные угли его узких безжалостных глаз буравили, кажется, самую ее душу! Под таким взглядом трудно лгать. Он спросил, кто обучил Кей Пути, и она сразу поняла — этот человек знает очень, очень много. Путь целительства — эти слова Таймацу употреблял постоянно.

— Лет пятьдесят назад в Заморе человек с Островов открыл мне секреты Пути, — спокойно проговорила она. — Может быть, раньше. Я была очень юной тогда, и мы с ним любили друг друга. Его звали Такэда, а меня он называл Кейулани, и я не помню, каким было мое прежнее имя. С тех пор я следую Пути, который он мне указал, потому что Такэда был моим мужем перед лицом богов, и я унаследовала его Знание, чтобы служить ему.

— И куда же подевался твой супруг? — спросил Гэмбан.

— Я не знаю точно, как он попал в Замору. Он не все мне рассказывал. Но он считался отступником, который сбежал из какого-то монастыря раньше положенного срока, и его преследовали и убили за это. Я похоронила то, что от него осталось, потому что его голову те люди отделили от тела и увезли с собой.

— Такэда — имя воина одного из величайших

кланов, — отозвался Гэмбан, терпеливо дождавшись, пока она замолчит. — И в обозримом прошлом, а для нас таковым являются десятки веков, ни один человек из рода Такэда не совершал предательства, иначе весь его род был бы проклят. Ты возводишь хулу на славный и знаменитый клан. Понимаешь ли ты вполне, что делаешь?

— Он происходил от внебрачной ветви рода и не имел прав наследования, — нашлась Кей.

— Тогда никто не обучал бы его никакому Пути, и он не мог бы передать тебе Знание, которым не обладал, — снова возразил Гэмбан.

Кей вспомнила кхитайскую игру, которую показал ей Таймацу, с красивыми фигурками, вырезанными из кости и расставленными на доске с белыми и черными квадратиками-полями. Там было множество сложных правил, и требовался острый ум, чтобы усвоить их и победить, обыграв соперника. Ее разговор с Гэмбаном очень напоминал эту игру. Теперь был ее ход, а она понятия не имела, какую фигурку и в каком направлении следует двигать.

— Значит, он был со мной не до конца искренен и скрывал свое настоящее имя. Но он был и воином тоже. Он сражался на арене как гладиатор, чтобы заработать денег.

— С людьми Хайбории? — уточнил Гэмбан, усмехнувшись так, словно Кей произнесла какую-то из ряда вон выходящую глупость. — Против воина с Островов не способен выстоять больше трех секунд времени ни один круглогла-

зый. Это все равно что выставить тигра против слепого щенка. Даже ради развлечения такой воин не стал бы марать свое оружие в подобных поединках.

— Он сражался не с людьми, а с дикими зверями, — тут же парировала Кей. — С пантерами и ирбисами, которых всегда побеждал. Ну, почти всегда, потому что однажды, — продолжала она, — одна из этих кошек зацепила его, а я уже тогда была знахаркой и помогла ему выжить. В благодарность он потом и обучил меня многим тайнам Пути. Что здесь невероятного?

— Женщина, — сказал Гэмбан безмятежно, — поверь, что мне не составит труда заставить тебя говорить правду.

Кейулани в этом и не сомневалась. Попасть в руки островитянина, пожелавшего выяснить все, что ему нужно, было незавидной участью, эти люди являлись непревзойденными мастерами развязывать языки. Кое-что об их доведенном до совершенства искусстве допроса она знала от Таймацу, и хотя Призрак избавлял ее от леденящих кровь подробностей, воображение Кей легко дорисовывало их и без его помощи.

— Я говорю всю правду, какую помню, — она пожала плечами. — И напрасно ты пытаешься запугать меня, я слишком стара, чтобы бояться смерти, которая стала бы для меня избавлением, а не карой, — Кей сделала все, чтобы ее усталый надтреснутый голос звучал искренне и убедительно, думая о том, что еще совсем недавно ей бы не потребовалось для этого никаких усилий:

она и так не жила, а лишь продолжала существовать. Теперь же ее мужество, замешенное на полнейшем безразличии к своей дальнейшей судьбе, заметно пошатнулось, и Кей снова чувствовала себя уязвимой. Интересно, до какой степени ощущает Гэмбан ее фальшь? — А дурного я ничего не совершала, — добавила она. — Что плохого в том, что я стараюсь помочь тем, кто никому, кроме меня, не нужен в этом мире, ибо что такое раненый гладиатор? Меньше, чем ничего, и его участь никого не волнует. Что же тебе нужно от меня, человек с Островов? Ты сам по себе, моя жизнь тебя не касается.

— Продолжай пока делать, что хочешь, — отозвался Гэмбан.

Он ушел, но Кей не сомневалась, что теперь он и Хэйдзи, о котором она слышала от Таймацу, будут неусыпно следить за нею повсюду, днем и ночью, ожидая, что рано или поздно она приведет их к Призраку. Они знают, что она с ним как-то связана, и не верят ни одному ее слову! Но как же тогда она сможет предупредить Осеннюю Луну, что ему следует немедленно бежать из Бельверуса? Как подаст ему знак, не привлекая внимания его беспощадных преследователей, если путь в особняк Эльбера ей теперь заказан?..

Она ощутила, как — такое уже бывало с нею прежде — все вокруг вдруг становится расплывчатым и зыбким, а сознание уплывает. «Нет, — подумала Кей, — только не сейчас!» Не сейчас, когда ей требовалось, наоборот, предельно со-

браться и найти какой-то выход, а вместо этого словно некая неумолимая жестокая, нечеловеческая сила затягивала ее в стремительно вращающуюся воронку, выбрасывая из реальности в иной, призрачный темный мир, и противиться этой силе Кейулани не могла. С ней уже порядком не случалось подобного, однако теперь, в самый неподходящий момент, иная часть ее души, та часть, что обречена была блуждать за гранью, вышла на первый план, оттеснив и перечеркнув все остальное, то, что имело значение здесь.

Сны

Песочный Властелин в Северной Хайбории был всего лишь очередной сказкой, которой пугали непослушных детей. Грен и представить себе не мог, что когда-нибудь ему доведется с ним встретиться. По легенде Песочный Властелин был, как никто, чароустойчив. Магия была против него бессильна. Только сильнеешие из богов могли бороться с ним на равных. Увы, старик Грен к таковым не относился.

«Похоже, дружок, пришло время тебе воспользоваться своим волшебством и ретироваться как можно быстрее в другой мир, где спокойней», — подумал он. А как же королева? Не может же он оставить ее в руках неведомого похитителя? Да и об источнике мощи, напившись из которого, он, вероятно, будет в силах перене-

стись к portalу, придется в таком случае забыть.

Решай же быстрее, время идет, и Песочный Властелин с каждым мгновением становится все ближе. От его тяжелой поступи дрожит земля, рушатся горы. Живые существа в ужасе бегут, ища спасения. У Грена не было выбора, он должен последовать их примеру.

Но почему-то он медлил. Не обращая внимания на вопли и стенания Халуаста, он ждал.

— Уходим! Скорее! Он сотрет нас в порошок и даже не заметит этого! — визжал демон. Он съежился, пытаясь стать менее заметным.

— Удирай, — бросил старик.

— А ты? Как же ты? Неужели решил испытать судьбу и сразиться с ним? Хочешь умереть?

— Ты, это ты завел меня в ловушку! — закричал он. Впрочем, обвинять порождение Мрака в чем бы то ни было ныне не имело смысла. Он — низший демон, выполняющий волю своих хозяев. Теперь уже Грен не сомневался, что у Халуаста два повелителя.

Грустно посмотрев на него, демон испарился. Грену стало горько и обидно. Он один, совсем один, посреди чужого враждебного мира.

— Хо-хо! — чудовищный рев разнесся по округе.

Старик еле сумел себя убедить не последовать за Халуастом. Он останется и встретится с врагом, каким бы жутким и всесильным тот не оказался. Если Грену суждено тут погибнуть, он не расстроится. Он прожил достойную долгую

жизнь, жаль только, что так и не удалось спасти королеву...

— Хо-хо! — раздалось гораздо ближе. И старик увидел его, Песочного Властелина. Гигант, казалось, подпирает головой небо. Он был самой стихией, могущественной и безжалостной. Он шагал, уничтожая все вокруг себя. С его появлением непрекращающийся песочный ливень усилился.

Грен, не удержавшись под хлещущими струями, упал. И его тут же начало засыпать. Его рот и нос забивал песок. Он был повсюду, от него невозможно было спрятаться. Вся магия Грена не смогла бы остановить происходящее. Сцепив зубы, старик старался не потерять сознание.

— Хо-хо! — услышал он в третий раз, и вдруг все прекратилось.

Песочный Властелин ушел в другой мир, захватив с собой свою стихию. Дождь прекратился, и на почерневший небосвод вылезло две луны. Одна была крупной ярко-красной, вторая чуть меньше и синей. Они приветствовали жизнь!

— Странно... — протянул Грен.

В очередной раз он встретился с чем-то, чего не мог объяснить. Почему Властелин прошел мимо? Неужели он просто не заметил его? Или все дело в том, что это была просто галлюцинация, коими богата сия земля? Но ведь и здесь есть настоящее, подлинное. Как отличить иллюзию от реально существующего? В Хайбории он ощущал это естественным, но тут все было иным, загадочным и непредсказуемым.

«А что если и девушка, королева, была фантомом? — старик содрогнулся. — Нет, невозможно! Она же была такой...»

— О! Ты жив! Это здорово! Я так и знал, что с тобой все будет хорошо! Я вот другое дело, для меня встреча с Песочным Властелином хуже смерти! — говорил Халуаст. Он вынырнул прямо из земли. — Я так переживал за тебя, ты и представить себе не можешь!

— Могу, — хмыкнул Грен. — Ты был бы счастлив, если бы я умер, ведь в таком случае ты освободишься от одного из хозяев.

— Чего? — демон сделал вид, что обиделся. Из его огненных глаз посыпались слезы-искры. — Повелитель, я не понимаю, как мог существовать без тебя. Ты для меня все!..

— Конечно!

— Да! — закивал он. — Вот если бы ты еще не тратил свое драгоценное время на поиски девчонки, не заслуживающей такой милости...

— Халуаст! — прервал его старик. — Давай я сам разберусь в своих делах!

— О хозяин, конечно, хозяин, — закивал он. — Ты только не забывай, насколько опасно бродить по мирам, которым не принадлежишь.

— Ты угрожаешь мне?

Демон промолчал.

— Ладно, — вздохнул Грен. — Пошутили, и хватит. Показывай путь к источнику мощи! И если ты опять заведешь меня в ловушку...

— Владыка, впереди тебя ждет еще несметное множество препятствий, — заскулил он и с наде-

ждой добавил: — Может, все же стоит повернуть назад, а?

Старик задумчиво посмотрел на него:

— Рассказывай все, что тебе известно о дороге к источнику.

— Слишком непостоянный этот мир. Сегодня он такой, завтра — иной...

Порабощенный демон никогда не лжет своему хозяину, но он может говорить полуправду, а это зачастую гораздо хуже.

— Веди! — распорядился Грен.

И они продолжили путь к источнику. День успел несколько раз сменить ночь, а их полет все продолжался. На смену двум лунам приходило одно солнце. И наоборот. Так продолжалось до тех пор, пока старик не почувствовал, что постепенно силы покидают его. Он уже все медленнее махал крыльями, которыми обзавелся почти сразу же, попав в этот мир. Усталость навалилась на него, и Грен решил спуститься и хоть немного передохнуть, заодно и перекусить.

— Снижаемся, — распорядился он.

Приземлившись, он первым делом забормотал заклинание. И прямо перед ним тут же появился кусок сырого мяса и фляга с кислым вином. Каждый раз старика изумляло, как тут действует колдовство, создающее пищу. Никогда нельзя быть уверенным, что появится в следующий раз. Именно поэтому, когда королева возмущалась скудностью трапезы, он предпочел более не испытывать судьбу. Ведь еда бывает чересчур разной. Могли, к примеру, появиться на

обеденном столе хорошо пропеченные червяки, которых так любят жители многих миров. Или человеческая рука или нога, что, безусловно, было бы приятным сюрпризом для каннибалов. Грену, конечно, подобная еда не впервой, но вот как на это посмотрела бы королева, привыкшая к изысканным блюдам?

— Вкусно? — облизываясь, спросил Халуаст, наблюдая, как старик тщательно пережевывает сырое мясо.

— Нет. Но это поможет мне восстановить силы.

— Поделишься? — жалостливо простонал он. — Я так давно ничего не ел... если не считать души людей.

— Но ты же — демон, ты не нуждаешься в человеческой пище, — заметил Грен, делая глоток из фляги.

— Да, — сглатывая слюну, согласился он. — Но иногда так хочется...

— Держи, — старик бросил ему все, что осталось от мяса.

— Спасибо! — завизжал он от радости и с жадностью набросился на угощение. Громко чавкая, он нахваливал щедрость своего любимого повелителя.

Когда он закончил есть, Грен поинтересовался:

— Слушай, долго еще идти?

— Нет, мы почти на месте.

«Везет демонам, — подумал старик, — они способны перемещаться на огромные расстоя-

ния. Но, с другой стороны, у человеческого существования гораздо больше плюсов. Люди способны управлять судьбой, мы сами выбираем свое будущее. Порождения зла лишены этого, они вынуждены вечно служить Тьме. Такова их сущность, и тут они ничего не могут изменить. Хотя... во всем есть исключения. И, если задуматься, среди отродий Мрака и людьми много общего. Мы, как и они, подчиняемся сложившимся обстоятельствам. У нас, безусловно, есть право выбора, но обычно мы его игнорируем. Взять хотя бы меня, я мог бы отдыхать, лежать в своей роскошной спальне... А вместо этого вынужден бродить по лабиринту миров в поисках любимой. На этом пути меня держат чувства».

— Да... — задумчиво потянул Грен.

— Ой, хозяин, я не хочу огорчать вас, но мы должны немедленно уходить отсюда, — засуетился Халуаст.

— Это еще почему?

— Увидите, — отозвался он. — Поверьте мне!

Кивнув, старик внял предупреждению демона. И никогда позже не пожалел об этом. Едва они отлетели к северу недалеко от места, где устроили небольшой привал, как земля взбурлилась, и из глубин недр вырвались фонтаны крови.

— Мы близко, — облизнулся Халуаст. Он не смог совладать с собой и бросился к живительной для него влаге. Он с жадностью глотал кровь, захлебывался ее. Его обуревал экстаз, ни-

когда еще ему не доводилось видеть ничего подобного.

«Чем могут быть эти фонтаны настолько опасны для меня, что демон настоятельно советовал улетать? Они ядовиты? Или то, что восхищает порождения Тьмы, опасно для людей? В чем дело?» — Грен, хоть и был некромантом, плохо разбирался в существах, которыми повелевал. Это его никогда не интересовало.

— Сок земли, сок земли, сок... — бормотал демон.

— Халуаст! — позвал старик, уверенный, что в этот раз не даст отродью зла увильнуть от ответов.

— Нет, хозяин! Нет! Подождите, я только...

— Немедленно иди сюда! — зарычал он.

Черты огненного лица Халуаста исказила неподдельная мука. Он словно разрывался на части. Он не мог отказать себе в насыщении кровью, но одновременно слово повелителя являлось для него священным. И, как бы он ни страдал, ему пришлось подчиниться.

— За что, владыка? Почему ты не дал своему верному слуге напиться?

— Эта кровь смертельна для меня?

— Да, — подтвердил демон. — Одной ее капли достаточно, чтобы дух покинул твоё тело и отправился странствовать по Серым Равнинам.

— Ясно. А как скажется она на тебе?

— Ну... — растерялся он. — У меня есть предположения на этот счет. Я многое слышал о том,

что происходит с теми, кто отведал сока земли, но никогда ни с кем из них не встречался.

— И? — заинтересованно отозвался Грен.

— Они, вроде бы, становятся теми, кого называют странниками. Они пускаются в долгие путешествия по лабиринту миров. Они нигде не остаются надолго, не стремятся творить зло везде, где бывают. Они просто смотрят, изучают, восхищаются...

— Хм? Неужели? А как к этому относятся обычные демоны?

— Плохо, — признался Халуаст. — Но дело в том, что порождение зла, почуявшее сок земли, не может сопротивляться. Мы подчиняемся жажде крови, заложенной в нас самой Тьмой...

Меж тем фонтаны, наконец, исчезли. На их месте образовалось небольшое озеро, наполненное чистой родниковой водой, к которому тут же устремились сотни существ, обитающих в этих местах. Тут были и крокодилы с бегемотами, к каким Грен привык еще на своей родине, и странные черные трехглавые змеи, и ярко-рыжие обезьяны с человеческими лицами... Все они стремились поскорее напиться. И старик невольно облизал пересохшие губы, но решил подождать, посмотреть, что будет дальше.

Продолжение не заставило себя долго ждать. Из воды высунулись тысячи щупальцев. Они хватали всех, кто подошел на достаточно близкое расстояние, и утягивали их в глубины.

— Это иллюзия? — спросил Грен.

— Вряд ли, — отозвался демон. — Что-то из

того, чему свидетелями мы стали, наверно, да. Но далеко не все.

Смерть животных напомнила старику о королеве. Где она сейчас? Жива ли? Все ли с ней в порядке? Если с ней что-то случится, он себе этого никогда не простит.

— Не переживай, — Халуаст словно прочитал его мысли, — девушка в безопасности.

Больше они не перекинулись друг с другом и парой слов до тех пор, пока прямо перед ними не появился исполинский кратер. Что ж, слова демона подтверждаются. Но нет ли там внизу рядом с источником мощи какого-нибудь подвоха? Кто-то или что-то всегда охраняет места сосредоточения магии, так принято во всех мирах.

Грен внутренним взором окинул пространство, ища скрытое. Но ничего тайного, зачарованного обнаружить ему не удалось. На первый взгляд все было спокойно. Слишком просто. Опасности, с которыми они с Халуастом встретились по дороге сюда, не в счет.

— Есть ли тут ловушка?

— Да, — подтвердил демон. — И еще какая! Даже мне пришлось использовать всю свою хитрость, чтобы преодолеть ее.

— В чем она заключается?

— Так я тебе и сказал! Каждый, пришедший сюда, должен сам до всего додуматься.

Тем не менее, Халуаст кое-что сообщил. Нужно кого-то или что-то перехитрить. Хотя... отродю Тьмы нет веры, так что он вполне мог подшутить над ним, направив его мысли в неверное

русло. Что если тут нужно действовать волшебством?

— Верь мне, я же все-таки твой слуга. И пока мне интересно с тобой, я не попытаюсь тебя убить. Мы, демоны, любим наблюдать, развлекаться, глядя на приключения людей.

Грен спустился до самого дна кратера, так и не встретив никакого препятствия. Однако радоваться было преждевременно. Небольшой ручеек, полный колдовской силы, окружало со всех сторон нечто вроде невидимой стены, барьера, преодолеть который было невозможно. Сколько чародейств сотворил старик, стремясь добраться до источника! Увы, ничего у него не получилось. Барьер по-прежнему оставался на своем месте.

Похоже, Халуаст не обманул, и колдовство тут бесполезно. Но что тогда нужно делать? Какую применить уловку?

— Попробуй поговорить со стеной, — вдруг предложил демон.

— Подшутить надо мной хочешь? — покосился на него Грен, но, тем не менее, совету последовал: — Эй, стена, почему ты не хочешь пропустить меня?

Ответ пришел незамедлительно:

— Мне неизвестно, кто ты.

— Я — Грен, некромант, жрец бога войны!

— Это ненастоящее твое имя! Ты обманываешь! Ты обязан произнести правду, если желаешь испить из вод мощи и уйти отсюда живым.

Говорить кому бы то ни было свое настоящее имя старик не собирался, слишком опасно это

было в чужих мирах. Тем более, рядом находится демон, который, узнав подлинное имя своего хозяина, тут же обретет свободу.

— Скажи же, кто ты? — произнесла стена. — И барьер исчезнет!

Что ей ответить? Все должно быть просто! И дело не в имени. Еще вопрос, что произойдет, выполни он то, чего от него хотят.

— Повелитель, хитрость, — прошептал Халуаст.

И тут Грена осенило:

— Я тот, кто желает испить из источника!

— Откуда мне знать, что ты не причинишь зла? Скрывающий свое имя, мне неизвестны твои помыслы.

— Я путник по лабиринту миров, я не...

Стена исчезла, но, как оказалось, была и еще одна ловушка. По сравнению с первой она казалась элементарной. Старик мог легко преодолеть ее, но после прохождения невидимой говорящей стены, он утратил бдительность. И поплатился за это. Он провалился в обыкновенную яму, прикрытую сверху ветками.

— Нет, хозяин! — завизжал демон. — Нет!

Расправить крылья в таком узком помещении не представлялось возможным, так что Грен, благодаря всему своему волшебству, сумел лишь замедлить скорость падения. «Значит, я не разобьюсь, — довольно подумал он. — Вот было бы еще хорошо, если бы внизу меня не поджидали колья, ядовитые змеи или... Мало ли что может водиться в этом мире?»

— А утверждал, что всевидящ! — услышал он ехидный голос Халуаста.

— — —

Веселые солнечные лучики резвились, приветствуя рассвет. Они прыгали из стороны в сторону, радуясь жизни, которая просыпалась вместе с солнцем, вылезавшим на небосвод. Для них начинался новый день, полный потех и забав.

Сотни зверей просыпались, вылезали из убежищ и отправлялись по своим делам. Одни предпочитали охоту, другие собирали растения, третьи устраивали любовную игру. Этот мир был полон теплоты, он излучал счастье.

Грен стоял на берегу океана, вглядываясь в даль. Перед его взором танцевали божественной красоты русалки. Они касались друг друга хвостами, их руки соединялись. Они взлетали над поверхностью воды, славя сущее. Они что-то пели, но старик не слышал их. Он был погружен в свои мысли.

Он попал в щель между мирами, и теперь остается только догадываться, куда его занесло. Тут царство гармонии и порядка, так бывает достаточно редко, так что можно предположить, что он находится недалеко от Хайбории. Если так, то у него займет не меньше седмицы, чтобы вернуться назад в хаотичный мир, где был источник мощи.

— Уф, еле догнал! — воскликнул Халуаст, появляясь рядом. — А тут неплохо...

— Почему ты не предупредил меня? — грозно зарычал Грен.

— Забыл, — повинился демон. — Но посмотри на это с другой стороны. Мы тут вдвоем в этом очаровательном месте. Проблемы и враги остались далеко, так что мы можем отдохнуть, расслабиться...

— Нет, как я могу развлекаться, когда королева в опасности? Мы должны немедленно отправиться назад! — заявил он.

— Никуда вы отсюда не уйдете, — спокойно произнес некто рядом с ними.

Грен обернулся.

— Я вас не отпущу, — перед ним стоял небольшой синий человечек. На его узком лице застыла маска брезгливости и недовольства. В руках он держал обоюдоострый меч. — Вы мои пленники!

— Ты думаешь, что сможешь одолеть некроманта и демона?! — улыбаясь, воскликнул Халуаст. — Повелитель, разреши мне его убить?

Синий человек, потрясая клинком, заявил:

— Я — Ухуб, и теперь вы мои рабы!

Неодолимая слабость навалилась на Грена. Он не мог даже пошевелить рукой, не говоря уже о том, чтобы творить заклятья. Неведомая сила, исходящая от Ухуба, подчинила его. Он больше не был хозяином своего тела.

— Владыка, что с тобой? — засуетился демон.

— Помоги, — с трудом сумел прохрипеть он.

Халуаст, призвав на помощь всю свою силу, напал на синего человека, который и не соби-

рался убегать. Ухуб спокойно ожидал того, что против него предпримет отродье Тьмы. Он был уверен, что победит, еще ни разу ему не встречался достойный противник.

Ухуб отмахивался от брошенных в него заклятий, как от надоедливых мух. Он пока предпочитал защищаться, не нападая сам. Ему было любопытно, на что способен демон, о могуществе которых говорили во всех мирах.

— Слухи о силе порождений Мрака явно преувеличены! — произнес он.

— Ты еще не видел всего!

Все это время Грен боролся за свое тело. Он сопротивлялся захватчику и постепенно побеждал его.

— Страшись гнева Тьмы! — закричал огненный демон, раздуваясь, становясь огромным. Он все рос и рос, пожирая окружающее. Даже океан не стал для него серьезным препятствием. Он с легкостью заставил воды вскипеть, и на поверхность всплыли тела тысяч мертвых существ.

— Неплохо, — признал Ухуб, взмахом руки он заставил Халуаста уменьшиться до первоначальных размеров. — Теперь моя очередь показывать свое колдовское искусство!

— Еще нет! — взвизгнул он. Из его пасти полилась кровь, она нарушала гармонию этого мира, казалась здесь чем-то чужеродным, нереальным... Она уродовала окружающее, корбила его.

— Нет!!! — взревел синий человек. Он зашатался, оружие выпало из его рук. — Не надо!

Сгиньте! Исчезните! Уйдите туда, откуда пришли!

* * *

— Повелитель рассмотрел твое дело и желает видеть тебя, — объявил Гайсар, вновь появившись на пороге проклятого особняка. — Король Аргеваль подтвердил, что твои слова соответствуют истине. Я вынужден принести нижайшие извинения за попытку вторжения в твой дом, — Нергал разберет, почему, но Гайсар сочувствовал бритунцу, и его слова прозвучали довольно тепло и искренне.

— Что ж, я их принимаю, — чуть помедлив, произнес Эльбер.

— В таком случае, готов ли ты немедленно отправиться во дворец? Король изъявил желание видеть тебя нынче же.

— Не вижу причин для отказа, — чуть насмешливая улыбка далась Муонгу нелегко — Соня видела, что он взволнован до помешательства. — Моя супруга, разумеется, будет сопровождать меня.

В резиденции правителя Бельверуса Соне бывать еще не приходилось, так что предложение показалось ей весьма любопытным и заманчивым. Но она, как положено знатной особе, заставила Гайсара дожидаться в течение пары часов, пока приведет себя в надлежащий для подобного визита вид. Во всяком случае, таков был достойный повод для того, чтобы удалиться и, уе-

динившись с Эльбером, постараться успокоить его.

— Все будет нормально, нет оснований так сильно переживать, — убеждала она. — Твой Аргеваль уж точно не страшнее ни Каваба, ни дарфарского леопарда, ни оборотней из Асингалека.

— Ты не понимаешь, чего мне стоит оказаться в тех же стенах, которые видели и мой триумф, и мое поражение. Вновь увидеть всех этих людей, которые... — он метался из угла в угол, как зверь в клетке. — Я так долго не мог решиться на подобный шаг!

— Дворец ведь не Килва, — напомнила Соня, подталкивая его к креслу, чтобы, усадив и встав позади, начать разминать ему плечи и шею, заставляя расслабиться. — Ты просто весь, как натянутая тетива лука. А на самом деле, едва ли тебя там ждет что-то ужасное.

— Там может оказаться Ликенион!

— Да, может, так же как и другие женщины из высшего света, с которыми ты спал. Ну и что? В постели-то у тебя никогда не было поражений. И потом, не забывай, что я все время буду рядом с тобой. Да, и прости, что я усомнилась в твоём уме. Я давно хотела за это извиниться и взять свои слова назад, — она крепко обняла Эльбера, прижавшись к нему. — Мы с тобой уже так много пережили вместе, неужели этот визит окажется самым тяжким испытанием? А если даже и так, что ж — мы выдержим его с честью.

...Испытание, в самом деле, оказалось тяже-

лее, чем Соня предполагала. Вообще-то она в свое время получила великолепное воспитание, позволяющее ей чувствовать себя, как рыба в воде, среди сильных мира сего — никаких сложностей со светским этикетом дочь Рыси не ощущала, обученная всему, что позволяет держаться достойно в обществе правителей и вельмож. Да и ее внешность ничуть не уступала облику первых здешних красавиц — вдвоем с Эльбером, следуя на шаг позади мужа, как положено было при бельверусском дворе, Соня выглядела ослепительно красивой.

— Эльбер, — король Аргеваль, широко улыбаясь, приветствовал бритунца первым, — я рад снова видеть тебя живым и, насколько я могу судить, в добром здравии спустя столько лет. Надеюсь, возникшее между нами маленькое недоразумение не заставляет тебя питать на меня обиду. В жизни все бывает, не так ли, друг мой?

— Да, господин. Я тоже рад встрече, — отозвался Эльбер, — и тому, что ты не забыл о моем существовании.

— Тебе следовало сразу по возвращении явиться ко мне, Тигр. В самом деле, нам бы удалось избежать излишних сложностей с внутренней охраной. А это, как я понимаю, твоя супруга? Я восхищен, у тебя по-прежнему отменный вкус в отношении женщин. Она прекрасна. Как твое имя, красавица?

Соня представилась, и король протянул ей руку для поцелуя — девушка учтиво коснулась ее губами, хотя ей куда больше хотелось вонзить

зубы в эту холеную кисть: никаких благоговейных чувств к правителю она не испытывала.

— Что ж, я сегодня не рассчитывал на большой прием, поэтому предлагаю разделить трапезу со мной и узким кругом хорошо знакомых тебе людей, Эльбер. Ишум, Туорг... долгие странствия едва ли могли полностью стереть память о них, так ведь?

Мерзавец, подумала Соня. Просто злобный, мстительный мерзавец. Она незаметно сжала пальцы Эльбера.

— Разумеется, господин, — бритунец держался как ни в чем не бывало, и Соня вновь восхитилась его умением владеть собой.

Даже оказавшись лицом к лицу со своими злейшими врагами, изумленно уставившимися на него — похоже, Аргеваль намеренно не предупредил их о маленьком сюрпризе — Эльбер сохранял ледяное спокойствие. Соня вполне оценила расклад сил: двое мужчин и две женщины. Ишум, Туорг, Ликенион и девушка, которой она не знала лично — ее представили как Араминту, дочь казначея. В воздухе повисло такое напряжение, что казалось, вот-вот разразится гроза. Араминта при виде Эльбера и Сони побледнела до синевы, не в силах раскрыть рта. Ликенион старалась выглядеть бесстрашной, но ей это плохо удавалось. Ишум на время лишился дара речи.

— Отличная новость, — объявил Аргеваль, откровенно наслаждаясь всеобщим потрясением, — Бритунский Тигр вернулся в Бельверус и поч-

тил нас сегодня своим присутствием вместе со своей блистательной супругой Соней.

— Ты не устаешь нас изумлять, господин, — первой опомнилась Ликенион, глядя на бывшего любовника так, словно решала для себя, в своем ли она уме, или же все происходящее лишь плод разыгравшегося воображения.

— Иначе жизнь была бы скучна, — весело рассмеялся правитель, как будто ему чрезвычайно удалась презабавнейшая шутка. — Что ж, Эльбер, может быть, расскажешь нам, как ты провел эти годы? Уверен, твоя жизнь была полна приключений и подвигов.

— Позвольте мне, — вмешалась Соня. — Да, господин, ты абсолютно прав — мы с Эльбером совершили потрясающее путешествие в Черные Королевства и сумели найти мертвый Город, полный невероятного количества золота и драгоценностей. Так что мы рассчитываем в скором времени снова отправиться туда, чтобы пополнить слегка истощившиеся запасы.

— Как?! — воскликнул Ишум, при слове «золото» и, в особенности, «мертвый Город» разом позабывший обо всем остальном. — Оттуда не вернулся ни один корабль! Мы отправили в Королевства несколько экспедиций! Никто не явился назад живым!

— Ну да, кроме нас двоих. Нам повезло больше, чем остальным. Мы, кроме того, составили подробные карты, по которым можно найти путь в Город, — она удовлетворенно улыбнулась, наслаждаясь произведенным эффектом. — И но-

вый поход в Королевства, без сомнения, обречен на успех.

— Это, в самом деле, невероятная новость, — заметил Аргеваль, — и как я понимаю, дорогой Эльбер, твой долг подданного Немедии — предоставить эти сведения бельверусским властям, чтобы мы могли обсудить дальнейшие действия.

— Наше путешествие было, хм, частным делом, — тут же откликнулась Соня. — Все карты тщательно зашифрованы и находятся в надежном месте. Мы опасались того, что они могут быть похищены, и потому старались сохранять инкогнито. В самом деле, недавно некто пытался обокрасть нас, тайком проникнув в дом. Бедняга оступился на лестнице и свернул себе шею. Мне очень жаль. Мы его нашли уже мертвым и похоронили. В саду. Надеюсь, это... ничего страшного? — невинно спросила она, кокетливо похлопав глазами. — Мы даже не знаем, кто это был.

Она очень надеялась, что Эльбер уже успел окончательно очнуться и способен поддержать игру.

— Погибший вор сам выбрал свою участь. Это была кара богов, вашей вины здесь нет, — тут же отпустил ей грехи Аргеваль. — Но такие карты... слишком большая ценность, чтобы хранить их в обычном доме.

— Так мы их там и не храним. К тому же без опытных и надежных проводников они все равно бесполезны, а настоящий путь через Леса знаем только мы двое, причем Эльберу лучше зна-

комы одни, а мне другие отрезки пути. Собственно, именно поэтому нам и удалось там выжить. Это было очень нелегко, поверьте. Вот, — добавила она, указывая на висящий на шее талисман Элгона, — это одна из величайших ценностей города, обладающая магической силой.

— Насколько велики богатства Города? — спросил Ишум сквозь шумное пыхтение — ему явно было трудно говорить, его глаза помутнели от сильнейшего приступа алчности, а лицо стало таким багровым, что казалось, казначей вот-вот хватит удар.

— Неисчислимы, — сообщила Соня. — Там целые пустые дворцы из чистого золота, сплошь набитые драгоценностями, оружием... Некоторые люди, попадая туда, умирают от того, что не в силах уйти, оставив все это, а на себе ведь много не унесешь. Дети из окрестных племен играют крупными бриллиантами, как речными камушками, а золото они не любят потому, что оно слишком мягкое и не подходит для изготовления наконечников стрел.

— Значит, все, что я до сих пор слышал о Городе, правда, — прохрипел казначей. — Пове- рить не могу...

— Соня, не кажется ли тебе, что ты сегодня излишне многословна? — предостерегающе спросил Эльбер. Ну спасибо, сподобился рот раскрыть, подумала девушка.

— А что такое? Я думала как-то поддержать разговор, и что всем будет интересно послушать, — протянула она. — Ведь эти люди твои преж-

ние друзья, да, Эльбер? Вы знаете, — обратилась она к присутствующим, — он мне мало о себе рассказывал, я, может, что-то не вполне понимаю, но думаю, Эльбера в Бельверусе все любили. Он ведь такой... талантливый, смелый человек, и...

— У нас были в прошлом... э-э... маленькие недоразумения, — встрял Ишум, — но в целом, безусловно, ты права.

— Прекрати, отец, — неожиданно взорвалась Араминта, единственная, кому, кажется, не было никакого дела до рассуждений о богатствах Мертвого Города. Ее лицо оставалось не просто бледным, но такого цвета, какого Соне еще не доводилось видеть у живых людей, лишь на скулах пылали яркие пятна. — Эльбера в Бельверусе считали всего лишь шутком, наплевав на все его заслуги. Его дом разорили и сожгли, его самого сначала жестоко публично унизили, а потом заставили сражаться на арене с настоящим чудовищем, которое едва его не убило. Его жена стала наложницей моего отца и умерла, продолжая любить Эльбера до последнего дня и не надеясь когда-нибудь с ним встретиться! А эта женщина, — она обвиняюще указала на Ликенион, — соблазнила и оболгала его, пользуясь им, как одним из мужчин, продающих свою любовь за деньги. Свое подданство он сполна оплатил страданиями и кровью!

Браво, восхищенно подумала Соня, любуясь ею. Я, пожалуй, на твоём месте поступила бы точно так же, девочка.

— Араминта! — загремел Ишум. — Что ты несешь?! Немедленно замолчи!

— Ну уж нет, и ты мне рот не заткнешь! Мне надоело молчать, меня тошнит от вашего лицемерия! Это не Эльбера, а Ликенион следовало тогда отправить под кнут, а ей хоть бы что! — запас прочности иссяк, и Араминта отчаянно, совершенно по-детски разрыдалась.

— Она не в себе, — выкрикнул Ишум. — Моя дочь всегда была ненормальной. Я сейчас распоряжусь отправить ее домой, и... мы все выясним.

— Позвольте мне ее успокоить, — Соня обняла девушку за плечи, настойчиво подталкивая к двери. — Пойдем-ка отсюда, милая.

Но неожиданности на этом не кончились. Оставшись с Соней наедине, Минта продолжала биться в рыданиях.

— Я его люблю! Мне плевать, что ты теперь его жена! Это я должна быть с ним — и буду. Я позабочусь об Эльбере ради памяти Гларии! Она мне была больше, чем матерью. Пусти меня, я должна ему сказать, что на все готова ради него! Я покончу с собой, если мы не сможем быть вместе...

Соня встряхнула ее, как тряпичную куклу, и наотмашь ударила по лицу.

— Уймись!

Девчонка задохнулась от ярости и в ответ отвестила ей такую же хлесткую пощечину, но слезы у нее миглом высохли. Дрожа от бешенства, она занесла руку для нового удара, но Соня перехватила ее запястье и сжала, как в тисках.

— Еще раз так сделаешь, и я тебе все пальцы перелломаю, — предупредила она. — По одному. Я женщина-воин и легко могу это сделать. А ты только сопли горазда распускать до губы. Вытри лицо сейчас же. Боюсь, что Эльбер не в курсе насчет твоих планов выйти за него замуж.

— Я его люблю, — повторила Араминта, — и никому не позволю встать между нами.

— Ты теряешь лицо, — сурово отозвалась Соня, поймав себя на том, что употребила выражение Таймацу. — Это стыдно и недостойно. А теперь послушай меня. Я очень скоро приглашу тебя к нам, и мы поговорим спокойно, не сейчас и не здесь. Я знаю, что ты встречалась с Эльбером один раз возле усыпальницы Гларии...

— Да, и он поцеловал меня по-настоящему. Я ему не безразлична! Мы оба поняли, что...

— Эльбер способен... поцеловать вообще все, что шевелится, — оборвала ее Соня. — Это в его духе. Но из таких его действий не стоит делать поспешных выводов. Так, ты в порядке? Тогда обещай мне, что до конца вечера будешь сидеть тихо, как мышь, и молчать, как рыба. Сейчас я вернусь назад, а ты приведешь себя в порядок и последуешь за мной, — она развернулась и вышла, не сомневаясь в том, что Араминта выполнит ее распоряжение. Увы, Соня слишком плохо знала эту бунтарку.

— Все замечательно, — сказала она, возвращаясь к столу и усаживаясь рядом с Эльбером, — у девочки легкая мигрень, и она немножко нервничалась. Скоро она вновь к нам присоеди-

нится. Так о чем шла речь? Я что-то важное пропустила?

— Да мы тут говорили о том, что я не собираюсь пока отправляться в новое путешествие, — просветил ее бритунец, — нам с тобой нужен отдых, не так ли? Я вернулся в Бельверус, чтобы хоть раз еще сыграть в Килве, а там уж можно будет подумать о дальнейшем. Тем более для начала долгого похода требуется соответствующее удачное расположение звезд.

-- Сыграть в Килве, — подхватил Аргеваль, — ну конечно же, народ Бельверуса будет рад снова приветствовать своего героя! Ты всегда был замечательным актером.

— Но в своей собственной драме, — тут же добавил Эльбер, — которую сам поставлю.

— Не вижу ничего невозможного, — охотно согласился король.

Ну еще бы, подумала Соня, он ведь теперь для всех этих пауков в банке достаточно ценен и может попросить себе хоть звезду с неба: полезут и принесут. За такие-то немереные деньги, которые для них может добыть только он. И позаботятся о том, чтобы с его головы не упал ни один волос. У него каждый — на вес меры золота.

Судя по тому, как на него смотрит Ликенион, эта из кожи вон вылезет, чтобы снова затащить его в постель. А Ишум, тот вообще не может придумать, чем бы ему угодить. Кажется, неловкость, вызванная выступлением Араминты, благополучно сглажена.

— Еще я бы хотел здесь сражаться, — заявил Эльбер. — Я могу подтвердить, что достоин своих прежних побед!

— Безусловно! В этом тоже никто не сомневается! — подскочил на месте Туорг.

«Да уж, учитывая, что каждому твоему сопернику будет приказано поддаваться тебе, — мысленно усмехнулась Соня, — чтобы, сохранили боги, не зацепили в поединке».

Но в целом она была весьма довольна результатом своей маленькой речи и с интересом наблюдала, как расходятся круги от удачно брошенного камня. У нее даже проснулся аппетит, и Соня принялась наконец за еду, лишь спустя примерно полчаса вспомнив об Араминте, которая так и не соизволила почтить всех съим присутствием.

«Вот упрямица», — подумала она, незаметно подозвав к себе одного из слуг и попросив посмотреть, как там юная особа. Слуга отсутствовал довольно долго, и, вернувшись, сообщил, что Араминту видели выходящей из дворца. Соня не придавала этому особого значения: девчонке не мешает побыть в одиночестве и слегка остыть. А Ишум вообще был только рад отсутствию дочери.

Беседа затянулась далеко за полночь, и Соню ничуть не удивило, когда Аргеваль принялся усиленно предлагать им с Эльбером остаться до утра в королевских покоях.

Эльбер к тому времени был уже изрядно навеселе, а ей еще не терпелось задать ему не-

сколько не очень приятных вопросов без посторонних ушей, поэтому Соня от его имени отказалась от приглашения, отправившись домой — разумеется, воспользовавшись для этого любезно предоставленной для этого шестеркой лучших королевских лошадей.

Бритунец все еще не мог вполне опомниться после потрясающего приема и по дороге старался обнять ее и выразить свое восхищение идеей Сони, как словами, так и действиями.

— Подожди, — отстранила она его. — Ты не помнишь, чем завершился твой разговор с Араминтой возле усыпальницы?

— Ничем, поговорили и разошлись, а что такое? — искренне изумился Эльбер. — Я никак не ожидал, что она может так за меня вступиться. Удивительная девушка.

— Юная и сладкая. Да? — вкрадчиво спросила Соня, и ее глаза чуть сузились, недобро блеснув. — Как она тебе показалась на вкус?

— Да ты что, — взвился он, — у меня и в мыслях не было!.. Ну да, я вроде как ее поцеловал, просто в знак благодарности, эка невидаль!

— Невидаль для такой впечатлительной девушки, представь себе! — отрезала Соня. — И впредь советую держать свои штаны застегнутыми. В Лесах у тебя было больше уважения к законам племени, чем здесь к обычаям, принятым в Хайбории.

— В лесах у меня было четыре жены, и ты пятая, — напомнил он, — и я мог взять еще столько, сколько смогу прокормить. Мне кажет-

ся, это нормально для любого здорового мужчины.

Соня только вздохнула. Пора бы и привыкнуть к тому, что этот человек неисправим. Если Глария вернется к нему, ей по-прежнему придется нелегко. Но пока Соне даже думать об этом не хотелось — ее саму устраивали их отношения, и она вовсе не горела желанием их прекратить.

Боги, если попытаться вспомнить, сколько ночей с момента своего знакомства с Муонгом они провели не вместе и не занимаясь любовью, наберется совсем немного... При этой мысли Соня почувствовала приятную теплую тяжесть внизу живота. Эй, сказала она себе, нельзя допускать, чтобы этот тип обрел такую власть над тобой, подруга!..

* * *

Последовавшая за тем ночь принесла новые неожиданности. Добравшись до постели, Соня, как ей показалось, едва успела закрыть глаза, когда какой-то грохот и шум внизу заставили ее вскочить и схватиться за нож.

По счастью, в особняк нельзя было проникнуть незамеченным, так что она сразу представила себе, чей же труп на сей раз придется снимать с окровавленных кольев? Только этого им сейчас и не хватало.

— Пойду проверю, что за дрянь там творится, — сказал Эльбер, тоже поднявшись и как-то

не подумав о том, в каком он виде — голый и босиком.

Спустя несколько мгновений до слуха Сони донесся его потрясенный возглас, так что ей все равно пришлось присоединиться к бритунцу.

Картина перед Сониным взором предстала впечатляющая — Эльбер чуть ли не на себе нес Араминту, попавшуюся в первую, менее опасную ловушку и отделавшуюся вывихнутой ногой вместо смертельного падения на колья. Девушка морщилась от боли и цеплялась за него, чтобы не упасть снова.

— Как это понимать? — зевнув, спросила Соня. — Ты решила принять мое приглашение и воспользоваться им немедленно?

— Я убежала из дома, — сообщила Минта. — Я ненавижу своего отца и не хочу выходить замуж за человека, которому он намерен меня отдать. Возьмите меня с собой в Мертвый Город! Я не ради золота, клянусь! Просто я все равно здесь не останусь, и идти мне некуда. Нергал, как больно! Я на что-то наступила.

— Ну да. Так обычно и бывает, когда посреди ночи лезешь в чужой дом, — назидательно заметила Соня, — особенно не имея опыта по этой части. Положи ее на кровать, Эльбер, я посмотрю, что у нее с ногой — надеюсь, не сломана. А ты пока завернись хоть во что-нибудь, срам прикрой.

— Да ладно, — проворчал он, однако распоряжение выполнил.

— Кости целы, а вывих вправим, — с облегче-

нием сообщила затем Соня. — Я ее подержу, а ты дерни как следует.

Араминта пронзительно, коротко вскрикнула и изо всех сил сжала зубы, стараясь достойно выдержать «лечение». Устроив ее поудобнее, Соня спросила:

— И как будем развлекаться дальше? До утра еще есть время. Поскольку в Черные Королевства я прямо сейчас точно не поеду, то какие еще будут идеи?

— Девочки, может, вы тут как-нибудь сами? — произнес Эльбер. — С меня на сегодня достаточно. Потом разберемся, — с этими словами он удалился, решив устроиться в соседней комнате.

— Какой он красивый, — мечтательно протянула Минта.

— Успела как следует рассмотреть?

Девушка вспыхнула до корней волос.

— Я не о том. Вообще. Я понимаю, почему Глария так сильно любила его. Он необыкновенный, лучше всех других мужчин.

— Извини, но я не думаю, что твой личный опыт дает простор для сравнений. Итак, почему ты решила сбежать из дома? Давай-ка поподробнее.

Араминта на одном дыхании, позабыв про боль, выложила Соне все как есть.

— Я совсем запуталась. Аггу мне тоже мог бы, наверное, понравиться. Но ведь сначала я решила, что должна быть с Эльбером. А он уже женат на тебе. Вот я и подумала, что нужно быстрее соображать, как поступить. И решила уе-

хоть с вами. Аггу не мой выбор, мне его навязывают!

Ей только не хватает выступать в роли умудренной жизнью матроны-компаньонки и поучать это упрямое, своевольное юное создание, как ему жить дальше. Соня слишком устала, чтобы немедленно приступить к этому увлекательному занятию. Собственно, она вообще не собиралась к нему приступить. Эльбер, дрянь такая, дрыхнет и горя не знает, а всю кашу приходится расхлебывать, как всегда, ей! Ну и где же справедливость?! Однако упоминание о «князе Аггу» и битве в форте Малиарак, непосредственной свидетельницей которой Соня когда-то оказалась, весьма ее заинтересовало. Об этом стоило разузнать поподробнее, но, во имя богов, не сейчас.

— Эльбер тоже не твой выбор, а Гларии, — только и сказала она. — Что за нелепость, пытаться прожить чужую жизнь? Молодой воин — совсем не так скверно. Хотя не мне судить, я как-то никогда не сходила с ума от того, с кем связывать свою жизнь.

— Но у тебя есть Эльбер.

— Что значит «есть»? Наш брак был заключен, когда я валялась в лихорадке и без сознания в дарфарском лесу, в хижине из листьев. Так что особо выбирать не приходилось. Муонг объявил меня своей пятой женой, и все. Иначе меня бы, может быть, съели.

— Муонг?..

— Ну, Эльбер. В общем, он был там лучшим охотником племени Мбонго — Детей Змеи, и

имел право забрать себе добычу и распорядиться ею по своему усмотрению, а я попала в ловушку, примерно вот как ты только что. Вот и вся история. А теперь, извини, я тоже намерена отдохнуть.

У Араминты на языке вертелось миллион вопросов, но она не посмела их немедленно задать...

Глава пятая

Рейулани понимала, что любая ее попытка связаться с Таймацу напрямую, просто пойти и поговорить с ним, как она делала это прежде, теперь невозможна. Его преследователи с Островов едва ли поверили ее не очень убедительной лжи и теперь наверняка не спускают с нее терпеливых безжалостных глаз, ожидая, что Кей сама приведет их к своему учителю и другу.

Знала она и то, что ни при каких обстоятельствах не сможет заметить кого-то из преследователей, как бы ни старалась быть осторожной — с такими воинами ей тягаться бессмысленно, это же подлинные демоны в человеческом облике. Но даже они не способны (наверное, не способны, и спасибо богам, если это так) раздваиваться и следить разом за несколькими людьми. Возможно, юный Аггу сможет здесь как-то помочь.

Если она к нему обратится, он не откажет своей спасительнице в просьбе: как-никак мальчик полагает, что обязан жизнью именно ей, хотя на самом деле без помощи Таймацу она едва ли справилась бы со столь сложной задачей. А теперь от него потребуются всего лишь посетить особняк и оставить коротенькое сообщение.

Всего лишь... На душе у Кей скребли кошки: не поставит ли она парня под удар Хэйдзи и его людей, отправив выполнять такое задание? Они ведь ни перед чем не остановятся! Тем не менее, никакого иного решения проблемы она не видела, а сидеть сложа руки, бездействовать, изводясь бесплодной тревогой за Таймацу, было выше сил Кей. Поэтому вскоре после беседы с Гэмбаном она отправилась в дом Туорга под видом того, что ей необходимо осмотреть своего недавнего пациента.

Парень тут же возбужденно рассказал ей, что им весьма живо интересовалось несколько других лекарей, в том числе и очень, на его взгляд, странных. По его довольно точному описанию Кей прекрасно поняла, кого юноша имеет в виду, и у нее окончательно упало сердце. Значит, Аггу тоже у них под неусыпным наблюдением, и толку от него в таком случае не больше, чем от нее самой. Островитяне так близко подошли к своему прежнему «брату», они уже дышат ему в затылок, а она, Кей, даже не способна крикнуть ему: «Беги!»

— Скажи мне, — неожиданно прервал ее невыносимые размышления Аггу, — ты ведь давно

живешь на свете и очень мудрая... Тут ко мне приходила одна девушка, а я прогнал ее, и теперь жалею о сделанном. Как ты думаешь, если с ней еще раз поговорить, объяснить, что я ошибся, она не станет слишком сильно обижаться? Понимаешь, ее хотят выдать замуж за меня, а я пока не имею права связывать себя с кем бы то ни было, мне нужно сначала выполнить свой долг. Но потом, если я останусь жив...

Кей посмотрела на него с интересом. Если бы она давно не разучилась делать это, то сейчас, вероятно, улыбнулась бы юноше.

— А что это за создание, которое так тебе понравилось?

— Араминта, дочь казначея Ишума, — вздохнул Аггу. — Она очень красивая девушка. Я постоянно вспоминаю о ней и не могу так просто выбросить из головы.

Словно что-то толкнуло Кей в сердце. Маленькая Минта, нескладная, упрямая, отчаянно одинокая, конечно же, выросла и превратилась в настоящую красавицу, вполне способную вскружить голову не одному лишь этому наивному мальчику. Сколько же времени она, Кей, провела, точно во сне, не замечая тихого шелестения лет, проносившихся мимо?

— О, Араминта — это достойный выбор, — сказала она. — И тебе, пожалуй, под силу будет преодолеть ее своенравную натуру, если ты станешь действовать терпением и любовью. Предательство может убить ее: эта девочка и так довольно страдала. Поэтому ты совершенно прав,

что не хочешь дарить ей ложных надежд, доколе не вполне собой распоряжаешься. Может быть, расскажешь, что за долг тебе предстоит исполнить?..

И тут Аггу словно прорвало. Он рассказал старой знахарке обо всем, что так терзало его все время с момента его появления в Бельверусе. О битве за форт Малиарак и гибели Архалука, и об армии призраков, которую он своими глазами видел тогда, и о прокаженном с золотыми очами, непостижимым образом причастном к случившемуся. О том, что он, Аггу, единственный свидетель, способный поведать правду о тех событиях, но не представляет себе, найдется ли хоть одна живая душа, каковая сможет не принять его слова за болезненный бред, но поверить им.

Трудно сказать, почему, но юноша вполне доверял той, которую теперь и он по праву мог назвать Матерью — в конце концов, разве не она подарила ему жизнь во второй раз?

Кей поначалу слушала его довольно рассеянно, ибо была поглощена собственными не менее тяжелыми мыслями, но очень скоро живо заинтересовалась рассказом: что-то подсказывало ей, что все, о чем говорит Аггу, невероятно важно и ценно. В том, что юноша не солгал ни единым словом, она не усомнилась ни на секунду.

— Если бы только я мог разыскать тех двоих, — горячо воскликнул он, — боги, нет ничего в мире, что я не согласился бы отдать за это! Но я даже не знаю их имен и куда они направлялись,

а ведь Хайбория так велика, что на поиски могут уйти долгие годы. К тому же те люди были очень больны, проказа почти совершенно разрушила их тела и превратила лица в чудовищные звериные маски. Скорее всего, их уже и теперь нет в живых.

— В маски, — эхом повторила Кей. — Видишь ли, Аггу, далеко не всегда то, что видят все, соответствует истинной сути человека, — она и сама не понимала, почему у нее вырвались именно такие слова. — И что значит — у того прокаженного были «золотые» глаза?

— Ну, я сначала не видел, какие там у него глаза, его лицо было закрыто капюшоном, и вообще я особо не приглядывался. А потом как будто от того человека начал исходить свет, сияние, и его глаза, действительно, сверкали так ярко, что в них не было видно ни зрачка, ничего. Это длилось очень недолго, кроме того, я вообще сразу бросился в бой и наблюдал за ним всего мгновение. И... ну, когда появились призраки, которые сражались за нас, мне стало тем более не до прокаженных. Так много всего случилось! — оправдываясь, он беспомощно развел руками. — Ты думаешь, прокаженные тоже были не люди, а... духи или демоны?.. И сами боги послали их, чтобы помочь форту? Но я много сражался, а ничего подобного прежде не встречал. К тому же, если так, то почему они не сделали ничего, чтобы спасти жизнь Архалуку? Да весь этот Малиарак не стоил его одного, — мрачно и горестно закончил он, и Кейулани поняла, насколько

сильно молодой человек скорбит о гибели своего наставника.

Он снова открыл рот, желая добавить еще что-то к своему рассказу, но тут и Аггу, и Кейулани услышали хлопанье дверей и громкие возбужденные голоса внизу — это возвратились из королевского дворца Туорг и Ликенион. Похоже, оба они находились под неизгладимым впечатлением некоего чрезвычайного события, произошедшего там, и выясняли отношения, нисколько не стесняясь присутствия слуг. При этом они явно продолжали спор, начатый по дороге, если только это с полным правом можно было назвать спором: по обыкновению, говорила в основном Ликенион, позволяя своему супругу вставлять отдельные реплики лишь в те недолгие моменты, когда ей требовалось набрать в легкие воздуха для продолжения собственной тирады.

— Ты никогда не способен принять правильное и быстрое решение, Туорг, — возмущалась она, — а, наоборот, готов упустить даже самый удачный шанс! Ты как будто не понимаешь, о каких богатствах идет речь! Такие деньги — это истинная, огромная, несокрушимая власть, и если мне удастся добраться до них...

— Ты спятила, — отозвался ее муж, — неужели ты всерьез полагаешь, будто бритунец согласится помогать тебе? Да я еще удивляюсь, как он вообще сразу шею тебе не свернул, только увидев: по сути, ты же его погубила.

— Можно подумать, ты тогда был вообще ни при чем! И кроме того, бритунец такой же ду-

рак, как вообще все мужчины. Заморочить ему голову ничего не стоит, уж поверь, я один раз запросто с этим справилась, стоило только пальцами шелкнуть, и он оказался у моих ног, и если нужно, повторю то же самое с ним же. Не родился еще на свет мужчина, способный устоять передо мной! Я смогу убедить его, что вовсе не желала ему никакого зла, да, между прочим, так оно и было: не я же натравила на него охрану. Это ты, застав нас вместе, поднял крик и отправил бедняжку под суд за прелюбодеяние с немедийкой. В чем была его вина? Разве можно осуждать горячего, страстного, красивого молодого мужчину за то, что он делит постель с женщиной, которую любит? — с пафосом воскликнула Ликенион. — Если хочешь знать, он был потрясающим любовником. Он как мужчина так же хорош, как боец!

— Может, хватит?! — заорал Туорг. — Ты моя жена, между прочим, и я не намерен выслушивать эти истории о твоих изменах! Всему есть предел! Ты уже прожужжала мне все уши об этом своем гладиаторе! Неужели у тебя нет ни капли стыда, Ликенион?!

— Кто бы говорил, — презрительно фыркнула женщина. — Главное, он нам сейчас нужен, нравится это тебе или нет, я намерена его получить и знаю, как это сделать. Единственная преграда и помеха — эта рыжая стерва, его, видите ли, жена. Если бы найти способ избавиться от нее... так ведь нет: она знает, как добраться до Города, без нее толку тоже не выйдет. А что, ес-

ли настроить его против нее и убрать эту суку руками самого бритунца? Разумеется, потом, когда все будет закончено. Неплохая мысль, да, дорогой? А его следом... как бы он ни был хорош, но делить такие сокровища с кем-то еще мне совершенно не хочется.

— Ты просто больная, — заметил Туорг. — Буйнопомешанная. Я и сам ничего не имею против денег, но ты ведь слышала — в Городе их столько, что, если ввезти в Хайборию *все*, золото просто вообще потеряет всякую ценность. В могилу, что ли, ты собралась их с собой унести? Ликенион, прошу тебя, опомнись, выброси эту затею из головы. Ишум и Аргеваль не позволят тебе даже приблизиться к сокровищам, они тебя саму уничтожат, и меня вместе с тобой.

— Не будь таким трусом, милый, — отмахнулась Ликенион. — И кстати, насчет могилы — ты забыл, что я *действительно* не собираюсь умирать? У меня, вероятно, впереди долгие века, и у тебя тоже, если ты наконец решишься внять голосу разума, Туорг! Только представь себе: долгие века немыслимого богатства и огромной власти. Это предел мечтаний любого смертного. На редкость удачно все складывается, ибо даже боги благоволят к бесстрашным.

Похоже, Туорг просто иссяк, так что предпочел на сей раз промолчать. Ликенион же, продолжая вслух обсуждать столь живо интересующую ее тему, поднялась вместе с ним наверх, после чего дверь за супругами наглухо захлопнулась, и голоса стихли.

Аггу взглянул на Кейулани, поразившись мертвенной бледности ее лица. Старая знахарка и прежде не казалась, разумеется, цветущей, но сейчас, похоже, нечто в беседе Туорга и Ликенион несказанно, до глубины души потрясло ее.

— Что случилось? — с беспокойством спросил Аггу, взяв ее за руку. — Лично я понял только, что эта Ликенион жуткая стерва. И к тому же сумасшедшая.

Некоторое время она молчала. Мужчина, похолодев, наблюдал за нею, и ему казалось, что Кей вообще ничего не видит и не слышит сейчас. По сути, так оно и было: на несколько бесконечных мгновений она снова внезапно оказалась в воронке, а затем...

Сны

Он сидел рядом с источником мощи. И думал. Достаточно было протянуть руку, и он бы коснулся силы, напился бы ее, стал бы ее повелителем. Но сумеет ли он выпить именно столько, скольким способен управлять? Ведь если переборщит, то отправится напрямик на Серые Равнины.

Но не только это беспокоило его. Он размышлял о своей встрече с синим человеком, едва не подавившим его волю... Это вполне мог быть морок, или же Грен действительно побывал в ином мире. Миллион объяснений было у случившегося,

ся, и его не устраивало ни одно из них. Он чувствовал какую-то фальшь в происходящем. Будто бы он лишь частичка чего-то много большего. Словно боги разыгрывают какую-то историю, и он выступает в роли одного из второстепенных героев.

— Моан! — обратился он к владыке войн, чьим жрецом являлся. — Подскажи, как мне поступить?

Легко было размышлять о том, что случится в будущем, строить планы. Он предполагал, что сможет контролировать себя, когда будет брать магию источника. Но теперь, когда он был в шаге от цели, он сомневался. Он слишком хорошо понимал сущность человека, коим несмотря ни на что продолжал являться на протяжении всех столетий своей долгой жизни.

Где-то, возможно, страдала королева, дожидаясь, когда он спасет ее. Она рассчитывала на него, верила в то, что он придет, — во всяком случае, Грену хотелось на это надеяться. Но он знал, что девушка скорее призывает к себе не его. Эльбер, — вот о ком были все ее мысли. Она отождествляла Белого Воина с Сыном Света. Безусловно, у этих двоих было очень много общего. Но старик сомневался, что у них одна душа. Впрочем, нет ничего невозможного, — это он усвоил с юношеских лет.

Терзаясь сомнениями, он смотрел на источник. Рядом сидел Халуаст и с интересом наблюдал за ним. Демону было любопытно, как поступит человек в такой сложной ситуации. Что он

сделает? Пойдет ли на поводу у своих желаний или же предпочтет исполнить долг?

«Если я напыюсь мощи, как мне поступить дальше? Наверняка, я смогу выдернуть девушку из рук похитителя, доставить ее к себе. Но, к сожалению, королева не может ходить между мирами. Она мне будет только обузой в поисках портала, с помощью которого мы вдвоем сможем переместиться в Хайборию», — размышлял Грен.

Почему бы тебе ни поглотить столько магических сил, чтобы ты смог не только призвать к себе девушку, но и перенестись вместе с ней в настоящий мир? — спрашивал он сам у себя, и тут же отвечал: — Это слишком большой риск. Я могу не выдержать столько колдовской мощи и уничтожу сам себя. Человек, каким бы он ни был великим чародеем, не в состоянии управлять силой, присущей богам.

— Ты должен сделать выбор, — напомнил Халуаст. — Мы не можем сидеть здесь до скончания веков.

«Итак, — наконец, решил Грен, — я буду беречь чары, которые даст мне источник. Я постараюсь обойтись своими силами, дабы отыскать портал. А уж потом, когда окажусь в нужном мире, вызволю королеву из плена, в котором она вынуждена томиться, дожидаясь помощи». Что бы там ни говорил демон о благочестивых намереньях негодяя похитителя, старик считал, что совершает единственный правильный в данной ситуации поступок.

Зажмурившись, точно когда прыгаешь в холодную воду, он осторожно дотронулся до силы, текущей в источнике. Много раз Грена искушали, пугали, сулили великие блага, но все это меркло по сравнению с тем, что он испытывал сейчас. Он чувствовал себя богом. Он был способен творить вселенные! Все для него стало понятно и просто, и он даже рассмеялся над тем, кем он был миг назад, настолько глупым он себе показался.

— Осторожнее, повелитель, то, что ты делаешь, очень опасно для смертных, — предупредил Халуаст.

— Низший демон, да как ты смеешь советовать мне, Великому Грену, что следует делать?! — закричал он.

— Это как хорошее вино. Попробовав немного, тебе хочется ощущать все больше и больше силы. Ты перестаешь быть самим собой, превращаясь в пустую оболочку, которая просуществует недолго. Поверь, я знаю, о чем говорю. Я сам не раз был свидетелем подобного. Прислушайся к голосу разума!.. Или вспомни хотя бы о противной девчонке, которую ты упорно именуешь королевой. Она погибнет, если ты не помешаешь! Как ты можешь допустить это, ты же ее любишь!

Последние слова демона затронули что-то глубинное, тайное в душе старика. Из глаз Грена выкатились слезы, он мучительно боролся с соблазном всецелиться.

— О божественный Моан, не оставь своего

слугу! — закричал он, пытаясь отдернуть руку от ручья мощи.

Его скрутил приступ острой боли, когда он разорвал связь с источником, потерял знания, полученные вместе с властью над сущим. Отхаркивая кровь, старик тряс головой. Ему было очень плохо. Его точно резали на мелкие кусочки, настолько всеохватывающими были страдания. Они вполне могли бы свести с ума кого-нибудь другого, но только не его.

— Вот и все! — радостно воскликнул демон. — Ты молодец! Редко мне доводилось видеть, чтобы кто-нибудь оставался в живых после подобного. Бывало, я пытался помочь им, вот как тебе, но они ничего и слышать не хотели. Они упивались обретенной силой. И, конечно же, гибли! Дураки!

Постепенно Грен приходил в себя.

— Я... — простонал он.

— Ты справился! И это главное! — ликовал Халуаст. — Я был убежден в том, что у тебя все получится!

— Пить, — он облизал шершавым языком потрескавшиеся губы.

Демон, сотворив из воздуха флягу с обычной пресной водой, дал ему напиться. Дождавшись, пока Грен утолит жажду, он поинтересовался:

— Ну что, ты готов к путешествию по мирам?

Старик посмотрел в его огненные глаза. Он знал, что порождения Мрака, если попадают кому-либо в услужение, стремятся как можно бы-

стрее избавиться от хозяина. Они заводят в смертельные ловушки, и никогда — никогда! — не помогают своим повелителям спастись, если только те им это не прикажут.

Халуаст же резко контрастировал со всем, что было известно Грену о демонах. Он неоднократно вытаскивал своего владыку из неприятностей, спасал его, выручал из казалось бы безвыходных ситуаций, причем, по собственной инициативе!

Достаточно вспомнить синего человека, который едва не поработил старика, или озеро, в котором поселилась какая-то смертоносная тварь со множеством щупальцев... Что это? Демон утверждает, что ему просто любопытно наблюдать за ним, своим владыкой. Но в этом ли дело? Почему-то Грен был уверен, что все далеко не так просто.

— Хозяин, вперед, смелее!

Для прохождения незримой черты между мирами магия была не нужна. Тут важнее было иное, надо ощущать само пространство, чтобы управлять им. Грену достаточно было закрыть глаза и протянуть руку к чему-то далекому, загадочному, манящему... И он оказывался в другом мире.

Старик огляделся. Они с Халуастом находились посреди густой зелени, в которой шевелились какие-то крошечные существа. Присмотревшись, он разглядел среди них не только маленьких слоников и бегемотов, но и человечков. Малютки бегали по ветвям гигантских деревьев,

потрясая копытами и переговариваясь между собой. Должно быть Грен с демоном казались им огромными чудовищами, возможно, даже самими богами.

— Забавный мирок, ты не находишь? — рассмехался Халуаст.

Старик чутко прислушивался к своим ощущениям. Он знал, что, если здесь есть портал, он почувствует его.

— Тут, конечно, весело, но тут нет того, что ты ищешь, — заметил демон, поджигая зелень. Злобные огненные языки принялись с наслаждением лизать деревья, поглощая живущих на них крошек, людей и животных. Малыши корчились от муки, стора.

— Зачем ты так? Они ведь не сделали нам ничего плохого! — разозлился Грен.

— Я — порождение Тьмы и посему обязан творить зло везде, где пройду! — заявил демон.

— Ну уж нет, я этого так не оставляю! Мы обязаны помочь им!

Старику не хотелось расходовать магию, так что он, схватив с земли большой лист, облил его водой из фляги и принялся махать им, пытаясь потушить пламя. Огонь, казалось, издевался над ним. Он и не думал гаснуть, наоборот, с каждым мгновением он захватывал все большие пространства. И вот уже угроза нависла над жизнью самого Грена.

— Истрать немного волшебства. Если ты это сделаешь, то спасешь множество крошечных человечков, — предложил Халуаст. Он очень не

хотел, чтобы королева вернулась в Хайборию. Он, конечно, давно бы уже мог уничтожить старика, своего повелителя, но тот был ему отчего-то симпатичен. Демону было интересно путешествовать вместе с ним.

— Колдовство, без него я не смогу выручить девушку! — отозвался он, печально качая головой. Похоже, все-таки придется удирать отсюда, так и не исправив того, что натворил порождение Тьмы. — Помоги им, я приказываю тебе!

— Да? — протянул он. — Тогда слушаю и повинуюсь, хозяин!

Халуаст — огненный демон — вобрал в себя пламя, которое сам же и выпустил.

— Почему ты не поступил так с самого начала? Зачем заставил меня мучиться, пытаюсь потушить огонь?! — кричал Грен. — Хотел выманить магию?

— Естественно, — спокойно подтвердил он. — Тем более что мы, отродья Мрака, совершаем добро только в том случае, если нам это приказывает наш повелитель. Сами же мы по доброй воле ничего такого делать не обязаны!

Чуть ли не с ненавистью глядя на него, старик произнес:

— Все-таки надо тебя уничтожить, Халуаст.

— Сомневаюсь, — улыбнулся он. — Во всяком случае, в ближайшее время тебе будет не до меня.

— О чем ты? — насторожился Грен, знавший по опыту, что к словам демона стоит прислушаться.

— Бежим!!! — завизжал Халуаст, хватая его за плечи и перетаскивая в другой мир. От резкого перехода у старика закружилась голова, все поплыло перед глазами. Ему стало трудно дышать.

— Где мы?

— В Тулуйкэ, я тут раньше часто бывал. Здесь живут очень забавные создания. Ты только погляди! — он восхищено зацокал, увидав красивую шестидюймовую бабочку, окрашенную в черный цвет. — Она называется «смертушка». На первый взгляд она безвредна. Однако это далеко не так, одного ее укуса достаточно, чтобы человек умирал очень долго и мучительно. Некоторые чародеи в Хайбории за ее яд готовы платить колоссальные деньги! Миллион золотых, каково? И, представь себе, это только одно из чудес этого места. Тут еще водятся...

— Зачем ты выдернул меня из мира малышей-человечков? — прервал его Грен.

— Я избавил тебя от жуткой смерти! А ты даже не поблагодарил меня! — закричал демон. — Я тут ради него нарушаю святыне для каждого порождения Тьмы правила, а он еще и недоволен!

— А что там было такого страшного?

— Там водится мерзкое чудовище, и оно бы съело тебя, а ты так ничего бы и не заметил до самого последнего мига своей жизни.

Пока он говорил, Грен осматривался. Кроме бабочки-смертушки, он увидел куст, на котором вместо плодов висели глаза разных цветов. Они весело подмигнули старику, заметив его интерес,

и в воздух взлетела небольшая стайка крылатых трехголовых муравьев.

— Нравится? — поинтересовался Халуаст. — Я думаю, такого ты в своей Хайбории не видел. И это далеко не все чудеса, которыми полна эта земля. Если хочешь, давай побродим тут немного, и ты увидишь единорогов, мандрагор, химер... Знаешь, все эти легендарные существа нашли себе приют только здесь, во всех остальных мирах они вымерли.

— Не скажи, кое-кто из них еще встречается и в Хайбории.

— Это только в том случае, если их призвал какой-нибудь колдун! Или богам захотелось поиграть!

— Зато у нас есть Пожиратели, великаны, морские змеи, вампиры, оборотни... — начал перечислять Грен. Ему стало обидно за свою родину.

Демон усмехнулся:

— Допустим, оборотни и вампиры живут везде. Что же касается Пожирателей и прочих упомянутых тобой существ, то они случайно попали в ваш мир.

— Как такое могло произойти?

— Сие в точности известно одним лишь богам. Спроси у Моана, жрецом которого ты являешься. Возможно, он и снизойдет до ответа.

Жизнь странная штука. За почти что тысячу лет он исходил сотни миров, сколько повидал всего разного, смешного и грустного, доброго и злого. Но несмотря ни на что, каждый день су-

лил ему новые впечатления, встречи с еще неизведанным. Даже вечности не хватит, чтобы узнать все, ведь каждый год появляется что-то новое. И Грен, как губка, впитывал знания, поглощал их, радуясь им словно дитя новой игрушке.

— Спасибо, — искренне поблагодарил он Халуаста. — Теперь я лучше буду понимать сущее.

— Не за что, — изумился демон. — Только что ты пылал гневом, а сейчас спокойно беседуешь. Уж не больна ли твоя душа, также как и девчонки, которую ты так давно разыскиваешь?

— Возможно, — тихо произнес Грен, — возможно...

— Мне жаль тебя, — прошептал он. И старик поверил в искренность его слов, хотя и знал, что демоны не способны чувствовать. — И посему я покажу тебе ответ на один из твоих вопросов.

Перед Греном закружились образы. Они менялись с такой скоростью, что почти невозможно было хоть что-то разобрать. Но, тем не менее, ему все-таки удалось разглядеть девушку, она была похожа на царицу, только цвет кожи был иной — белый. Ее душа была истерзана, измучена горем и ненастьями. Она жила, исцеляя гладиаторов в Бельверусе. Методы, которыми она пользовалась, процветали только на Радужных Островах, во всей Хайбории невозможно было найти больше ничего столь совершенного.

Следующая картинка показывала Эльбера, того самого, которого королева отождествляла со своим любимым Элгоном, Сыном Света. Рядом с Белым Воином стояли какие-то люди, чьих имен

Грен не знал. Они переговаривались между собой, что-то решая.

Третьим, что увидел старик, был большой зал, заполненный людьми. И Грен услышал, как кто-то произнес: «Сегодня мы расскажем вам, почтенная публика, о жизни и деяниях легендарного Сына Света». И мечта Эльбера осуществилась...

— Зачем ты мне это показал? — поинтересовался старик. — Это будущее или прошлое? И кто та девушка, настолько похожая на королеву?

— Подумай, — улыбнулся демон. — Я и так сообщил тебе больше, чем мне дозволено.

«Что все это значит? Нельзя забывать, что у Халуаста есть второй хозяин. Возможно, это он приказал отродью зла показать мне целительницу и Эльбера. Что если неизвестный некто пытается направить меня по ложному пути? Но чего он добивается? Что хочет сказать? Что у той девушки и королевы одна душа на двоих? А Эльбер — Сын Света? Нет! Этого не может быть. Это бред! Элгон ушел к своему отцу в истинный Город, который он выстроил в одном из миров. И его душа навеки осталась там с прекрасной Мерулой, единственной, которую искренне любил Сын Света! Элгон не мог возродиться! Хотя... разве есть хоть что-то по-настоящему невозможное?»

— Тулуйкэ, тут живут только чудовища. Прислушайся, и ты услышишь их дыхание в шуме ветра! — демон прервал его размышления.

— Тулуйкэ — красивое название. Возможно, я когда-нибудь побываю тут вновь, полюбуюсь местными красотами. Ныне же я ухожу, — тяжело вздохнув, произнес Грен. Непонимание произошедшего тяготило его.

Уже привычно мир пошатнулся, и декорации сменились. Там, где раньше росли глазастые кусты, была яма, из которой периодически показывались головы змей. Гадины шипели и набрасывались на все, что движется. Но, к счастью для Грена, они не отползали далеко, чего-то опасаясь.

— Смотри! — Халуаст поднял огненную голову, разглядывая небосклон. Там явно что-то было, но старик никак не мог понять, что именно. — Драконы, — произнес он уверенно, — высматриваю добычу. Хозяин, я бы на вашем месте поспешил убраться отсюда, вдруг накинута? Не следует искушать судьбу тогда, когда этого можно избежать.

— Больше никаких остановок! — решил Грен. — Мы должны поторопиться!

— Тебе ли не знать, что в лабиринте миров река времени течет по-разному. Где-то быстрее или же медленней... Вот что интересно: в своих странствиях я обнаружил, что если спешить и пронзять ткань реальности очень быстро, то можно даже встретиться с самим собой! Представляешь?

Миллиарды миров распахивали перед стариком и демоном свои двери, чтобы тут же сомкнуть их вновь. Чудеса и неизведанное притяги-

вали Грена, но он решил, что пока не доберется до мира, в котором есть портал, будет продолжать движение. Они летели, проносились мимо тысячи земель... Это, казалось, длилось целую вечность. Но вот старик почуял нечто. Оно излучало энергию жизни.

— Магия, — пробормотал он. — Очень необычное количество волшебства. Такое я чуял только в амулете Элгона...

— Слушай, а почему ты не можешь вначале сам переместиться в Хайборию, а потом вызвать уже туда девушку. Как тебе такая идея? — вдруг полюбопытствовал Халуаст.

Все так просто... И это никогда не приходило мне в голову! — обрадовался Грен. Но тут же осознал, что Хайбория в отличие от эфемерных миров, по которым он бродил сейчас, подлинна. И вряд ли у него, старика, получится перенести туда девушку. Боги далеко не всем даровали право бродить по лабиринту земель. Чтобы помочь королеве, переместить ее сразу в настоящий мир надо обладать нешуточным могуществом. Увы, это было не во власти Грена... Зато на это способны демоны!

— Халуаст, вызволи девушку, верни ее в Хайборию!

— Я бы, конечно, выполнил твоё распоряжение. Но ты пойми, тут замешены сильнейшие из богов. А кто такой я, чтобы мешать их планам? Всевышние любят поиграть с людьми. Смертные кажутся им такими забавными существами!

— Выходит, я был прав, когда предположил,

что кто-то управляет моей судьбой! — рассердился он. — Моан, и ты допустишь, чтобы так поступали с твоим жрецом?

Бог, как и следовало ожидать, не ответил.

— Ладно, — вздохнул Грен, направляясь в мир, излучающий энергию, свойственную порталам.

Он не заметил тех, кто последовал за ним. О да, они умели прятаться, быть невидимыми. Они скрывались в складках реальности, наблюдая за Греном и Халуастом. Демон знал, что за ними следят. Он чувствовал своих братьев. Они не нападали, так что он решил, что им просто любопытно. Однако Халуаст ошибался. Порождения Мрака любили кровь, они уже не раз видели ее в будущем. Они понимали, что кто-то вскоре должен умереть. Они надеялись, что это будет Грен или королева, ведь больше существ, у которых есть души, в параллельных мирах не было. Только в Хайбории, единственном настоящем мире, рождались смертные, на которых Тьма вела охоту. Демоны собирались немного подправить течение событий так, чтобы старик с девушкой погибли. И они уже решили, как это сделать...

* * *

Кейулани вздрогнула всем телом, словно очнувшись, и перевела на Аггу взгляд, полный такого страдания, что молодой воин вздрогнул.

— Она не сумасшедшая, — покачала головой

Кей. — Она просто — не человек. Опасайся ее, Аггу. Хотела бы я знать, что она имела в виду, когда говорила о бессмертии.

— Я это выясню, — уверенно заявил юноша. — Пока я живу здесь, с ними, и эта парочка полагает, будто я могу быть им полезен, у меня есть возможность многое разузнать. А ты поможешь мне найти тех двоих прокаженных?..

И снова у Кейулани возникло странное чувство, будто все происходящие сейчас события как-то связаны между собой, словно крошечные кусочки разбитого витража.

— Я ничего не могу тебе обещать, — сказала она. — Но я попытаюсь.

В том, что жить, как прежде, лишь продолжая без отдыха трудиться ради умирающих в подвальных помещениях Килвы людей, она уже не сможет, Кей не сомневалась. Слишком тугой узел тревожных загадок завязался, и для нее в центре всего этого стоял Эльбер. Как когда-то... хотя так было, в общем, всегда, просто на какое-то время ей удалось заморозить собственную душу, защищая ее от своей непреходящей боли. Начинать снова жить было очень, очень просто, но Кейулани понимала, что пути назад у нее попросту нет.

...Она рассталась с Аггу в еще более смятенном состоянии духа, нежели прежде, с горечью сознавая, что ни на шаг не продвинулась в том деле, которое было сейчас для нее важнее всего: как предупредить Таймацу о грозящей опасности, она по-прежнему себе не представляла.

Правда, она не знала и о том, что теперь едва ли любые ее усилия могли бы помочь ему.

Хэйдзи определил, где следует искать Эльбера и Соню, а значит, поблизости должен оказаться и изменник. Дело за малым — пойти и взять его. И предать, наконец, казни по всем законам островов, привести в исполнение давний приговор. Закон должен торжествовать всегда. Теперь Хэйдзи был почти спокоен. Гэмбан и Тайру установили постоянную слежку за особняком бритунца, уверенные, что на сей раз Таймацу от них никуда не денется.

Что касается Араминты, на следующий день Соня убедила ее вернуться в дом Ишума, пообещав подумать о том, чтобы взять девушку в путешествие в Черные Королевства. Понятно, что на самом деле Соня вообще не собиралась отправляться туда, — ни в ближайшее время, ни в обозримом будущем. Затеянная ею рискованная игра была направлена на очень простую цель: вынудить власти Бельверуса раскошелиться и выделить деньги для нового похода в Элментейт. Поистине огромные средства, которые она разделит с Эльбером. Если он пожелает, то воспользуется ими для путешествия на свой материк Му. А она уж как-нибудь сумеет распорядиться своей долей. Может быть, взойдет на корабль вместе с ним, почему бы и нет. А может, у нее возникнут совсем иные планы относительно устройства личной судьбы, не имеющие к Эльберу никакого отношения. Впрочем, делить шкуру неубитого медведя было вовсе не в правилах Со-

ни: следовало прежде довести свою затею до логического конца.

Едва она успела выпроводить Араминту, как пришлось встречать новую гостью. На сей раз Ликенион. Чего-то подобного требовалось ожидать, хотя Соня полагала, что не так скоро. Ну да известие о несметных богатствах Города вполне могло лишить рассудка и менее алчного человека, нежели супруга Туорга. А в том, что Ликенион абсолютно незнакома с угрызениями совести и тому подобными благоглупостями, сомневаться не приходилось. Для нее казалось вполне в порядке вещей запросто явиться в дом бывшего любовника и попытаться вновь запудрить ему мозги.

Правда, предстояло преодолеть досадное препятствие в лице Сони, но Аикенион, похоже, такая мелочь не слишком пугала. Поэтому, оставив коня возле самых ворот — ездить верхом и в одиночку для нее было привычным делом, несмотря на высокое положение — и спешившись, красавица с порога потребовала встречи с Эльбером. Вероятно, она ожидала увидеть толпу слуг, как положено в богатых домах, и была немало удивлена, когда навстречу ей вышла одна только Соня. Между прочим, тоже не в лучшей форме после едва миновавшей суматошной ночи, и не в самом подходящем расположении духа для приема гостей.

Что до самого Эльбера, тот вообще еще не соизволил даже глаз продрать, о чем Соня и сообщила Ликенион.

— Не думаю, что беспокоить его сейчас — удачная мысль, — добавила она. — Если хочешь, можешь, конечно, подождать, пока он сам проснется, но боюсь, придется потратить на это полдня.

— А я никуда не спешу, — отозвалась Ликенион, лучезарно улыбаясь, — кроме того, Соня, я даже рада, что так получилось, и я могу поговорить именно с тобой. Ты же недавно в Бельверусе, почти ни с кем здесь толком не знакома, а я с удовольствием могу предложить тебе свою дружбу и покровительство. Почему бы и нет? Ты мне нравишься, честное слово. Ты женщина явно нашего круга и, к тому же, умная, поэтому вряд ли станешь ревновать Эльбера к тому, что было между ним и мною в прошлом. Согласись, он красавчик, перед таким трудно устоять. В свое время его боготворила и знать, и чернь. Он был совершенно неукротим в постели так же, как на арене, да еще и играл неплохо. У него было полно любовниц и любовников, ты наверняка знаешь, любовь между мужчинами в Бельверусе считается признаком хорошего тона и изысканных манер. Он не был исключением и не упускал возможности потешить свою плоть, неважно с кем... признаться, я редко встречала мужчин, настолько влюбленных в собственное обнаженное тело, как Эльбер, — Ликенион тихонько рассмеялась. — Это меня умиляло: я не раз заставляла его голым перед зеркалом. Да что я тебе рассказываю, едва ли он с тех пор настолько сильно переменился, чтобы ты сама не

замечала за ним ничего подобного! Знаешь, когда его арестовали, по нему устроили траур все городские шлюхи — он ведь умудрялся и их не обойти вниманием и был очень щедр. Маленькая бедняжка Глария не могла рассчитывать, что такой мужчина способен принадлежать ей одной. Впрочем, она была так наивна!.. Кстати, а ты как с ним познакомилась?

— Я стала его женой в Черных Королевствах, — честно ответила Соня. — Хм... пятой по счету. Там это считалось вполне естественным.

Ликенион снова рассмеялась:

— Такие законы должны были прийтись ему по душе! А ты сама, — она заговорщически понизила голос, — надеюсь, не против того, чтобы время от времени развлечься на стороне? В конце концов, мы, женщины, не такие дуры, чтобы хранить верность только своим мужьям, коль скоро они изменяют нам направо и налево. Я вижу, у тебя хватило здравого смысла не обременять себя щенками и оставаться свободной. Дети слишком докучливы, а роды ужасно портят фигуру. Ты очень красива. Послушай, хочешь и вправду испытать кое-что необыкновенное? В Бельверусе есть одно местечко, там такие мужчины и такие девушки — лучше не сыщешь во всей Хайбории! Тебя интересуют женщины, Соня? Признаюсь, лично для меня разницы нет, иногда это бывает даже лучше, чем...

— Я предпочитаю мужчин, — прервала Соня ее откровения.

— А я люблю разнообразие. Ты, может быть,

просто еще не вошла во вкус, но я тебе помогу. В том месте, о котором я тебе говорила, ты сможешь удовлетворить любые свои желания. Правда, поедем со мной, я как раз собираюсь туда наведаться нынче ночью. Считай, это будет мой тебе подарок в честь того, что ты обосновалась в нашем прекрасном Бельверусе.

— И чего ты захочешь взамен? — осведомилась Соня.

— О боги, какая ты недоверчивая, — воскликнула Ликенион. — Ничего! Говорю же, это подарок. Ты что, может, опасаясь, что Эльбер узнает? Клянусь, мы все обставим так, что ему и в голову не придет в тебе усомниться. Я не выдам тебя. Мы же только что решили, что будем подругами! А уж те, с кем ты станешь там проводить время, и подавно промолчат. Это рабы, понимаешь? На самом деле, они моя собственность. Отлично вышколены и обучены оказывать любые услуги определенного рода.

Соня взирала на свою новую «подругу» со смешанным чувством изумления и брезгливости. Конечно, она сама давно уже познала самые разные оттенки физического наслаждения и не являлась ханжой. С тем же Эльбером они предпочитали заниматься любовью при ярком свете дня или при зажженных свечах, полностью обнажаясь, любуясь друг другом и нимало не смущаясь собственной наготы, если только не приходила фантазия повозиться под одеялом, прикасаясь друг ко другу нежно и почти целомудренно. Да мало ли как еще!

Но в любом случае это было делом только их двоих. Эльбер был весьма искусен в любви, но Соне не пришлось бы в голову назвать его развращенным, даже несмотря на все то, что ей было о нем известно. А эта женщина... Ликенион была порочна по самой сути и все, к чему бы ни прикасалась даже словами, превращала в какую-то жуткую грязь и мерзость. К тому же она отчего-то полагала, будто Соня должна вполне разделять ее точку зрения.

Вероятно, для бельверусской знатной особы это было совершенно естественно. Приглашение провести ночь с мужчинами-рабами звучало столь же нормально, как предложение разделить трапезу, с предварительным обсуждением вкусовых предпочтений гости.

Однако Соня решила поддержать игру. Своего врага следует узнать как можно лучше и до поры стараться не вызывать у него сомнений в собственной лояльности.

— Рабы, — протянула она, поморщившись. — Фу. Я еще не так стара и уродлива, чтобы покупать любовь и пользоваться услугами наложников. Мне нравятся люди голубой крови, они куда более утонченные создания.

— Но Эльбер далеко не принц крови, а ты стала его женой, — резонно заметила Ликенион. — Как быть с этим?

— А кто сказал, что я намерена вечно ею оставаться? — промурлыкала Соня. — Там, в Королевствах, мне просто не приходилось особенно выбирать.

— Вот как, — понимающе кивнула Ликенион.
— Я понимаю. Бывают безвыходные обстоятельства, когда женщина идет на все, чтобы спасти свою жизнь.

— Примерно так и было, — подтвердила Соня.

— Но ближайшую ночь ты проведешь с настоящим князем, — тут же свернула на прежнюю дорожку Ликенион. — Ваниром. Каково? Я это устрою для тебя, ради нашей дружбы. Правда, теперь он тоже в положении раба, но кровь у него голубее некуда. И он сделает для тебя все, чего пожелаешь. Ну что, ты еще колеблешься?

— Пожалуй, — усмехнулась Соня, — стоит попробовать твоего ванира, — при этих словах ее сердце забилося сильнее: дочь ванирки, Соня сочувствовала абсолютно незнакомому человеку, к которому судьба оказалась столь жестока. Едва ли он доволен своей нынешней участью, если только это настоящий мужчина и воин, а не полное ничтожество. Может быть, ей удастся заполучить его себе в союзники. Она понятия не имела, как сумеет использовать новый неожиданный шанс, но рассчитывала распорядиться им с толком для дела.

— Отлично, — воодушевилась Ликенион, — я сразу поняла, что мы с тобой найдем общий язык! — она было собралась заключить Соню в пыльные объятия, но тут появился Эльбер.

При виде «гостыи» он застыл на пороге. Недоумение, ярость, целая буря чувств отразились на его лице.

— Что ты здесь делаешь?! Как ты вообще посмела явиться в мой дом, проклятая сука?!

Мягко говоря, не самый теплый прием отнюдь не смутил Ликенион.

— Эльбер, я знаю, как ты должен меня ненавидеть, — произнесла она, заламывая руки, — но во имя богов, послушай! Я пришла умолять тебя о прощении. Ведь ты пострадал из-за меня! Во дворце я не могла сказать тебе это прямо, мне приходилось придерживаться приличий, но теперь... вот, — она вдруг молниеносно опустила на пол, глядя на бритунца снизу вверх, — ты видишь, я на коленях прошу тебя не держать зла на меня в своем сердце!

Он и охнуть не успел, как Ликенион уже цепко обхватила его ноги. В ее глазах дрожали самые настоящие слезы! Соня лишь в недоумении приподняла брови. Может, Эльбер и был неплохим актером, она в этом не разбиралась, но если бы женщинам было позволено появляться на сцене, Ликенион точно превзошла бы кого угодно по части разыгрывать драматические роли. Трибуны просто были бы от восторга.

Эльбер кое-как выпутался, освободившись от ее мертвой хватки, и поднял Ликенион, взяв за плечи и встряхнув. Похоже, ее игра его не впечатлила. Соня с трудом сохраняла серьезность, едва удерживаясь от саркастического смешка.

— Слушай, катись отсюда, — прорычал бритунец, — я что, по-твоему, совсем идиот? Давай-давай, шевелись, пока я тебе не врезал!

— Ты меня и раньше бил, — смиренно вздох-

нула Ликенион, — это было так сладко! Я помню... Ну да ладно, ладно. У нас еще будет время помириться. Соня, я, пожалуй, поеду домой. Была рада нашему знакомству. До встречи!

— Почему ты ее сразу не выставила? — принялся возмущаться бритунец, стоило Ликенион удалиться. — Я еще понимаю, Араминта! Но эта тварь...

— Мы с ней очень мило пообщались, — хмыкнула Соня. — Ты, что же, не понимаешь, что теперь Аикенион будет все время тебя преследовать в расчете на свой кусок богатств Элментейта? Она не отступится, пока не узнает, что там ничего нет, кроме руин. И не только она. Еще погоди, явится Ишум и будет предлагать тебе все что угодно, вплоть до своей пылкой любви.

— О нет, — хватаясь за голову, простонал Эльбер.

— О да, — передразнила его Соня. — Ты теперь, считай, важная птица. С того момента, как все эти стервятники купились на мой маленький обман, мы с тобой для них бесценны и будем в Бельверусе нарасхват.

— Я этого не вынесу, — растерянно произнес бритунец, начав оценивать масштабы собственной популярности и последствия, к которым таковая приведет.

— Ну что ты, милый. Еще как вынесешь. Ты же всегда любил быть в центре внимания, вот и пользуйся моментом. Целая вереница «влюбленных» женщин у твоего порога — представь толь-

ко, какая честь и сколько удовольствия! Ладно, шучу. Хватит болтать, давай одевайся, пришло время тебе посетить Килву. Ведь для начала, я так понимаю, ты все-таки доведешь до ума свою затею с постановкой драмы об Элгоне?..

* * *

Долго уговаривать Эльбера ей не пришлось. До сих пор он, правда, даже просто приближался к стенам Килвы с невероятным трепетом, не решаясь войти внутрь, но теперь... Соня вместе с ним взошла на пустую трибуну. Она видела, как замер бритунец, жадно впитывая самый запах огромного театра.

Его ноздри трепетали, глаза сияли. Он прикоснулся рукой к отполированному дереву ближайшей скамьи и судорожно, счастливо вздохнул. Потом быстро сбежал по крутым ступеням на арену, поднял горсть песка и пропустил его между пальцев. Он был, кажется, готов целовать этот песок, эту землю.

В последний раз Соня видела его в состоянии такого возбуждения, радости и какого-то близкого к религиозному экстаза во дворце Элгона, в Элментейте. Она подошла и встала с ним рядом.

— Я так... так боялся, что уже никогда не вернусь сюда, — выдохнул Эльбер. — Что не смогу играть. А теперь почти верю, что это все-таки будет со мной снова. Килва... Я, кажется, всю свою жизнь стремился только сюда. Ты только посмотри, как здесь красиво. Ох, Соня,

если можно, оставь меня ненадолго одного. Я должен привыкнуть...

— Да, Муонг, — она погладила его плечо. — Конечно.

Еще бы: он ведь испытывал примерно те же чувства, которые бушуют человека на первом свидании с любимой женщиной, а это слишком интимно для посторонних глаз.

К тому же у Сони была собственная цель посещения Килвы помимо того, чтобы разделять восторги Эльбера. Она поспешно спустилась вниз в поисках Кейулани и довольно скоро нашла ту хлопчущей возле очередной жертвы недавней схватки.

— Кей? — окликнула ее Соня. В тишине под каменными сводами мрачного сырого подземелья голос прозвучал непривычно гулко.

Старуха повернулась к ней молча, выжидающе, настороженно. И вдруг, чуть помедлив, сама шагнула к Соне.

— Скажи Таймацу, его ищут люди с Островов, — скороговоркой произнесла она. — За мной следят тоже, зная, что я с ним связана. Призрак в большой опасности. И берегись Ликенион. Она одержимая. Она хочет использовать и затем уничтожить тебя. Будь осторожна, рыжая.

— Благодарю за совет, — искренне отозвалась Соня. — Я постараюсь защитить Таймацу и за себя постоять тоже сумею. И, Глария... Он здесь. Если хочешь, ты можешь его увидеть.

Несколько мгновений две женщины пристально смотрели в глаза друг другу.

— Глария мертва, — донеслось затем до слуха Сони. — Прощай.

Кей снова склонилась над раненым, словно утратив всякий интерес к рыжеволосой воительнице. Соня из-за ее плеча увидела серое, искаженное страданием лицо мужчины, похоже, потерявшего слишком много крови.

— Я останусь с ним, пока ты поднимешься к трибунам, — твердо произнесла она. — Я знаю, ты хочешь этого. И я тоже умею ходить за ранеными. Я поставила на ноги Эльбера, когда его порвал леопард, — она мысленно попросила прощения за свою ложь у Нганги, знахаря племени, за то, что не упомянула о нем. — Иди. Гладиатор не умрет до твоего возвращения — я не дам ему этого сделать.

...Кей вернулась очень скоро, сменив Соню на ее добровольном посту и не сказав ни единого слова.

Воительница, как ни старалась, не сумела прочесть на ее испещренном морщинами лице никаких эмоций. А может быть, просто в подземельях Килвы было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Но когда она уже стояла возле самого выхода, то услышала по-прежнему тихое:

— Спасибо тебе.

* * *

Соня не сумела найти Таймацу до позднего вечера, напрасно слоняясь по всему особняку и саду и тщетно призывая островитянина. При-

зрак вел себя как по-настоящему бесплотное создание, и она позволила себе бесплотную надежду на то, что он, почуяв грозящую опасность, успел покинуть Бельверус.

Это было бы самым лучшим выходом. Таймацу проницателен, осторожен и умен, он много лет счастливо избегал встречи со своими преследователями, наверное, и в этот раз поступил как обычно, в последний момент обедев их вокруг пальца.

Что ж, они с Эльбером привлекли к себе слишком много внимания, в такой ситуации Призраку было бы непросто скрываться. Соня искренне желала островитянину всей возможной удачи, она успела всей душой привязаться к нему и по-своему любила как преданного, надежного, мудрого друга, с какими нечасто сводила ее судьба. Если его уже нет в Бельверусе, как жаль, что она даже толком не успела поблагодарить его!

Впрочем, долго терзаться по этому поводу ей не пришлось, ибо сразу после заката вновь появилась Ликенион. На сей раз она не стала настаивать на свидании с Эльбером, вероятно, решив дать ему передышку и не форсировать события во вред себе же самой. Зато обратилась к Соне:

— Ну что? Ты готова? Поехали!

Она была страшно возбуждена, глаза лихорадочно сверкали, и всю дорогу хохотала, как безумная, и трещала без умолку, так что Соня поняла, что ее спутница пьяней вина, хотя никако-

го характерного запаха от нее не ощущалось. Тут Ликенион ловко закинула себе в рот какой-то маленький темно-серый шарик и предложила Соне такой же.

— Что это ты такая мрачная? На, пожуй, сразу развеселишься! Да не бойся, я их ем, как обычные сласти.

Соня сообразила, о чем речь — ей уже доводилось сталкиваться с растениями, вызывающими такое состояние, несравнимое ни с каким опьянением, но она еще не сошла с ума, чтобы пользоваться подобными штучками. И хотя вежливо приняла «дар» Ликенион, тут же незаметно выплюнула шарик.

— Нравится? — подмигнула та. — Я знаю, где достать еще, этого добра в Бельверусе навалом. Эльберу тоже нравилось, я и для него старалась, — похвасталась она, словно совершила нечто чрезвычайно достойное. — Только он потом делался ужасно злым и лупил меня, как скотину.

«Мало лупил, — подумала Соня. — Ты еще хуже любой скотины.»

Ехать им пришлось довольно долго, но Соня старалась запомнить каждый поворот дороги, справедливо опасаясь того, что с Ликенион станет постараться заманить ее в какую-нибудь ловушку. В конце концов они достигли самой дальней окраины Бельверуса, и Ликенион остановила лошадей.

Заведение, в котором они оказались, было действительно местом публичной любви, но отличалось странным и тревожным сходством с

хорошо укрепленным казематом. Здесь даже имелись решетки на окнах, хотя и выполненные в виде красивых завитков и орнаментов, причем металл выглядел необычным, слишком светлым, что ли. Явно не сталь и не чугун. Тогда что же?

Почему-то Соня подумала, что он больше похож на серебро, но кому бы пришло в голову тратить на серебряные решетки? Удовольствие не из дешевых. Впрочем, если дело здесь процветает, то прихоть владельца — его личное дело, хоть дорожки золотыми слитками мостить, хоть дверные ручки украшать бриллиантами.

Изнутри «каземат» выглядел уютно, с непременными барельефами, изображающими самые откровенные сцены любви, и фонтаном по центру просторного холла. Слуга-евнух бросился ко вновь прибывшим, кланяясь и интересуясь их желаниями.

— Это моя подруга из Аквилонии, — указала Ликенион на Соню. — Для нее — все самое лучшее. Имей в виду, Хевсур — если она останется недовольна, вам всем несдобровать!

— Мне обещали князя-ванира, — капризно проговорила Соня.

Ликенион быстро переглянулась со слугой. Значения этого взгляда Соня не поняла.

— У меня есть товар и получше, — попыталась изменить ее планы жена Туорга. — А этот твой ванир сейчас не в лучшей форме, он может тебе не понравиться. Как насчет того, чтобы в другой раз?

— Нет, сейчас, — потребовала Соня с присущим ей напором и решительностью. — Ты хочешь начать нашу дружбу с обмана? Тогда я немедленно уйду! Ты же обещала! Думаешь подсунуть мне какую-нибудь дешевку?

— Будь по-твоему, — сдалась Ликенион, понимая, что Сониного упрямства ей все равно не переломить. — Но если что-то пойдет не так, сразу позови Хевсура.

В помещении не было почти ничего, кроме огромной постели и столика, уставленного блюдом с фруктами и парой кувшинов вина. Навстречу Соне поднялся темноволосый мужчина в одной лишь золотистой набедренной повязке. Соня вовсе не была настроена на то, чтобы развлекаться с ним, но смотрела с интересом. Он был довольно привлекателен, и ее поразило его тело — с такой белой кожей, что казалось светящимся, и совершенным, точно скульптура. Серо-голубые, как две льдинки, глаза контрастировали с почти черными волосами.

— Привет, — сказала Соня. — Сразу проясню ситуацию — я не собираюсь с тобой спать. У меня есть друг, с которым я и так получаю все, чего только могу пожелать. Как твое имя?

— Огден, — представился он, поклонившись, но вопреки ее ожиданиям, не спросил, а что же, исходя из вышесказанного, она здесь делает.

— Я слышала, ты будто бы ванирский князь. Что-то слабо верится. Если это правда, неужели ты больше ни на что не годен, кроме как ублажать богатых немедийских шлюх? Мне тут гово-

рили, что ты якобы не в лучшей форме. Но мне кажется, что ты вполне здоров и силен, как бык. Кстати, я тоже ванирка, хотя родилась в Хауране. Многие полжизни отдали бы за то, чтобы превратить меня в свою рабыню, но до сих пор их мечты остаются только мечтами: меня проще убить, чем подчинить чужой воле.

Огден молчал. Соня уселась на постель и потянулась.

— Тебе нечего мне ответить?

— А что ты хочешь услышать? — он смотрел на нее как-то настолько странно, что Соне стало не по себе, и по коже побежали мурашки под этим холодным синим взглядом. В здравом уме ей бы никак не захотелось объятий и ласк Огдена — он был совсем не в ее вкусе, да и вообще, Соня слишком презирала продажную любовь, чтобы прельститься таким человеком, и уже жалела, что пришла сюда: куда лучше было бы оказаться в этот миг рядом с Эльбером.

Нергал! Почему этот тип кажется ей словно изваянным из льда? Соня коснулась его руки, пытаясь избавиться от наваждения. Кожа Огдена на ощупь казалась, в самом деле, неестественно прохладной.

— Если тебе холодно, оденься, — предложила она, стараясь преодолеть необъяснимую дрожь, охватившую ее саму. — Ты что, еще не понял? Работать тебе сегодня не придется. Не со мной, — при последних словах голос ее, однако, звучал совсем не так уверенно.

Огден не сводил застывших, немигающих глаз

с лица Сони, и в какой-то момент ее охватила невероятная слабость. Руки и ноги словно налились свинцом. А главное, тот, кто стоял перед ней, был вовсе не Огденом.

Соня тихо, жалобно вскрикнула — как она не поняла сразу, как могла так ошибиться?! Это же... Север. Боги. Север, с которым она так давно рассталась и которого так отчаянно, безоглядно любила! Он здесь, он вернулся, он каким-то невероятным образом нашел ее и устроил это свидание.

Соня протянула к нему руки, хотя краешком угасающего сознания продолжала сопротивляться — не может быть, это не он, не... конечно. Не Север, а еще невероятнее — самый давний, первый ее мужчина, убитый ею Сулар... или...

Он обнял ее. Его губы скользнули по ее лицу, по безвольно приоткрывшимся губам. Он был лучшим. Средоточием всего самого желанного, что заключалось в каждом из тех, с кем Соня когда-либо бывала прежде. Соки вожделения напивали каждый мускул, жар тлел в животе, поднимаясь вверх, к сердцу, и опускаясь вниз, как пламенеющие лианы.

Блаженство стало настолько сильным, что это было даже больно, как глотать воду сквозь распухшие губы. И в этот момент она ощущала себя такой до головокружения счастливой, что не испугалась той легкой резкой боли, когда поцелуй превратился в...

Но другая боль разом выдернула ее из блаженного транса. Камея Элгона вдруг обожгла ей

грудь, и Соня с воплем очнулась, изо всех сил оттолкнув Огдена.

— Ты что делаешь, мразь проклятая?!

На его губах, уголки которых злобно и разочарованно подрагивали, была кровь. Соня провела ладонью по собственной шее: так и есть, этот ублюдок укусил ее! Его зубы были совсем рядом с самой крупной веной, еще бы чуть-чуть, и... Ну, Ликенион, гадина, наверняка ведь знала, к кому и куда ее привела! Вот тебе и ванирский князь — псих, убийца, может быть, даже инкуб! Настоящая нечисть! Она выхватила нож, с которым, слава богам, никогда не расставалась, выставив блестящее на совесть отточенное лезвие впереди себя.

— В сторону. Выпусти меня, — резкоскомандовала Соня, — или я тебя сейчас прикончу.

Она не ожидала, что он добровольно подчинится, и была готова к отчаянной битве.

Соню трясло, но она умело скрывала свое смятение, намериваясь сражаться до конца. Он крупный, сильный. Возможно, полагает, что легко справится с женщиной в драке один на один. Что ж, придется ему доказать, какое это заблуждение.

Но нет, он даже не попытался возразить, а пошел отпирать дверь, повернувшись к Соне спиной.

И тут ее ожидало еще одно потрясение: эта спина выглядела как сплошная рана. Как будто Огдена держали прижатым к раскаленной решетке, прутья которой прожгли ему плоть, и было

это совсем недавно — ожоги казались свежими, Соня почти ощущала запах горящего мяса.

Но это же должна быть такая жуткая, свирепая, невыносимая мука, которую и представить себе невозможно! Пытка огнем — самое чудовищное, что можно сотворить с человеком, раны от ожогов наиболее болезненны и хуже всего заживают.

Если бы Соне кто-то заявил, что душевные терзания страшнее физических, она бы плюнула такому «моралисту» в лицо за его благоглупости. Сказать подобное способен лишь тот, кто понятия не имеет о телесных страданиях.

— Стой, — хрипло сказала она. — Огден? Какой выродок тебя пытал? Я бы ему за такое своими руками глаза вырвала, — она изо всех сил стиснула зубы. Бешенство клокотало в душе Сони, как лава в сердце готового вот-вот прорваться вулкана. — Странно, как ты вообще еще на ногах держишься, как способен это терпеть. Другой бы просто умер.

Серо-голубые льдинки его глаз, когда Огден, помедлив, обернулся к ней, теперь казались более живыми. Во всяком случае, в них возникло удивление.

— Какое тебе дело до меня? — спросил он. — Я от ожогов не умру. Ничего страшного.

Глаза белого тигра, вышедшего на охоту, подумала Соня, стараясь не отводить собственный взгляд. Она вслух выругалась почище портового грузчика. Это помогло вернуть себе уверенность.

грудь, и Соня с воплем очнулась, изо всех сил оттолкнув Огдена.

— Ты что делаешь, мразь проклятая?!

На его губах, уголки которых злобно и разочарованно подрагивали, была кровь. Соня провела ладонью по собственной шее: так и есть, этот ублюдок укусил ее! Его зубы были совсем рядом с самой крупной веной, еще бы чуть-чуть, и... Ну, Ликенион, гадина, наверняка ведь знала, к кому и куда ее привела! Вот тебе и ванирский князь — псих, убийца, может быть, даже инкуб! Настоящая нечисть! Она выхватила нож, с которым, слава богам, никогда не расставалась, выставив блестящее на совесть отточенное лезвие впереди себя.

— В сторону. Выпусти меня, — резкоскомандовала Соня, — или я тебя сейчас прикончу.

Она не ожидала, что он добровольно подчинится, и была готова к отчаянной битве.

Соню трясло, но она умело скрывала свое смятение, намериваясь сразиться до конца. Он крупный, сильный. Возможно, полагает, что легко справится с женщиной в драке один на один. Что ж, придется ему доказать, какое это заблуждение.

Но нет, он даже не попытался возразить, а пошел отпирать дверь, повернувшись к Соне спиной.

И тут ее ожидало еще одно потрясение: эта спина выглядела как сплошная рана. Как будто Огдена держали прижатым к раскаленной решетке, прутья которой прожгли ему плоть, и было

это совсем недавно — ожоги казались свежими, Соня почти ощущала запах горящего мяса.

Но это же должна быть такая жуткая, свирепая, невыносимая мука, которую и представить себе невозможно! Пытка огнем — самое чудовищное, что можно сотворить с человеком, раны от ожогов наиболее болезненны и хуже всего заживают.

Если бы Соне кто-то заявил, что душевные терзания страшнее физических, она бы плюнула такому «моралисту» в лицо за его благоглупости. Сказать подобное способен лишь тот, кто понятия не имеет о телесных страданиях.

— Стой, — хрипло сказала она. — Огден? Какой выродец тебя пытал? Я бы ему за такое своими руками глаза вырвала, — она изо всех сил стиснула зубы. Бешенство клочкотало в душе Сони, как лава в сердце готового вот-вот проснуться вулкана. — Странно, как ты вообще еще на ногах держишься, как способен это терпеть. Другой бы просто умер.

Серо-голубые льдинки его глаз, когда Огден, помедлив, обернулся к ней, теперь казались более живыми. Во всяком случае, в них возникло удивление.

— Какое тебе дело до меня? — спросил он. — Я от ожогов не умру. Ничего страшного.

Глаза белого тигра, вышедшего на охоту, подумала Соня, стараясь не отводить собственный взгляд. Она вслух выругалась почище портового грузчика. Это помогло вернуть себе уверенность.

— Тут можно поспорить. Разве что тебе повезло, и ты отличаешься особой выносливостью. Ты из Ванахейма, как и я сама, — напомнила она. — Значит, не совсем мне чужой. И я желаю знать, как случилось, что ты оказался рабом в Немедии. Что с тобой произошло? — для убедительности она перешла на язык своей матери-ванирки.

— Это было давно, — сказал он на том же языке, который, однако, прозвучал необычно, изысканно, так, словно... один из диалектов, на коем говорили столетия два назад. Впрочем, Соня много лет не бывала в Ванахейме. Могла и ошибиться.

Огден замолчал, собираясь с мыслями. Она указала ему на место рядом с собой, и он сел на постель, не глядя ей в лицо. Соне почудилось, будто его чудовищные раны стали менее глубокими. Хотя, конечно, такого не могло произойти за столь короткое время. — Я действительно князь, у тебя правильные сведения. Ты не представилась. Как твое имя?

— Соня, — сказала она. — Кто приказал тебе убить меня нынче ночью?

— Никто, — возразил он.

— Ажешь. Ты хотел разорвать мне горло. Ты что-то сотворил со мной, чтобы я не сопротивлялась, навел морок. А потом ты укусил меня. Я не могла в этом ошибиться! И я должна знать, чей приказ ты выполнял. Ликенион? Ты ее собственность, ведь так?

— Ликенион хотелось бы так думать. Но она

тут ни при чем. Мне нужна была твоя кровь. Не ей. Мне. Потому что я голоден.

— Не поняла. Что еще за бред? Ты пьешь кровь людей? — Соня не могла поверить собственным ушам.

— Кровь животных куда хуже. Это такая гадость! — с отвращением отозвался Огден.

Он что, нарочно ее пугает? Соне сделалось до того жутко, что она отодвинулась от мужчины и, подняв руку к горлу, сжала в ладони камешек. Похоже, талисман Сына Света спас ее, предупредив о грозящей опасности, и в нем — ее надежда пережить эту ночь. Огден коротко улыбнулся.

Под верхней губой блеснули клыки. Таких она не видела даже у собак. Хуже. Даже у волков! Как она могла не заметить их раньше? Соня моргнула и затрясла головой. В следующий миг лицо Огдена уже было вполне человеческим.

— Я должен бежать отсюда сегодня же, — сказал он. — Послушай, ты тут заявила, будто никому еще не удавалось подчинить тебя своей воле. Но ты говорила о людях.

— Да, — кивнула Соня. — Ты себя к людям не причисляешь? Ты не человек?

— Был человеком, — уточнил Огден. — Прежде. Теперь уже нет. Я вампир, — добавил он так буднично, словно это все разом объясняло. — У меня нет времени рассказывать долго. В двух словах, мой враг сумел справиться со мной и из мести превратил в своего раба, а потом продал в Бельверус, лишив изрядной части той силы, которой я обладал. Ликенион глупа, но

она желает, чтобы я сделал ее подобной себе самому. Она не может и не хочет понять, почему это невозможно, и бесится. Дело в том, что она вполне способна меня уничтожить.

— С помощью магии? Она что, владеет магией? Она ведьма?

— Она ведьма лишь в том смысле, какой вкладывают в это слово люди, желающие назвать женщину бешеной стервой. Но, по счастью, магией как раз не владеет. Зато пользуется тем, что днем я совершенно беспомощен. Мое время — только ночь, с рассветом силы покидают меня, и даже крошечный луч становится для меня смертельно опасным. Если она прикажет вытащить меня на свет, мне конец.

— О демоны преисподней, — пробормотала Соня, искренне сочувствуя ему. — И ты никогда не пытался бежать отсюда?

— Я не могу, — он указал на окна. — Решетки. Это серебро. Я не могу к нему прикасаться. Оно хуже огня. Не далее как вчера Ликенион приказала своим слугам просто прижать меня спиной к одной из решеток. Собственно, ты видишь результат. То же самое касается дверей. Но главное, мне нужна кровь. Тогда я бы все-таки справился. Ликенион позволяет мне пить кровь, специально приводя для этого девушек и женщин, но в таких ничтожных количествах, чтобы я просто не умер раньше времени. Несколько глотков... Это все. Ну и, конечно, бросает мне крыс и кошек.

Соню охватило смятение. До сих пор нежить

любого рода ничего, кроме отвращения и желания немедленно уничтожить, у нее не вызывала. Мир был четко разделен на людей и чудовищ, какое бы обличье ни принимали последние.

Согласно такой позиции, Огден, безусловно, относился к чудовищам. А как еще назвать живого мертвеца, питающегося человеческой кровью? Она прежде только слышала о таких — еще в детстве, когда мать пересказывала ей древние ванирские легенды.

Северная Хайбория вообще была весьма богата всевозможными ведьмами, колдунами, оборотнями и прочим навьем. Но встретиться лицом к лицу с настоящим вампиром Соне, по счастью, не доводилось. А даже случись такое, она, конечно, ни на миг бы не усомнилась в необходимости прикончить злобную тварь, которой не должно быть места на земле.

Но вот — случилось. И странное дело, ей почему-то не хочется его гибели. Может, потому, что есть твари и похуже.

— Ты напрасно думаешь, что я бы убил тебя сегодня. Да, я бы взял немного твоей крови, но не собирался высасывать до конца. Это неразумно, да и невозможно. Скажем, тебе, чтобы утолить жажду, не требуется ведро воды — ты просто столько не осилишь. Я тоже. На самом деле, вампиры убивают крайне редко. В Ванахейме моя семья владела несколькими селениями. Мы использовали своих вассалов, чтобы утолять голод, но за многие годы ни один из них не погиб из-за этого. Они даже гордились тем, что нахо-

дятся под нашей защитой и покровительством, и испытывали благоговение, но не ужас. Это было удобно и нам, и им. А когда нас уничтожили, начался кошмар. Новый владелец сжег живьем всех, кто служил нам, чтобы стереть даже самую память о моем роде. Правда, меня он пощадил... для того, чтобы вполне насладиться моим унижением. Я не смог защитить и спасти никого из тех, кто был мне дорог. А ведь он, в отличие от меня, считал себя человеком.

— Ты сказал, это было давно, — напомнила Соня. — Вероятно, тот подонок уже успел умереть, и ты не отомстил ему...

— Давно — по вашим меркам. На самом деле, прошло всего двадцать зим, и он еще как жив и по сей день здравствует. Едва ли это тебе о чем-то говорит, но его имя Ютен. Он носил графский титул и был из...

— Асгарда, — закончила Соня. — Мир куда теснее, чем порой кажется.

Она взяла нож и решительно, глубоко полоснула себя по запястью. Затем поднесла руку к губам Огдена.

— Возьми, раз тебе это нужно. Не следовало только тебе пытаться использовать меня без моего согласия: я этого не терплю.

Он жадно приник к ране и сделал несколько глубоких глотков, затем с явным усилием оторвался и лизнул ее руку языком. Порез тут же затянулся, словно его и не было никогда. Соня отчетливо ощутила, как шевелятся волосы на ее голове и встают дыбом — на шее. Что бы то ни

было произнести она была просто не в силах. Огден облизал губы.

— И что дальше? — спросила она.

— У тебя необычная кровь, — сказал мужчина. — В ней особая сила. Ты ведь тоже не совсем человек? Я это почувствовал.

— Посвященная, — отозвалась Соня. — Итак, что ты намерен теперь делать?

— Пожалуйста, доверяй мне, — попросил он. — Я не причиню тебе зла. Сейчас мы попробуем избавиться от решетки. Возьмись за нее...

— Ну, я, конечно, не из слабых, однако гнуть металл голыми руками не способна, — проворчала воительница.

— Ничего. Я помогу. Давай, я должен успеть выбраться и найти убежище до рассвета!

— Ладно, — Соня обхватила прутья руками и потрясла. Естественно, толку от ее усилий не было никакого. Эльбер бы, пожалуй, справился, но никак не женщина.

Огден положил ладони ей на плечи и слегка сжал...

Ее мышцы заныли, наливаясь настоящей мощью, побелевшие пальцы сделались цепкими, точно звериные лапы с когтями. Металл поддался объединенным усилием двоих, выходя из крепких пазов, изгибаясь... прутья хрустнули, освобождая проход.

— Этого довольно, — сказал Огден, — пойдем, — он отпустил Соню и с кошачьей ловкостью, стараясь даже случайно не коснуться опасного серебра, пролез в образовавшееся отвер-

стие. Воительнице не оставалось ничего иного, как последовать за ним.

— Кстати, ты еще говорил насчет убежища, — произнесла она, отдышавшись. — Раз уж я все равно в это ввязалась... Правда, что вампиры... ну, такие, как ты, предпочитают гробы и кладбища?

— Не обязательно, просто это удобно, — согласился Огден. — Особенно за неимением лучшего.

— Тогда у меня, кажется, есть, что тебе предложить, — воодушевилась Соня. — Следуй за мной.

Глава шестая

Домой Соня добралась, чувствуя себя совершенно измотанной, только на утро следующего дня. По крайней мере, невероятная усталость, которую она ощущала, не позволяла пока слишком задумываться о том, что произошло с нею сегодня. Или уже вчера? Неважно.

На какое-то время ей пришлось выбросить из головы Огдена и все, с ним связанное, потому что Эльбер, встретивший ее, выглядел страшнее целой армии голодных вампиров.

— Где ты болталась всю ночь? — набросился он на Соню. — Ты мне даже не сказала, что намерена куда-то там отправиться!

— А я что, обязана перед тобой отчитываться за каждый шаг? — изумилась Соня. — С каких это пор? Я, кажется, не твоя рабыня или наложница!

— Ты моя жена, живешь в моем доме, и не должна таскаться где ни попадя!

— Ой, неужели? Да ты бы меня даже спрашивать не стал, если бы сам собрался...

— Я мужчина, не забывай об этом, — заявил бритунец. — Женщине не позволено вести себя таким образом!

— Я была с Ликенион, — отчеканила Соня. — Развлекалась с рабами-мужчинами всю ночь и отлично провела время. Ты доволен? А в чем дело? Глария никогда такого себе не позволяла, верно? Пока ты кувыркался со всеми бельверусскими шлюхами, она смиренно дожидалась твоего возвращения, как подобает образцовой супруге. И можно подумать, очень-то ты это ценил. А я совсем другая. Заруби это на своем надменном бритунском носу и никогда не лезь в мои дела!

Ей показалось, что сейчас Эльбер ее ударит. Его лицо исказилось настоящим бешенством. Соня внутренне подобралась, приготовившись защищаться, если потребуется.

— Тебе я ни с кем не изменял, — вопреки ее ожиданиям, сказал он. — Ни разу с тех пор, как объявил тебя своей женой. Я изменился с того времени, как в моей жизни произошли известные тебе события.

Как ни крути, Соня знала, что это чистая правда. Ну что она за человек — хлебом не корми, дай наговорить побольше гадостей, а потом проклинать собственный язвительный язык.

— Откровенность за откровенность — я тебе тоже, — произнесла она. — Это так, Эльбер.

Просто никогда не следует повышать на меня голос. Мы должны больше доверять друг другу.

— Во всяком случае, в том, что с Ликенион ты не была, я уверен. Потому что она-то заявила ко мне, начала рассказывать, будто ты развлеклась с каким-то ваниром, и предлагать в утешение себя саму. Я едва сумел ее выставить. Понятно, что эта дрянь, как всегда, врет, так ведь?

— Ну... не совсем. Я действительно познакомилась с одним... князем из Ванахейма и была с ним до рассвета. Но это совсем не то, о чем ты подумал.

Вероятно, Эльберу самому не раз приходилось бормотать подобные неубедительные оправдания. Он смотрел на Соню, и она почти слышала его мысли.

— Боги мои. Ну как тебе объяснить! Хорошо. Я расскажу, что было на самом деле, — сдалась Соня.

И она выложила бритунцу все как есть про ванирского князя и его сущность, предусмотрительно опустив только заключительную часть своих нынешних походов. Когда Соня выдохлась, Эльбер положил голову на скрещенные руки и вздохнул.

— Теперь уже я думаю, лучше бы ты с ним просто... Нам только вампира не хватало. Час от часу не легче! Во что ты ввязываешься? Ох, Соня, ты уверена, что никак не можешь о нем забыть и оставить все как есть?

— Боюсь, не получится. Терпеть не могу, ко-

гда кого-то используют, как вещь, кем бы или чем он ни был. К тому же ни одно существо не заслуживает таких издевательств, какие ему пришлось переносить из-за этой Ликенион. Вот кто настоящее чудовище, а вовсе не Огден. Неужели твое чувство справедливости не подсказывает тебе самому, что мы просто обязаны принять участие в судьбе этого человека? Даже если слово «человек» к нему не в полной мере применимо.

— Браво, Соня. Звучит патетично до отвращения, даже не похоже на тебя. Это все?

— То есть? — в недоумении переспросила она. Что-то было в голосе Эльбера — особенное, какая-то чуть насмешливая интонация, которой она не понимала.

— Я так понял, что тобой движет исключительно благородное стремление освободить из рабства ванирского князя и восстановить справедливость?..

Так глубоко в себя Соня не заглядывала. Боялась. Есть вещи, которое извортливое сознание отказывается воспринимать.

— Ну... — протянула она, отводя глаза и как-то разом растеряв весь свой благородный пыл. — А что же еще? — как утопающий за соломинку, хваталась она за то, что вроде бы — вроде бы! — никогда не говорила Эльберу о своей безумной мечте, очень давно не дававшей ей покоя.

— Бессмертие, которое, насколько мне известно, присуще вампирам.

Значит, все-таки в какой-то момент она про-

болталась. Соня вспыхнула до корней волос, ее обдало жаром несвойственной ей неловкости.

— Я об этом вообще не думала, — сдавленно произнесла она. — Бессмертие и не-жизнь разные вещи. К тому же вампиры так уязвимы. Это довольно хрупкие создания, которых легко уничтожить, особенно днем, когда они совершенно беспомощны, да и в другое время их повсюду подстерегает масса опасностей. Я не так уж много о них знаю, только то, что когда-то рассказывала мне мать, и еще некоторые сведения, которые стали мне известны сегодня...

— Тебя послушать, так они слабее младенцев. Даже непонятно, с чего вдруг люди вздумали их бояться? Если так, то зачем тебе понадобился этот твой Огден?

— Да ты просто ревнуешь, — вскинулась Соня, воспользовавшись такой дешевой уловкой, что ей стало еще более неудобно. И все-таки лучшая защита — это нападение. — Можешь не переживать — он меня как мужчина не интересуется, — обняв бритунца и почти повиснув на его крепкой шее, Соня прижалась к нему — такому горячему, родному, *живому*, ощутив, как все его существо отвечает ей, тянется к ней. — Мне хорошо с тобой, так хорошо, что другие как-то не очень нужны. Обними меня...

О чем бы другом, а о любви Эльбера просить никогда не требовалось — он был постоянно готов к близости. Особенно после бурной ссоры — в таких случаях страсть всегда оказывалась лучшим способом примирения. В его объятиях, в

кольце его сильных и нежных рук Соня сумела позабыть о своих душевных метаниях на несколько сладостных часов, и если бы только знал Эльбер, как она ему за это благодарна!..

* * *

Обостренный слух Таймацу улавливал каждый ее блаженный вопль и каждый хриплый долгий стон, вырывавшийся из груди Эльбера. Островитянин думал о том, о чем эти двое позволили себе забыть, сплетаясь в любовной игре, которой предавались столь безоглядно: Соня не отступится. Ничто не заставит ее изменить решение и отказаться идти на огромный риск, беспечно сунув голову в настоящую петлю и жертвуя собой так легко, словно ей отпущена тысяча жизней. И тогда — кто позаботится о ней? Этот бритунец? Едва ли. В его голове сейчас только Килва и драма об Элгоне. Он и не подумает подстраховать свою подругу. Круглоглазые зачастую ведут себя хуже детей. Значит, остается только вмешаться самому.

И, скорее всего, подставить себя под удар Хейдзи.

Но другого выхода Осенняя Луна не видел.

* * *

Хейдзи подошел совсем близко к цели, так близко, как еще никогда прежде. Он был уверен, что теперь изменнику не уйти. Но задача замет-

но осложнялась тем, что он дал обещание Ютену привести к тому рыжеволосую женщину и бритунца, причем живыми. Сопротивления со стороны этих двоих Хейдзи не слишком опасался, зная, что способен в одиночку справиться практически с любым, кто не был рожден на Островах. Даже если изменник кое-чему обучил своих хайборийских «друзей», те ни коим образом не могли соперничать с призраками-островитянами.

Если бы их требовалось просто убить, оба были бы уже мертвы. Но взять и живыми гнать до Асгарда — для подготовки к этому требовалось еще некоторое время. Тайру и Гэмбан постоянно держали особняк под наблюдением. Хейдзи оценил изворотливость изменника, превратившего обычный с виду дом в отлично укрепленное сооружение, но располагал теми же знаниями, что и Осенняя Луна, и достаточно ясно представлял себе, как обойти любые ловушки. На месте изменника Хейдзи расположил бы их подобным же образом.

Он понимал, что рыжая и бритунец привязаны друг к другу, и в этом — их главная слабость. Каждого из них можно будет заставить подчиниться, угрожая жизни другого. Возможно, угрозы придется подкрепить действием, например, перебив мужчине ноги. Окажись он в таком беспомощном состоянии, рыжая едва ли бросит его и попыбует сбежать, а он станет совершенно не опасен, хотя и жив. Ютен получит обещанное, и Хейдзи не уронит свою честь, изменив данному слову. В целом пока все складывалось на-

столько удачно, что обычный осторожный оптимизм Хэйдзи относительно всего предприятия был готов смениться откровенным торжеством.

Гэмбан и Тайру уже несколько раз проникали внутрь особняка, исследовав каждый его угол. Сегодня они должны были предоставить Хэйдзи подробный отчет обо всем, что удалось выяснить, и уже завтра изменник будет у них в руках. Странность заключалась лишь в том, что на сей раз он не предпринимает никаких действий ради спасения своей шкуры. Неужели решил сдаться сам? Не похоже на него, но как знать... Так или иначе, впервые за последние годы Хэйдзи чувствовал, что почти доволен.

Однако его приподнятое настроение разом улетучилось, когда Гэмбан возвратился один. То есть Тайру, строго говоря, тоже был с ним: Гэмбан не бросил то, что сумел принести, доставив останки к ногам Хэйдзи. Тайру был мертв. Причем, судя по его виду, не просто мертв: кто-то или что-то использовало некое невиданное оружие, чтобы расправиться с ним. Гэмбан был настолько потрясен стремительно разыгравшейся у него на глазах драмой, что едва находил слова для объяснений.

— Оно напало внезапно, — отрывисто пролаял он, рухнув перед Хэйдзи на колени. — Я не знаю, что это было, но уверен, что не человек: может быть, дух или демон. Он был необычайно быстр. Быстрее, чем я. Он появился прямо из воздуха, будто соткавшись из темноты, и сделал нечто такое, после чего я не мог даже сдвинуть-

ся с места, хотя все видел и понимал. Он схватил Тайру и впился ему в горло, но крови почти не было. Это просто выпило из Тайру всю кровь до капли, а потом бросило его и исчезло так же внезапно, как появилось. А я обрел способность владеть своим телом. Господин, — Гэмбан выхватил короткий меч и, разорвав на себе одежду до пояса, приставил лезвие к середине живота, удерживая рукоять двумя руками, — я не смог защитить Тайру и выполнить твой приказ. Я должен смыть этот позор, немедленно убив себя.

Гэмбан был совершенно прав, и при других обстоятельствах Хэйдзи бы и не подумал удерживать его, лишь оказав ему последнюю милость, отрубив голову после того, как Гэмбан вонзил меч в свое тело и сделает длинный глубокий разрез до самого горла. Но в таком случае ему придется последовать за Гэмбаном, причем сразу же: в одиночку он со своей миссией не справится, вынужденный признать свое поражение. И все это — будучи в одном шаге от изменника, который останется, в результате, безнаказанным.

Нет. Хэйдзи покачал головой и взял меч из рук Гэмбана.

— Ты убьешь себя позже.

Это еще больше расстроило Гэмбана: похоже, он действительно не находил в себе моральных сил, чтобы продолжать жить, но его чувства Хэйдзи как-то не волновали. Он склонился над безжизненным телом Тайру, стараясь понять, что же в действительности произошло.

Хэйдзи, один из непревзойденных мастеров по части лишения людей жизни, знавший сотни способов сделать это и в совершенстве владевший каждым, мог поклясться самыми страшными клятвами, что никогда прежде не видел подобного. В теле несчастного не осталось ни капли крови, как и свидетельствовал Гэмбан. Хэйдзи тщательно осмотрел тело в поисках ранки от отравленной стрелы или еще какой-либо зацепки, способной пролить свет на случившееся. Да, есть: на шее Тайру он обнаружил след очень аккуратного и очень глубокого укуса с обсосанными краями. Радости ему подобное открытие не прибавило.

— Это сделал вампир, — медленно произнес Хэйдзи. — Единственное создание, способное тягаться с нами, не будучи одним из нас. Едва ли в твоих силах было помешать ему, Гэмбан. Или в моих. Может быть, такое оказалось бы возможным для кого-то из самых великих Учителей Пути, но даже в этом я сомневаюсь.

— Не хочешь ли ты сказать, что изменник стал вампиром? — спросил Гэмбан с неподдельным ужасом. — Но что же нам, в таком случае, делать?..

* * *

Огдену полагалось ощущать невиданный прилив сил и энергии. Увы, вместо этого он чувствовал себя довольно скверно. Убитый был крупным сильным мужчиной; выпив его целиком и в

одиночку, Огден просто обожрался и теперь еле двигался. Он был недалеко от истины, сказав Соне, что подобное физически невозможно, особенно после длительного вынужденного воздержания, и до сих пор у него никогда не было похожих случаев: Огден отлично умел сдерживать себя и знал меру необходимого насыщения. Просто сейчас пьянящее чувство полной свободы слегка помутило его разум. Одно утешение: этого хватит надолго, может быть, больше чем на седмицу, и ему не придется лишний раз рисковать, выходя на охоту. Можно осмотреться, обдумать дальнейшие действия. Теперь у него есть время.

После такой обильной трапезы он полностью восстановился. Раны от ожогов на его спине почти затянулись, напоминая о себе разве что легким зудом, когда хочется обо что-нибудь почесаться. И главное, к нему вернулись все прежние способности, свойственные той форме существования, к которой Огден принадлежал вот уже около двух столетий. Плохо, пожалуй, лишь то, что он не заставил второго, оставшегося в живых, начисто забыть обо всем увиденном, хотя обязан был это сделать.

Он сыто рыгнул и потянулся. Бельверус — подходящее место для того, чтобы стать здесь Мастером, постепенно создав себе свиту из новых *птенцов* взамен тех, что были сожжены в Ванахейме. Да, сам он тогда не смог разделить их участь, хотя стремился к этому всей душой, и гибель каждого *птенца*, и все их неимоверные

муки ощущал как свои собственные, в прямом смысле. Он умирал вместе с ними. Даже теперь, едва вспомнив о том давнем кошмаре, Огден не удержался от мучительного стога страдания.

Рыжеволосая очень ему помогла. В ее крови, как Огден и говорил, заключалась особая, невероятная сила, но отнюдь не только потому, что Соня была Посвященной, дочерью Рыси, больше, чем просто человеком. Но кроме того, это был добровольный дар, когда человек отдает часть себя без принуждения, по собственной воле. Такой дар не имеет цены.

Соня поделилась с ним кровью, ничего не потребовав взамен, пусть даже не вполне понимала, что именно делает: это был порыв сострадания, жалости и милости, редчайшее проявление по отношению к подобным ему. Не знала Соня и о том, что с этого момента находится под защитой как самого Огдена, так и всех, кого он когда-либо создаст или подчинит своей власти: нападение на нее стало табу, нарушение которого карается мгновенной и жестокой расправой.

Именно поэтому жертвой Огдена стал тот из людей, от которого исходила опасность для Сони. Огден набросился на него и употребил в пищу, предварительно лишив малейшей способности сопротивляться.

Теперь следовало позаботиться о себе. Соня и здесь выручила его, указав вполне подходящее, даже роскошное укрытие на день. За прошедшие два столетия Хайбория, с точки зрения Огдена, заметно изменилась к лучшему. Прежде погре-

бальные обряды были зачастую связаны с преданием умершего огню. Теперь же повсюду появились такие замечательные места, как кладбища, и совсем шикарные — склепы и усыпальницы. Соответственно, не составляло особого труда найти удобное светонепроницаемое убежище, полное чужих костей, вытряхнуть их и устроиться там для отдыха.

В Ванахейме с этим было куда сложнее. Древние боги ваниров не приветствовали сохранение мертвых останков. В основной своей массе, хайборийские вампиры издревле обитали в Стигии с ее культом умерших и огромными некрополисами, плотным кольцом окружавшими обычные города. При этом распространение по другим территориям было для *носферату* крайне затруднительно, происходило весьма медленно и с огромным трудом — они ненавидели любые перемещения как связанные с массой опасностей и неудобств, жили обособленно и старались привлекать к себе как можно меньше внимания.

Ванирских *носферату* это касалось в той же степени, что и любых иных. Они были крайне малочисленны и появились в Северной Хайбории относительно недавно, не более пятисот зим назад. Произошло это следующим образом. Один из путешественников умер в Стигии при весьма странных обстоятельствах. Но его ближайший друг, несмотря на невероятные сложности, доставил безжизненное тело назад в Ванахейм в закрытом и запаянном ящике.

Когда же цель была достигнута — спустя, ме-

жду прочим, десять лун! — выяснилось, что тело в гробу не мертвое. Тот путешественник, иницированный стигийским *носферату* и ошибочно принятый за погибшего, после своего «чудесного воскрешения» в знак благодарности и признательности проделал то же самое со своим верным товарищем, которому был обязан своим спасением, а впоследствии еще нескольких человек из ближайшего окружения, сделав их своими *птенцами* и став первым Мастером Ванахейма.

Огден был приемным сыном одного из потомков того самого основателя клана; его специально готовили к инициации, начиная с раннего детства, обучали всему, что необходимо знать существу с подобной судьбой. Изменившись, он доказал, что выбор его создателя оказался верным, и проявлял особые способности в своей новой ипостаси.

Он был правильным *носферату* и хорошим правителем для своих подданных, умным, дерзким, но и достаточно осторожным. Единственной его слабостью было, пожалуй, то, что он не любил одиночество и стремился к общению и с себе подобными, и с людьми. Вообще, человеческое начало в нем упорно сопротивлялось изменениям, и самого Огдена это особо не расстраивало.

Во всяком случае, он оставался способным в полной мере оценить те преимущества своего положения, до которых другим представителям клана не было никакого дела, а именно, особую

магнетическую притягательность *носферату* для женщин.

Теперь ему, чтобы заставить любую красавицу взирать на него в экстатическом восторге, не требовалось никаких ухищрений, довольно было просто оказаться в непосредственной близости от нее. А дальше уже только от его желания зависело, насколько быстро она окажется с ним в постели. Кроме того, он ведь был сувереном довольно обширных владений и вполне мог пользоваться правом первой брачной ночи, к великой радости невест своих подданных.

Вообще, Огден не солгал, объяснив Соне, что его отношения с вассалами всегда были достаточно близкими. Да, он обеспечивал им всю возможную защиту, они же терпели лишь то неудобство, которое заключалось в необходимости платить своему господину *особую* дань кровью, Впрочем, до смертельных случаев дело не доходило никогда. Кстати, он вдобавок, несмотря на собственную любвеобильность, не обременял чужие семьи своими бастардами — просто потому, что был, как и всякий ему подобный, не способен порождать жизнь.

Но время шло, и Огденом начала овладевать скука. Прежние немногочисленные развлечения уже не радовали его так, как раньше. Он пытался понять, что же, все-таки, собой представляет, исследовал свои возможности и обнаруживал новые. Он начал повсюду разыскивать различных колдунов и магов, охотно принимал их у себя в замке и вел долгие разговоры о колдовских ри-

туалах. Эти люди, несмотря на немалое их могущество, трепетали перед ним — истинным *носферату*, посланником самой Тьмы...

Но наконец, среди них появился такой, в глазах которого Огден не прочитал обычного страха. Этот взирал на него с интересом и живым, жадным любопытством. Его звали Ютен, Ютен из Асгарда, и какое-то время Огден был настолько наивен, чтобы считать его своим другом и подпустить слишком близко.

Именно Ютен, тогда еще довольно молодой человек (особенно если сравнивать с возрастом Огдена), решился на неслыханную дерзость. Он обратился к Огдену с просьбой создать для него, в целях защиты собственных владений в Асгарде, создать нечто вроде небольшой армии *птенцов* и передать власть над ними ему, Ютену.

Тот не столько возмутился подобным предложением, полагая, что молодой честолюбивый маг просто не понимает сути происходящего, сколько попытался объяснить ему, почему такое в принципе невозможно. *Птенцов* не создают по заказу и для каких-то определенных, тем более корыстных, целей. Они возникают из крови и духа Мастера, по взаимному согласию и любви, огромной самоотверженной любви, чтобы навсегда остаться связанными с ним прочнейшими узами, не как рабы или слуги, а как части единого целого, именуемого кланом.

Поэтому леденящие душу истории о том, что якобы всякий, укушенный *носферату* и умерший в результате этого, непременно через несколько

ночей восстает в новой сущности, просто абсурдны. Инициация — процесс отнюдь не мгновенный, существует целая сложная система последовательно наносимых *меток*, постепенно приближающих избранного к полному изменению, и определенное обучение, начинающееся задолго до того, как будет нанесена последняя метка. Да и потом Мастер не оставляет свое творение и не бросает его на произвол судьбы сразу же, оставаясь с ним рядом столько, сколько потребуется для того, чтобы *птенец* был вполне готов к самостоятельному существованию, чаще же они не разлучаются вообще, сохраняя целостность клана.

Все это казалось Огдену достаточно простым и очевидным, однако Ютен не понял и не принял его резонов, сочтя, что они не более чем отговорки. Ванир и асгардец расстались если не прямыми врагами, то, во всяком случае, без всякого желания когда-либо вновь увидеть друг друга, и Огден просто забыл о Ютене. А тот, возвратившись в Асингале, окружил себя оборотнями вместо вампиров и по прошествии некоторого времени объявил ванирскому клану *носферату* настоящую войну.

Ловкий и подлый интриган, Ютен употребил все свое влияние в землях Северной Хайбории для того, чтобы обвинить этот клан в ужасных кровавых злодеяниях, в тысячах смертей, в совершении колдовских ритуалов с непременными многочисленными человеческими жертвами. Он откровенно лжесвидетельствовал перед властями

предержащими, как бы невзначай упоминая о том, насколько обширны и богаты владения Огдена, и как недопустимо то, что этими землями правит настоящая нечисть, которой место в преисподней. Гнев богов, говорил он, будет сокрушителен, если люди не избавят землю от чудовищ.

Примечательно, что никто из подданных Огдена не пошел на оговор своего господина, не обвинял его в колдовстве и каких-то зверствах, однако что есть, то есть — о том, кем этот господин является, знали все и не скрывали этого. Просто за несколько веков под властью его клана такое положение вещей стало восприниматься почти как нечто само собой разумеющееся. Наверное, подобных отношений между людьми и *носферату* больше не было нигде и никогда в Хайбории.

Все произошло быстро и от этого еще более страшно. Ютен возглавил объявленную им клану Огдена «очистительную войну», призвав на помощь множество своих союзников, многих из которых по праву можно было обвинить и в куда более кровавых злодеяниях, чем те, которые приписывались не-умершим. Они раскрывали тайные дневные убежища *носферату* и уничтожали тех одного за другим, заодно избавляясь и от людей, обвиненных в симпатиях к своим прежним господам, не щадя никого и ничего.

Самого Огдена Ютен сумел захватить в плен, наслаждаясь его растерянностью и теми мучениями, которые тот испытывал вместе со свои-

ми подданными, ощущая их агонию как свою собственную и умирая вместе с каждым. Доставив Огдена в Асингалеке, граф притащил туда же нескольких его *птенцов*, членов клана, и уничтожал их по одному на глазах Мастера. Силы ванира таяли, он был не в состоянии оказать сопротивление.

Но Ютен пошел еще дальше. Чтобы обезопасить себя, он распорядился вырвать Огдену клыки, лишив того возможности охотиться самостоятельно. *Носферату* обладают способностью к стремительному самоисцелению и быстро восстанавливаются даже после таких ран, которых не пережил бы ни один человек; зная об этом свойстве, Ютен был также в курсе того, каким образом можно остановить процесс. Все было довольно просто, достаточно залить в раны расплавленный металл...

Асгардский граф уже ничего не требовал от своего пленника и не собирался заключать с ним никаких сделок. Всякий раз, когда речь шла о жизни очередного *птенца*, Огден ползал на коленях у него в ногах, умоляя о пощаде, и рыдал так, как способны только ему подобные, слезы которых — кровь, струящаяся из глаз. Ютен наблюдал за этим с любопытством, как смотрит ребенок на насекомое с оторванными лапками, но не больше.

— Ты не понимаешь, — говорил он, — мне ничего не нужно от тебя, тебе нечего мне предложить. Просто я не люблю, когда мне отказывают, и потом наступает возмездие.

— Тогда убей наконец и меня тоже, — молил Огден.

— Это не входит в мои намерения. Да, в общем, ты и так мертв уже сто пятьдесят лет, чего ж тебе еще нужно? — усмехался его враг.

Утомившись своими развлечениями и последовательно покончив со всеми без исключения пленниками Огдена, перебив весь клан и предав смерти его вассалов, Ютен и на этом не остановился.

— На что ты годеи теперь, жалкая тварь? — спросил он пленника. — Где твоя власть и хваленая сила? Что мне делать с тобой, ходячий труп?.. Ах да, как же это я забыл. Ты ведь так любишь женщин и вызываешь у этих шлюх такой восторг! Из тебя может получиться идеальный раб, который сможет удовлетворять самые изощренные прихоти и желания своих «гостей», тем более что за столько лет ты стал весьма искусен в наслаждениях.

Сам Ютен ненавидел и презирал любые плотские утехы как проявление человеческой слабости, апогей мерзости и греха. Он продал пленника в Немедию, подробно объяснив новому хозяину, как с ним обращаться.

Этим хозяином — вернее, хозяйкой — стала Ликенион, совершенно очарованная такой редкостью, превратившейся в ее безраздельную собственность. Поскольку Огден был не в состоянии охотиться, она обеспечивала его свежей кровью, чаще используя для этого собак, кошек или крыс, что едва поддерживало его существование,

совершенно подавляя волю и заставляя мутиться рассудок.

Однако в отличие от Ютена она имела в отношении своего раба и иные намерения. Его бессмертие казалось для Ликенион весьма привлекательной особенностью, и она всерьез вознамерилась обрести такое же.

Носферату, наученный горьким опытом, не стал отказывать ей в содействии, сказал только, что для подобного таинства необходимо время, и смиренно попросил отсрочки исполнения ее желания. Якобы до тех пор, пока не возникнет благоприятное расположение звезд. На самом деле, отсрочка была необходима ему самому. Пять последних зим прошли хуже, чем в преисподней, но за это время у него успели постепенно вырасти новые собственные клыки, а это было очень немало.

И — у Огдена была совершенно определенная цель, ради которой стоило жить. Он знал, что рано или поздно освободится и сумеет найти Ютена. Тогда вероломный асгардский граф на собственной шкуре узнает значение слова «возмездие».

Но в последнее время Ликенион явно начала терять терпение. Видимо, она заподозрила, что ее водят за нос, и была этим весьма недовольна, требуя более решительных действий. Огден быстро понял, что она ничуть не менее беспощадна, чем Ютен, и если он в ближайшее время не найдет способа сбежать, вполне может покончить с ним в припадке ярости. Для этого не так

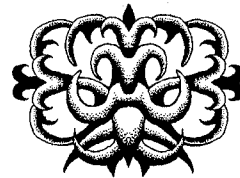
уж много и требовалось — всего лишь вытащить его днем на свет.

На благосклонность богов здесь рассчитывать не приходилось. К ним Огден не имел никакого отношения. Тем более он не ждал ничего со стороны людей. Полагаться следовало лишь на себя. Но тут весьма кстати появилась рыжая дочь Рыси, и Огден понял, что это его единственный шанс спастись.

По счастью, в Соне он не ошибся. И теперь считал нужным еще раз поговорить с той, которая в ближайшее время будет нужна ему, как давно никто не был нужен. Покончив с Тайру, Огден решительно повернулся ко входу в особняк.

Глава седьмая

Туорг хранил мрачное молчание, не сводя глаз с Ликенион. Даже он, при всем своем скудоумии, понимал, что произошло нечто из ряда вон выходящее и с непредсказуемыми последствиями. Да и его супруга, вопреки своей обычной самоуверенности, сейчас казалась серьезно испуганной и растерянной.

— Я не знаю, как такое могло случиться, — пролепетала она. — Туорг, я даже представить себе не могла... Я ведь все предусмотрела и была так осторожна!

— Все предусмотреть невозможно! Я и прежде говорил, что в ужасе от твоей безумной затеи, что ты играешь с огнем! А что теперь? Твой вампир сбежал, ты выпустила его в ничего не подозревающий город, это все равно что расплодить на улицах ядовитых змей! Когда известие дойдет до короля...

— А почему это оно должно до него дойти? — не поняла Ликенион. — Ты, что ли, побежишь докладывать? Но в таком случае, отвечать придется и тебе тоже. Так что тебе смысла нет трепать языком.

— Ты подумала о том, что этот вампир сделает с тобой, когда до тебя доберется? Не считаешь ведь ты на его милосердие после всего, что вы с этим, как его, Ютенем, ему устроили. Он не человек, твои женские чары едва ли на него подействуют до такой степени, чтобы отказаться от соблазна тобой же и закусить. Причем, насколько я понимаю, Ютен далеко и отлично защищен, в отличие от тебя.

— Но я вовсе не так уж скверно с ним обращалась, могло быть и хуже, — возразила Ликенион. — Он был готов к тому, чтобы договориться со мной... — она неожиданно всхлипнула, как капризный ребенок, у которого украли игрушку. — Я не предполагала, будто что-то может пойти не так. Все из-за этой рыжей гадины! — почти взвизгнула она, яростно прищурившись и вонзая ногти в ладони. — Это все она! Она его выпустила! Они как-то сразу сумели сговориться! Теперь я понимаю, почему она так рвалась провести с ним время — только для того, чтобы похитить его у меня из-под носа!

— Да ведь по твоим словам, ты же сама ее к нему и привела? — переспросил Туорг. — Вечно тебе мерещатся какие-то заговоры! Другой вопрос, какой же демон заставил тебя тащить ее туда!

— А мне бы хотелось знать, что со мной сделал этот ужасный человек.

Туорг и Ликенион разом, как ужаленные, обернулись на голос Сони. Оба, похоже, совершенно себе не представляли, как реагировать на ее появление. Ликенион даже не успела натянуть приветливую маску и выглядела так, словно готова разорвать свою «подругу» на куски прямо здесь и сейчас.

— Может быть, мы поговорим о своих женских делах без твоего мужа? — предложила Соня.

Ликенион вцепилась в ее руку, увлекая за собой в одну из многочисленных комнат, и не взглянув на Туорга.

— Ну и как ты объяснишь...

— Это как *ты* объяснишь, — прошептала Соня, — вот именно, я так поняла, что ты отчего-то решила меня прикончить?! Сначала все шло отлично, он оказался выше всяческих похвал, но потом я словно лишилась чувств и ничего не помню! Я пришла в себя посреди ночи, на улице, в разорванной одежде, не зная, как туда попала в таком виде! К тому же я едва знаю Бельверус и до дома добралась только к рассвету, совершенно измученная. Что, если бы меня задержала внутренняя охрана?! Тебе ведь отлично известно, что женщинам запрещено в одиночку, без сопровождения мужей, братьев или слуг появляться на улицах, особенно после заката! Это что, твоя идиотская шутка? Ничего себе получилось развлечение! — она была так искренне

возмущена и напугана, что, как ни пыталась Ликенион разглядеть фальшь в ее голосе и поведении, из этого ничего не вышло. — А еще до того твой ванирский раб пытался меня укусить. Представь себе! Я начала сопротивляться, он вроде бы отступил, а потом — вот... Я хочу, чтобы ты наказала эту сволочь. Я даже не думала, что твои рабы могут позволять себе подобное, разве что по твоему приказу. Отдай его мне, я сама с ним разделаюсь!

— Это невозможно, — пробормотала Ликенион. — Клянусь, я не пощадила бы его, будь он до сих пор у меня в руках, но, видишь ли, он сбежал.

— И ты, конечно, заявила о пропаже? Вообще-то я не верю тебе. Ты специально врешь, чтобы спасти его и не выдать мне. Скорее всего, все-таки ты приказала ему так поступить со мной!

— Нет!

— Нет? Значит, его ищут?

— Соня, все не так просто...

— Ага, вот как. Очень непросто! Тогда я сама обращусь к городской охране Бельверуса. Исключительно из дружеских чувств по отношению к тебе! Пусть поработают!

— Не надо, — казалось, с каждым мгновением паника Ликенион усиливается. — Соня, у меня нет разрешения властей на то, чтобы получать доход с... такого рода заведений. И я не за всех своих рабов плачу подать в казну Бельверуса. Ты только подумай, насколько это разори-

тельно. Все так делают. Считается, что у меня их значительно меньше, чем на самом деле. Кроме того, Туорг непременно окажется втянут в эту ужасную историю... ой, даже думать не хочется. Соня, я прошу тебя, умоляю, просто забудем. Если тебе нужны деньги, я готова заплатить, только не обращай никуда. У меня есть верные люди, они сами его найдут, обещаю! Послушай, кому нужны неприятности?..

— Не знаю. Ты сама на них нарываешься. Эльбер сказал, ты приходила к нему снова, благополучно спровадив меня. Мне это не нравится, Ликенион. Совсем не нравится. В мои планы вообще не входит в ближайшее время с ним расставаться, и лучше бы ты не пыталась изменить это.

— Я лишь хотела объясниться с ним! Я действительно ощущаю свою вину. Эльбера лучше иметь своим другом, нежели противником, тем более если это касается хрупкой женщины... Но если ты запрещаешь мне видеться с ним, я не стану настаивать, я же понимаю...

Бритунец не вдавался в подробности, а Ликенион тоже не собиралась уточнять, что все ее планы относительно него с треском рухнули прошедшей ночью. Ее расчет был прост: действительно, временно избавившись от Сони, попытаться пустить слезу и тем самым смягчить сердце Бритунского Тигра, а там уж... Он едва ли сможет устоять, ведь прежде Эльбер никогда не был способен долго сопротивляться женским чарам, особенно если пустить в ход лести! Но на

сей раз она промахнулась. Ее повторное появление пробуждения прежних чувств у Эльбера не вызвало. Он даже не позволил Ликенион войти в дом.

— Послушай, — сказал он, — насчет тебя я давно все понял. Знаешь, в какой момент? В тот последний раз, когда нас якобы случайно застал вместе твой муж и позвал охрану. Меня буквально стащили с тебя. Больше всего я боялся, что тебе будет еще хуже, что Туорг убьет тебя за измену. А потом я увидел твои глаза. В них было только легкое любопытство и презрение. Конечно, учитывая, насколько жалкое зрелище я собой представлял. Прежний победитель, которого волокут за волосы, голого, обмочившегося от страха и боли. Но то, что все это было сознательно подстроено при твоём непосредственном участии, сомнений не вызывало. Ты никогда, ни единого мгновения не любила меня, и я думаю, вообще на такие чувства не способна. Твой взгляд говорил лучше всяких слов. Я долгое время тебя ненавидел, это тоже правда. А теперь смотрю на тебя и понимаю — ненависти больше нет, — он развел руками. — Ты мне просто противна. Поэтому не старайся зря. Восемь зим — вполне достаточный срок, чтобы стать другим человеком. Со мной так и произошло, а вот ты совершенно не изменилась. Но я — да, я стал не лучше и не хуже, просто другим. И теперь нам с тобой говорить не о чем.

Ликенион убедили не столько его слова, сколько собственное чутье. Да, здесь ей ловить было

больше нечего. Если же кто-то и способен указать ей путь к сокровищам Черных Королевств, остается только Соня. Именно за нее придется держаться, цепляться ногтями, зубами, чем угодно и как угодно, не останавливаясь ни перед какими сложностями.

А теперь эта самая Соня считает, что она, Ликенион, хотела ее убить с помощью Огдена. Если только не врет, конечно. Но степень искренности Сони она определить не могла. Вроде бы все выглядело именно так, как та преподносит, но Ликенион и сама была настолько искушенной в изощренной лжи, что понимала: женщина вполне способна обвести вокруг пальца кого хочешь, если поставит перед собой такую цель. Мужчины — те куда примитивнее...

Пропади все пропадом, как выяснить, причастна Соня к побегу Огдена или действительно стала лишь его орудием?!

— Ладно, — сдалась она. — Я скажу тебе кое-что. Этот ванир — особенный. Он умеет дарить наслаждение, насылая колдовской морок. Я поделилась с тобой лучшим из всего, чем владею. Но я не думала, что он использует тебя для своего побега! Ведь это ты выломала решетку, подчинившись его приказу.

— Ты шутишь?! Я, женщина, выломала решетку? Почему же он сам этого не сделал, если такое вообще под силу человеку? Все-таки он мужчина, насколько я успела оценить!

— Он не может к ней прикоснуться. Его удерживало заклятие.

Соня задумалась, сосредоточенно закусив нижнюю губу.

— Не принимается, — решительно изрекла она по некотором размышлении. — Обладая способностями лишать людей воли и подчинять их себе, почему он не заставил *тебя* его отпустить? Почему я оказалась более легкой добычей?

— Я забыла предупредить тебя, чтобы ты ни в коем случае не смотрела ему в глаза. Именно его взгляд воздействует так необычно.

— Забыла, вот как... Торопилась избавиться от меня и запрыгнуть в постель к Эльберу.

— Да я только хотела с ним объясниться! Я не собиралась обманывать тебя! Мы поговорили, и я ушла. Между нами ничего не произошло.

— Что ж, я почти готова тебе снова поверить. Разбирайся сама со своим беглым рабом, я не стану в это вмешиваться. И вот еще что. Мне может понадобится твоя помощь. Видишь ли, мне нужны деньги. Много. Я намерена вернуться в Королевства. Средства для этого понадобятся немалые, не считая десятка полностью оснащенных кораблей...

— Все, что у меня есть, — глаза Ликенион расширились и потемнели от жадности, — и все влияние, которым я обладаю в Бельверусе, я готова с радостью употребить на то, чтобы помочь тебе как можно скорее осуществить задуманное!

Соню словно обдало ледяным вихрем, так, что захотелось обхватить себя руками за плечи. Есть два вида наиболее крепких объятий: в пылу неистовой любовной страсти и в яростной, на

жизнь, а на смерть, рукопашной схватке. И те, и другие были Соне неплохо знакомы, хотя, положив руку на сердце, стоило признать, что со вторым вариантом ей приходилось сталкиваться куда чаще. Сейчас она почти физически ощутила, как Ликенион старается поймать ее в подобный захват. За лицемерными словами о доверии и готовности помочь звучало почти неприкрытое желание как можно крепче стиснуть удавы кольца, безжалостно ломая своей предполагаемой жертве кости и выдавливая из него жизнь каплю за каплей. Ну что ж, Соне слишком часто доводилось принимать подобный вызов.

— Значит, я могу считать, что мы договорились? Я не суюсь в твои дела, ты не пытаешься портить мне жизнь, а наши совместные действия направлены на то, чтобы добраться до сокровищ Города? — подвела она итог.

Мгновение поколебавшись — чувствовалось, что в этот миг Ликенион старается предельно собраться и в последний раз оценить собственные перспективы на победу — жена Туорга медленно кивнула.

— Согласна.

* * *

Путь от Асгарда до Бельверуса стал для графа Ютена нелегким испытанием — впрочем, как всякое путешествие, если крайняя необходимость вынуждала его совершить таковое. И дело тут было не только и не столько в давнем уве-

чье — в детстве Ютен потерял ногу, и за длительное время прекрасно научился пользоваться деревянным протезом. Но главная сложность заключалась в том, что почти всемогущий граф весьма неуверенно чувствовал себя вдали от своего замка, скрытого в непроходимых лесах Асгарда. В любом другом месте он словно утрачивал свою особую значимость, переставал быть властелином и повелителем, каковым ощущал себя в собственном маленьком знакомом мире.

Если у него был выбор, Ютен предпочитал принимать немногочисленных, тщательно подобранных, *избранных* гостей у себя в Асингалеке. Он был главой могущественного тайного Ордена магов-властителей, и казалось совершенно естественным, что встречи членов этого Ордена обыкновенно происходили на его территории, надежно охраняемой слугами-оборотнями от любого нежелательного вторжения.

Будучи моложе, Ютен более охотно совершал вылазки в сопредельные земли Северной Хайбории; но почти всякий раз ситуация оборачивалась таким образом, что всюду, где он побывал, Ютен сеял ненависть и оставлял о себе страшную, долгую, нередко кровавую память. Нажив столько врагов, трудно где-либо чувствовать себя в безопасности.

Но когда особые обстоятельства все же требовали от него временно покинуть Асингалеку, Ютен и сам делался в чем-то сродни оборотню, потревоженному во время зимней спячки медведю-шатуну, голодному, яростному и свирепому;

в такие моменты горе бывало любому, кто осмелился бы встать на его пути. Сейчас он был крайне раздражен, если не сказать — взбешен тем, что рыжеволосая дочь Рыси разрушила его планы, но предполагал, что ее поиски займут у него куда более длительное время, чем оказалось на самом деле.

Для Ликенион, воистину, это был день весьма неприятных сюрпризов. Ибо, не успела вероломная жена Туорга вздохнуть с облегчением, расставшись с Соней, как перед нею предстал — словно из воздуха соткался — собственной персоной граф Ютен.

Оливковая кожа графа казалась темнее обычного, а на выразительном лице потомка колдуньи из Черных Королевств были написаны чувства, решительно ничего хорошего Ликенион не предвещавшие.

В последний раз она встречалась с Ютеном несколько зим назад, чтобы выслушать некоторые правила обращения с *особым* ванирским князем-рабом. Но тогда Ютен выглядел несколько иначе, он показался Ликенион изысканно-любезным; сейчас сквозь темные глаза взираал на нее беспощадный и жестокий зверь более, нежели человек.

— Что у тебя за дела с рыжеволосой женщиной? — опутив приличествующие встрече приветствия, граф сразу перешел к делу. — Я видел, как она только что покинула этот дом.

— Но мне нечего тебе сообщить, — пожала плечами Ликенион, мгновенно прикинув, что

Ютен, пожалуй, тоже охотится за Соней как за возможным проводником к сокровищам Черных Королевств. А если так, делиться с ним у Ликенион не имелось ни малешего желания. Причем в подобных случаях алчность, коей она была обуреваема, пересиливала всякий естественный страх. — Эта женщина в Бельверусе недавно, я ничего не знаю о ней, но моя задача — ввести ее в местный свет, так как она знатного рода, и сам король Аргеваль ею интересуется и благоволит к ней. Между прочим, я вовсе не обязана отчитываться перед тобой! Стоит мне вызвать охрану, тебя выкинут отсюда и арестуют, и...

— Замолчи, — оливковое лицо сделалось серым; схватив Ликенион за горло, Ютен вроде бы несильно сжал цепкие пальцы, но женщина захрипела и забилась в его руках; в этот момент ей стало совершенно очевидно, что сломать ей гортань для него так же просто, как лапки котенку. Не отпусти он ее, через несколько мгновений Ликенион была бы мертва. — Никогда не смей угрожать мне!

— Ты определенно потерял рассудок, — прошипела Ликенион, пятясь от него и прижимая руку к стремительно проступающим синякам на горле. — Не знаю, что за безумие тобой движет, но так и быть, я помогу тебе встретиться с этой рыжей, однако... услуга за услугу: ты найдешь того ванира, которого продал мне. Он сбежал прошедшей ночью, а у тебя есть власть над ним, чтобы обнаружить его и вернуть.

— Сбежал! — известие об Огдене чрезвычайно

поразило Ютена. — Глупая корова, как ты могла проявить такую беспечность и упустить его? Разве я тебя не предупреждал, насколько опасным он становится, вырвавшись на свободу? Кажется, я весьма вовремя оказался в Бельверусе. Предоставь ванира мне, я сделаю все, что в моих силах. Ты же должна поклясться, что поможешь мне во всем, касающемся моих отношений с рыжей, не задавая лишних вопросов!

— Клянусь, — кивнула Ликенион. Она, конечно же, и в мыслях не имела безраздельно подчиниться воле Ютена, но отчего бы не пообещать? Пусть найдет ванира, из-под земли, если понадобится, достанет его, а там уж... — Верни мне моего раба, за которого я дала тебе немалую цену, и можешь рассчитывать на меня во всем. Приведи его сюда, скажем, через три дня, лишив возможности сопротивляться, я же сделаю так, что рыжая в это время будет передана в твои руки.

«Только если прежде Хэйдзи не отдаст ее мне вместе с бритунцем», — в свою очередь подумал Ютен, — либо я сам не опережу вас всех». Но об островитянах он, разумеется, при Ликенион даже не упомянул.

* * *

Наделенный множеством недоступных *живым* способностей, Огден все же обладал и некоторыми слабостями, связанными с его особым положением в мире. Так, например, он был не в

состоянии переступить без приглашения чужой порог, а потому терпеливо ждал, пока кто-либо из обитателей особняка откроет ему дверь и позволит войти внутрь.

Эльбер невольно содрогнулся от отвращения при виде ночного гостя, о существовании которого слышал от Сони, но все же не представлял себе, что тот настолько омерзителен: бледное лицо с ярко-красными губами и запекшейся кровавой маской на нижней части этого лица, неестественный блеск холодных светло-голубых, точно две нерастаявшие льдинки, глаз... Если бы Огден даже был уродлив, но уродлив *по-человечески*, это производило бы менее отталкивающее впечатление. Сейчас же Эльберу было очевидно, что он имеет дело с *тварью*, некоей по-настоящему чуждой сущностью, внешняя оболочка которой никак не может скрыть истинной inferнальной природы представшего перед ним создания тьмы. Бритунец встал так, чтобы оказаться между Соней и этим чудовищем, которому не может быть места среди живых.

— Мне будет позволено войти? — осведомился Огден довольно учтиво и при этом, о ужас, улыбнулся, что придавало его облику еще более отталкивающий вид: эта улыбка выглядела как кровавый оскал, и когда вампир открывал рот, становился отчетливо ощутим запах крови, как будто имеешь дело с насытившимся хищником, едва завершившим свою страшную трапезу.

— Нет, — решительно возразил, сжимая пальцы в кулаки, Эльбер.

— Конечно же, — одновременно с ним произнесла Соня, сопровождая свои слова приглашающим жестом.

Этого было довольно, чтобы сила, удерживающая Огдена снаружи, перестала воздействовать на него, и он переступил порог. На сопротивление Эльбера он, кажется, просто не обратил внимания.

— Да как ты можешь, — возмутился бритунец, бросив на Соню быстрый гневный взгляд. — Разве ты не видишь, что это за тварь перед тобой?!

— В чем дело, Эльбер? — сдвинув брови, возразила она. — Ведь он не причинил нам никакого зла, и пока этого не произошло, нет причин отказывать человеку в гостеприимстве.

— Человеку?! — воскликнул бритунец. — Да что в нем человеческого?! Ты что, ослепла? Он же только что убил и, о боги, съел кого-то! Это... о, нет.

С очевидной правотой Эльбера трудно было спорить, но Сонино природное упрямство даже в таких случаях брало верх над здравым смыслом. В какой-то степени она сознавала и чувствовала, что несет ответственность за судьбу Огдена и уж точно не может просто так забыть о его существовании, прогнав прочь. Хотя, по большому счету, его присутствие радости ей отнюдь не доставляло.

— Что ж, хищник не рожден питаться травой, — заявила она. — И ты не знаешь всех обстоятельств. Может быть, на него напали, и он

защищался. Мне тоже приходится в похожих случаях убивать.

— И *съесть* останки противника, чтобы добро зря не пропадало? Это что-то новенькое, Бара, прежде я за тобой таких наклонностей не замечал.

— Огден, — несмотря на то, что она так решительно бросилась защищать ванира перед Эльбером, Соня все же старалась не всматриваться в его лицо слишком пристально, опасаясь, что в противном случае ей будет сложно побороть тошноту, — если ты смоешь кровь, то станешь выглядеть... э-э... привлекательнее. Прошу тебя, сделай это.

Эльбер в полном недоумении развел руками. Слов он, похоже, просто не мог подобрать.

— Понимаешь, я думаю, что в мире гораздо меньше *случайностей*, чем мы привыкли полагать, и эта встреча с Огденом имеет какой-то важный смысл, вероятно, пока скрытый от нас всех, — постаралась объяснить свои действия Соня.

Как бы ей хотелось испытывать хоть сотую долю уверенности в том, в чем она пыталась убедить Эльбера! Впрочем, когда спустя пару минут Огден снова предстал перед ними, он, в самом деле, имел несравнимо более приличествующий *человеку*, а не нежити, вид.

— Я убил того, от кого исходила опасность для этого дома, — сообщил он спокойно, словно только и ждал, когда Эльбер и Соня прекратят свой спор. — Он подошел слишком близко. Кро-

ме того, безусловно, я воспользовался его кровью для своего насыщения. Такова моя природа, однако, — теперь Огден, не отрываясь и не мигая, точно рептилия, взирал своими холодными голубыми глазами на Эльбера, словно в этот момент присутствие Сони не имело для него никакого значения, — разве *люди* не убивают и ради удовлетворения куда менее значительных потребностей, чем голод и жажда? Например, во имя денег, власти и даже просто для развлечения, стремясь развеять скуку? Вы делаете это везде и всюду; ты заметил кровь на моем лице, и она ужаснула тебя — но ты же пожимал в своей жизни множество рук, что в крови выше, чем по локоть, только не видна столь же отчетливо. Кто дал тебе право судить меня? *Что* дало тебе такое право? Ты, гладиатор, испытывал восторг и триумф, вонзая свой меч на арене в грудь противника или нанося тому жестокие увечья. Не ты ли затем охотно принимал почести, положенные победителю, и считал их вполне и безусловно заслуженными — и это при том, что никто силой или под страхом смерти либо бесчестия не заставлял тебя сражаться и отнимать чужую жизнь! Я *вижу* тебя яснее, чем мне бы, пожалуй, хотелось, и от меня трудно скрыть, что ты не чужд ни предательству, ни убийству. От тебя самого пахнет кровью и злобой, зачастую менее оправданной, чем моя.

— Ничего ты обо мне по-настоящему не знаешь, — выкрикнул Эльбер, взбешенный пронизательностью Огдена.

Как это часто с ним бывало в минуты гнева, мысли его значительно опережали речь, и он просто не мог высказать *всего*, что кипело в душе.

Разве вся его жизнь не была подчинена единственной цели — играть в Килве, невзирая ни на какие превратности судьбы и бесчисленные, порой казавшиеся непреодолимыми, препятствия? И если он сражался на арене ради этого, то в равной степени подвергал опасности как чужую, так и собственную жизнь, не имея никакого принципиального преимущества перед противником.

И главное, как смеет эта невесть откуда, из какого мрака выползшая нежить, о существовании которой он всего лишь день назад и не подозревал, бросать в лицо ему, *человеку*, оскорбления и держаться столь нагло, словно вообще имеет право топтать землю?

Все эти так и не высказанные чувства пузырями вырывались на поверхность, и вот она — ненависть, бьется и пульсирует жизнью, и он готов... готов к беспощадной битве, нет, проще, грубее, честнее — к драке, такой, как дерутся животные, пуская в ход зубы и когти.

В краткий, кратчайший миг Соня успела понять, что сейчас произойдет — но уже ничему не могла помешать. Эльбер напал первым, и они с Огденом сцепились — разъяренный до помешательства человек и вампир, полностью восстановивший силы и двигавшийся со стремительной, беспощадной скоростью и точностью.

— Прекратите, — крикнула она, но ее, конечно, никто не услышал.

Соня, обыкновенно склонная к безрассудному бесстрашию, на сей раз не решилась вмешаться, не столько сознавая, сколько всем существом ощутив, что делать это столь же бесполезно, более того, смертельно, как добровольно лечь между двумя жерновами. Но — и снова все произошло потрясаяще быстро — третий безумец все же нашелся и повис на спине Огдена, заставив того потерять равновесие и выпустить Эльбера из смертоносных «объятий». Теперь пришел черед действовать Соне, и она не замедлила точно так же вцепиться в бритунца, не позволяя ему предпринять новой атаки.

— Не вы решаете, кто из вас имеет право на существование, а кто нет, — сказал Таймацу, когда красная пелена неконтролируемого бешенства рассеялась перед глазами противников. — Предоставьте это Единому, который допустил, чтобы вы *были*, к какой бы форме жизни ни относился каждый из вас, и сколь бы мало общего ни имелось меж вами.

— Я думала, — сердце Сони колотилось в горле, и кровь все еще водопадом шумела в ушах, — я думала, что ты ушел из Бельверуса. О, Таймацу. Твои преследователи ищут тебя повсюду.

— А твои — тебя, дочь Рыси, — невозмутимо парировал островитянин. — Так что я решил слегка задержаться, полагая, что мы можем еще оказаться весьма полезны друг другу.

— Как я понимаю, одного из преследователей

можно сбросить со счетов, — сообщил Огден. — Того, что пошел мне в пищу нынче ночью. Судя по внешности, он твой соплеменник, боец.

Эльбер старался придти в себя, ладонью размазывая по груди кровь, сочащуюся из глубоких порезов, оставленных на коже когтями ванира, и суть разговора пока улавливал смутно.

— Все равно, ты — проклятое навье, — убежденно и зло пробормотал он, — никто и никогда не убедит меня в обратном, ты, ходячий труп!

— Ненависть делает человека слепым, — вздохнул Таймацу.

Нельзя сказать, чтобы он сейчас осуждал Эльбера: островитянин слишком хорошо понимал, как трудно, порой невозможно преодолеть Разделяющую Черту внутри себя самого и признать право на существование кого-то, столь отличного от тебя. Он когда-то считал круглоглазых нечистыми животными, отказывая им в самой принадлежности к человеческим существам; однако, единожды себя пересилив, уже иначе смотрел на мир и признавал, что другой, непохожий, вовсе не всегда означает «враг».

Даже если речь идет о вампире?..

Таймацу никогда не видел подобных созданий, хотя немало слышал о них еще на Островах. Там они назывались цзян-ши, и посвященные знали, что они суть обитатели нижнего мира, сферы Голодных духов, высасывающие жизненную силу из больных или умирающих людей, в виде черной кошки садясь на грудь такому человеку и похищая душу. По другим сведениям,

дела могли обстоять и хуже: еще одна разновидность цзян-ши, баджанги, залетают ночью в дома жертв в виде птиц или нападают на путников, оставляя обескровленные тела висящими на деревьях вниз головой.

Нет, по счастью, Таймацу не довелось лично наблюдать такого ужаса. Но он не знал прежде, что цзян-ши имеют облик человека и разговаривают, как люди. И уж точно — что с ними можно вступить в схватку и остаться после этого в живых.

Кажется, он только что это сделал. Он голыми руками остановил разъяренного цзян-ши.

А тот перед этим убил одного из островитян. Значит, невелика победа, ведь любое объевшееся создание теряет в ловкости. И все же, в таких случаях полагается испытывать законную гордость.

Вместо этого, Таймацу испытывал... невероятное любопытство. Мудрость, присущая ему, вовсе не исключала этого качества, наоборот, усиливала. Если, встретившись с неведомым, не наполняешь сердце ненавистью, нечто новое вызывает естественный интерес.

— Ты ведь не просто так пришел сюда, — обратился Таймацу к Огдену. — Что тебе нужно? Чего ты ищешь и хочешь? Расскажи, кто ты такой.

Ванир ненадолго задумался. Но сейчас даже Эльбер молчал в ожидании ответа, хотя по-прежнему смотрел на него с нескрываемым отвращением. Что ж... Потребовалось не очень

много времени для того, чтобы пересказать собственную историю. Когда Огден заговорил о Ютене, трое людей переглянулись в заметном сильнейшем волнении, но Таймацу сделал Соне и Эльберу знак не прерывать ванира, позволив ему закончить и перевести дух.

— Этот граф еще большая мразь, чем я думала, — сказала тогда Соня. — Причем весьма опасная. Нам тоже пришлось иметь с ним дело, Огден, и поверь, воспоминания о нем у нас не лучше, чем у тебя.

— Не думаю, что Ютен всего лишь воспоминание, — возразил Таймацу. — Он от своего не отступится.

В этот момент Огден тревожно взглянул в сторону окна.

— Я должен уйти, — быстро произнес он. — Мне нужно успеть до рассвета. Мы еще встретимся.

* * *

Угрозы Ишума и его попытка ограничить свободу Араминты возымели, как и следовало ожидать, прямо противоположное предполагаемому действие.

Даже если для этого требовалось рискнуть своей жизнью, своевольная девушка не собиралась идти у кого-то на поводу и смириться с уготованной ей участью.

Строжайшее распоряжение слугам не спускать с бунтарки глаз, отданное Ишумом, было

все равно бессильно против готовности Минты оказать любое возможное сопротивление. Ей без особого труда удалось убедить приставленного к ней слугу в том, что не произойдет ровным счетом ничего ужасного, если ей будет дозволено выйти из дома, но не покидать пределов отцовских владений.

— Я задыхаюсь в четырех стенах, — жалобно сообщила она. — Это так скверно и унижительно, чувствовать себя в родном доме, точно в тюрьме. Да и куда мне деваться, куда бежать? Стоит мне высунуть нос за ворота, охрана Бельверуса тут же схватит меня. О нет, я уже поняла, что мое положение безнадежно, а дорогой отец прав: чем скорее я приму предложение князя Агту, тем лучше будет для всех, ибо не пристало девушке моего возраста столь долго колебаться в выборе жениха.

Слуга заколебался. Спокойная, рассудительная речь не могла полностью усыпить его бдительность. Женщины слишком хитры и коварны, чистые змеи! Сначала отвлекут своими уговорами и посулами, а затем подставят так, что, пожалуй, и головы не сносить. Но бедняжка Минта была так бледна, весь ее вид выражал такую покорность судьбе и готовность принять неизбежное... К тому же, действительно, куда она денется, особенно если ни на шаг от нее не отходить? Короткая вечерняя прогулка просто не может обернуться некоей непоправимой катастрофой, это просто смешно!

— Пошли, — коротко произнес он. — Только,

госпожа, прошу тебя, не делай глупостей. Я все время буду рядом, и сбежать тебе не удастся.

«Плохо ты меня знаешь», — торжествующе подумала Араминта, чувствуя, как сильнее и громче забилося сердце. Ей с трудом удавалось не убыстрять шагов, следуя по дорожкам, на которых ей был знаком каждый камешек, в сторону склепа: уйти, не попрощавшись с Гларией, она не могла и не хотела.

Между тем, на город опустились сумерки, и в небе померк последний солнечный луч. Слуга терпеливо ждал, пока Минта закончит свою импровизированную молитву над могилой и покинет усыпальницу. Вот еще блажь, общаться с мертвецами! Его-то самого такая мысль приводила в замешательство. Он относился ко всему потустороннему с естественным, присущим большинству нормальных людей, суеверным трепетом.

Араминта подобных страхов не ведала. По личному опыту она знала, что от мертвых, как раз, никакой опасности ждать не приходится, с живыми куда как сложнее. А уж тем более не было причин опасаться духа Гларии: если бы даже произошло невозможное чудо, и ее покойная подруга поднялась из могилы, то безусловно не в образе кровожадного чудовища.

Но того, что произошло в усыпальнице на сей раз, Минта ожидать не могла. Потому что черная мраморная плита вдруг отчетливо зашевелилась и со скрежетом сдвинулась с места, а затем приподнялась. Онемев и не в силах ше-

вельнуть ни рукой, ни ногой, даже отвернуться или зажмуриться, девушка была вынуждена наблюдать за дальнейшим. Что-то неведомое властно, мощно пробивалось наружу из-под самой земли, из могилы! Оно явно обладало нечеловеческой силой, если оказалось способно сдвинуть подобную тяжесть.

Из груди Араминты рвался вопль ужаса, но потрясенной девушке не удавалось издать ни звука. В сгущающемся мраке она увидела просунувшуюся наружу бледную кисть руки с длинными крепкими пальцами, и потом...

Преодолев охватившее ее оцепенение, Минта наконец заорала не своим голосом и рванулась вон из склепа, едва не сбив слугу с ног; прежде, чем ее бдительный страж опомнился, нечто вырвалось следом за нею и с ходу впилось в глотку несчастного человека зубами, длинными и показавшимися Араминте ослепительно белыми, как у молодого волка, только — она могла в этом поклясться — куда более крепкими. Слуга даже не сопротивлялся, беспомощно обвиснув в этих зубах, как тряпичная кукла, и не упал только потому, что *существо* удержало его, обхватив руками и прижав к себе в жутком подобии крепкого нежного объятия.

Минта кинулась прочь, развивая всю возможную скорость и не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви низко растущих деревьев, обдирая себе ноги о кустарник. Если бы ей прежде кто-нибудь сказал, что она без подготовки и поддержки способна преодолеть довольно высокую,

в два с лишним человеческих роста, стену-ограду особняка, Араминта бы ни за что в такое не поверила: умение летать не входило в число ее достоинств. Но сейчас она вдруг обнаружила себя сидящей верхом на этой самой стене, причем не могла вспомнить, как именно там очутилась. Теперь у нее было два пути: на улицу или назад, в отцовские владения. Поскольку о том, чтобы вернуться, Минте было невыносимо даже подумать — ей казалось, что чудовище, сожравшее слугу, продолжает преследовать ее, подпрыгивая у основания стены и лязгая своими жуткими окровавленными зубами — девушка, стиснув челюсти, перекинула ногу через ограду и почти рухнула вниз, по другую сторону от неведомой опасности, приземлившись на локти и колени. Боли она по-прежнему не ощущала. Когда речь идет о спасении собственной жизни, такие мелочи, как несколько глубоких ссадин и синяков, просто не имеют значения.

И тут чьи-то уверенные сильные руки подхватили и подняли ее, разом заставив принять вертикальное положение. Это был подходящий момент, чтобы пожалеть о своей неспособности весьма удачно и вовремя падать в обморок. Таким тонким искусством владеют многие женщины, если не большинство, но Араминте всегда не хватало для этого утонченности натуры. Поэтому она и сейчас вместо того, чтобы, как подобает девушке из богатой семьи, закатить глаза и отключиться, принялась яростно вырываться, пустив в ход весь свой небольшой арсенал — зу-

бы, ногти, носки обуви, стремясь посильнее задеть противника.

Где там: он, видно, бывал и в куда более серьезных схватках, чем эта неожиданная драка с насмерть перепуганной женщиной, и легко прекратил ее попытки нанести ему сколько-нибудь ощутимый вред. При этом он явно не желал причинять и ей самой какие-либо увечья, а лишь удерживал бьющуюся у него в руках девушку, прижимая ее к себе, пока она не начала соображать чуть яснее и не решилась вскинуть глаза, чтобы увидеть его лицо.

— Аггу? Князь?.. Ты еще откуда здесь взялся?

Ситуация не располагала к светским церемониям. Признаться, то, что она увидела перед собой именно Аггу, наполнило душу Араминты безумной радостью. Все что угодно, только бы не *ничто*, оставшееся по ту сторону стены и здравого смысла!

— Я надеялся поговорить с тобой. Я подумал, что был слишком резок в своих объяснениях в тот раз, когда ты приходила, и...

— Бежим, — прервала его Араминта. — Чем быстрее мы окажемся в безопасности, тем лучше.

— В безопасности от чего? — Аггу бросил на нее изумленно-настороженный взгляд и усомнился в том, что у этой красавицы все в порядке с головой: обычные девушки не валяются к вам в руки с высоких стен. И не выглядят так, словно только что побывали в жестокой переделке.

Минта предпочла вдаваться в сбивчивые объяснения уже на бегу.

— Это вылезло из могилы, напало на моего слугу и, скорее всего, убило его. А потом погналось за мной. *Могло* погнаться, — честно уточнила она, — наверняка я не знаю, *оно* все-таки, скорее, доедало того несчастного и было какое-то время слишком занято им. Я не стала рассматривать, чем кончилось дело. Главное, я успела спастись.

— Ты уверена, что действительно его видела?
— недоверчиво переспросил Аггу.

— Может, ты хочешь сам пойти и удостовериться? — воинственно откликнулась Араминта. — Послушай, что бы там обо мне ни говорили, я в достаточно здравом уме, чтобы верить тому, что видела своими глазами! *Это* было там. Оно сдвинуло плиту на могиле Гларии и освободилось. Чтобы сразу же начать убивать.

— Странные дела творятся в вашем Бельверусе, — пробурчал Аггу. — Нет, успокойся. Я верю тебе. Я и сам был свидетелем одного настолько невероятного события, что никому не могу рассказать о нем, не опасаясь, что меня примут за безумца. В этом и заключается моя самая большая, неразрешимая проблема.

Они стояли друг против друга, тяжело дыша и не зная толком, в какой части Бельверуса теперь находятся. Аггу тыльной стороной ладони вытер взмокший после долгого быстрого бега лоб, коснувшись своего шрама.

А он тоже красив, совершенно не к месту по-

думала Араминта. И, очевидно, куда более несчастен, чем я.

— Да? И что это было за событие? — спросила она, стремясь прервать неловкое молчание: Аггу чувствовал себя униженным из-за того, что сбил дыхание, ведь прежде он был очень вынослив, а теперь болезнь сильно измотала его.

— Я не готов к тому, чтобы рассказать о нем тебе всю правду, — сказал он. — Это потребует длительного времени, Араминта. Лучше объясни, что ты намерена делать теперь? Обратиться к охране, чтобы они проверили, какое чудовище ходит вокруг твоего дома?

— Я как раз искала способ сбежать отсюда, — Минта невесело усмехнулась. Она сама слишком устала и была достаточно сильно потрясена только что пережитым ужасом, чтобы лгать. — Мой отец не оставил своей идеи выдать меня за тебя замуж, а я, как тебе известно, к этому браку вовсе не стремлюсь. Забавно, но то, что вылезло из могилы, помогло мне перемахнуть через стену. Так или иначе, я не намерена возвращаться назад.

— В таком случае, было бы естественно пойти к тому человеку, с которым ты обручена, — произнес Аггу. — Я помню, ты мне говорила, что у тебя заключен тайный союз с...

— Это ты уже сам придумал. Я сказала лишь, что мое сердце принадлежит другому, и для тебя в нем нет места. А насчет тайного союза или обручения — ничего подобного не было и нет.

— Какая разница? В любом случае, если тот

человек вполне разделяет твои чувства, он поможет тебе.

— Эльбер, — вздохнула Минта, которой надоело, что Аггу упорно повторяет «тот человек». — Его так зовут, — стоило ей назвать это имя, как сердце девушки снова тревожно сжалось. — И... нет, он едва ли разделяет мои чувства. Он вообще женат. И много старше меня. Все это так сложно, — тихо и почти жалобно добавила она.

— Бритунец? Тот, который был гладиатором, потом надолго покинул Бельверус и недавно вернулся?

— Да, это он. Значит, ты тоже о нем слышал?

— Кое-что, — расплывчато ответил Аггу. — О нем много идет разговоров. В доме Туорга и Ликенион я не раз был невольным свидетелем упоминаний о нем. Но неужели он... Эльбер безразличен к тебе? Послушай, может так статься, что ты лишь безнадежно ломаешь свою жизнь, а толку из этого не выйдет.

— Моя жизнь тебя не касается, — сверкнула глазами Араминта, заподозрив, что Аггу пытается ее поучать. Также еще, ментор выискался! — Обойдусь без твоих ценных советов.

— Да плевал я на тебя, — взорвался Аггу. — У меня хватает других забот, чтобы еще печься о твоей нравственности, — положительно, на поле боя куда проще сориентироваться, чем разговаривать с женщиной! Пять минут назад она выглядела испуганной и хваталась за его руку, а теперь чем-то недовольна. Поди пойми, что на самом деле у нее на уме?

А на уме у Араминты был только один простенький вопрос: куда теперь податься?

Боги, она знала всю верхушку бельверусской знати с рождения, но ни с кем не была настолько близка, чтобы доверить свою судьбу и спросить совета.

Кроме Гларии, у Араминты за всю жизнь не было ни одного друга. Странно, что до сих пор это обстоятельство как-то не приходило ей в голову. Теперь, под покровом холодной немедийской ночи, ей было одиноко и просто физически холодно. Минта и сама не заметила, как начала дрожать.

— Аггу, я думаю, если мы с тобой договоримся... заключим что-то вроде соглашения о том, чтобы не смотреть друг на друга как на мужчину и женщину и не раздражать один другого вопросами, на которые не хочется отвечать, то в нашей ситуации можно, пожалуй, держаться вместе, — выпалила она. — А если так, то ты можешь предложить, где бы нам устроиться на ночь.

— Нам? — не понял он. — Ну... конечно, я тоже не хотел бы возвращаться в дом Туорга, как и ты — к своему отцу. Но я никого в Бельверусе не знаю. Хотя подожди. Есть один человек, женщина, которая спасла мне жизнь. Она, наверное, нас не прогонит. Но только если тебя устроит некоторое время прожить в подполье. Ее дом — подвалы Килвы. Местечко мрачное, зато там никому и в голову не придет тебя искать.

— А что у тебя с этой женщиной? — подозре-

тельно спросила Араминта. — Вы с ней очень близки?

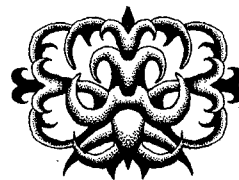
Аггу лишь руками развел. Не эта ли девица только что рассказывала ему о собственной любви к другому мужчине и требовала, чтобы он, Аггу, и в мыслях не имел воспринимать ее как женщину? Тогда какие демоны заставляют ее ревновать неизвестно даже, к кому?

— Минта, Кейулани годится в матери моей матери, если бы таковая у меня была, — вздохнул он. — Повторяю: она спасла мне жизнь. Ей можно полностью доверять. Ничего больше.

Но кто способен объяснить, почему он вынужден *опрадываться*?

Глава восьмая

Бмертельно уставший, Грен держал за руку королеву; все его магические силы ушли на то, чтобы переместить ее в этот мир. Но теперь старик был беспомощен. Он чувствовал себя непривычно несчастным, потерянным. Он спас королеву от неведомого похитителя, но девушка ничего не помнила. Она была не в себе, частички ее души все еще не соединились. Обретет ли она когда-нибудь целостность?

— Королева, ты помнишь меня, своего мужа? — спрашивал он и не получал ответа. Но Грен все еще не терял надежды, он верил, что, когда они попадут в Хайборию, он сможет излечить ее недуг.

— Для того чтобы она стала вновь прежней ей надо соединиться с тем, о ком она мечтает. Только он может помочь ей, — сказал Халуаст.

— Элгон, Сын Света... Он никогда не любил ее! — гневно вскричал старик.

— А Эльбер? — поинтересовался он. — Ты никогда не думал, что ее судьба связана с ним?

— Нет! — вдруг заплакала девушка. — О Эльбер, приди ко мне! Я жду тебя, я так давно мечтаю о тебе... Где ты? Что заставило тебя задержаться в пути?!

Грен закусил губу. Та, ради которой он готов на все, предпочитает другого. Она даже не знает, что за человек Белый Воин. Она видела его раз в жизни, и, тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы начать грезить о нем! Почему он, а не я? — думал старик.

— Пойдем, — произнес демон, — до портала нам еще долго добираться. И, вообще, тут днем опасно. Ты только оглянись, посмотри, в каком страшном месте мы находимся.

— О чем ты? — недоуменно поинтересовался он.

Мир, где был портал, с помощью которого они могли попасть в Хайборию, был полон смерти. Еще, возможно, несколько лет назад здесь ликовала жизнь, радуясь каждому дню. Тут явно были какие-то разумные существа, об этом свидетельствовали каменные дома, памятники и непонятные строения, на которые Грен, размышляющий о себе и королеве, сразу не обратил внимания.

— Все мертво, — печально произнес Халуаст. — У меня такое ощущение, что те, кто тут был, просто исчезли, ушли куда-то и не вернулись.

— Эта мир велик, они могли переселиться в другие земли, — неуверенно предположил старик, с любовью глядя на девушку.

— Разве ты не чувствуешь, что тут более никого и ничего нет?

Впрочем, как выяснилось, демон оказался не прав. Здесь была жизнь. Пожиратели, они уничтожили всех, оставшись единственным видом в мире. Ныне они вынуждены были нападать друг на друга, чтобы хоть как-то продолжать существовать. Это был настоящий бич, и Грен с содроганием подумал, что ведь и в Хайбории, на нынешних землях племени Мбонго, есть такие твари. Ночью они безвредны, но зато днем...

— О боги! — в ужасе завизжала королева. Один из Пожирателей, огромных тварей чем-то похожих на толстые бревна, подкрадывался к ним. Пожиратели, когда им это было надо, умели быть незаметными.

Грен схватил девушку за руку и бросился прочь, у него не осталось магии, с помощью которой он мог бы противостоять опасности. Он был беспомощен против Пожирателя, и хорошо понимал это.

— Халуаст, сделай же что-нибудь!

— Это священные твари, я не имею права бороться против них. Зато, если хотите, я укажу вам убежище, где вы сможете переждать.

— Быстрее!

Демон привел их к небольшому шалашу, который любой Пожиратель смог бы развалить одним ударом хвоста. Но следовало учесть, что

тут, Грен сразу это почувствовал, была сильная магия, которая, возможно, сможет запутать зверя, спасти людей.

— Здесь раньше прятались местные шаманы, — произнес Халуаст.

— Отлично! В этом убежище мы пробудем до тех пор, пока на небосклоне не появится луна, затем мы проберемся к portalу и окажемся в Хайбории! — ликовал старик.

— Мне жалко тебя разочаровывать, в этом мире нет ночи, тут царство вечного дня.

— Нет! — закричал Грен. — Как же быть?

— Вы с девушкой могли бы пожить тут... А когда твои магические силы восстановятся, ты бы сделал попытку прорваться. Учти, я тебе помогать в этом не намерен, и тебе меня не заставить, — заявил он. — Кстати, проблемы продовольствия, из-за которой и погибли шаманы, не будет беспокоить вас. Я буду творить для вас еду.

Старик был в отчаянье. Он не представлял себе, что делать дальше. Возможность остаться на годик-другой в шалаше не прельщала его. Хотя... он будет наедине с королевой! Но ведь она больна?..

Нет, он должен доставить ее в Хайборию! И пусть будет то, что должно. Выбор за девушкой. Кого она предпочтет: ветреного Эльбера или верного Грена? Все в ее руках.

— Я вижу Свет, — неожиданно произнесла королева. — Он стремится ко мне, он освещает меня, дарует надежду. И я верю, что, благодаря

ему, я смогу найти своего любимого, где бы он ни был...

Она говорила так, будто бы ее душа была цела, и разум вернулся к ней. Увы, уже через миг она вновь бормотала что-то непонятное. Но ее слова о Свете заставили старика задуматься. Халуаст как-то упомянул, что, когда девушка попала на перепутье миров, в ней проснулись какие-то силы. Что если в ней есть магия, которая так необходима ему, Грену, чтобы справиться с возложенной на себя миссией? Что если, выкачав из королевы мощь, он сможет перенестись вместе с ней к portalу?

Он взял девушку за подбородок и повернул ее заплаканное лицо к себе. Из ее глаз продолжали катиться слезы, сердце Грена сжалось от жалости к ней. Он внимательно рассматривал ее, так словно видел впервые в жизни. Она была прекрасна... Старик, загнав мысли о ее нежном теле глубоко в подсознание, принялся изучать ауру, исходящую от нее.

— Ну как, нашел что-нибудь необычное? — полюбопытствовал демон.

— Да, — отозвался он. — Только я не понимаю что это. Я вижу в ней чистый божественный Свет. Он просто есть в ней, я не могу им воспользоваться.

Усмехнувшись, Халуаст, решив сменить тему разговора, спросил:

— Есть хочешь?

— Нет, — покачал головой Грен. То, что таится в королеве, не давало ему покоя. Он терзал-

ся, пытаюсь отыскать ответ. Он вспоминал все, что когда-либо слышал о природе магии, Свете и Тьме и их извечной борьбе.

Мирному, спокойному размеренному существованию в искусно сплетенном шалаше древних шаманов положило конец появление демонов, которые все это время следовали за Греном и своим собратом. Они пока еще не нападали, решив для начала снять охранные чары с убежища людей. Ныне для Пожирателей более не существовало незримой преграды.

— Они рядом, — спокойно произнесла девушка.

— Она права, — заметил Халуаст. — Они с каждым мгновением становятся все ближе к нам... Я не понимаю, почему это происходит, ведь колдовство должно было остановить их!

— Они — это кто? — настороженно поинтересовался старик.

— Пожиратели, — пояснил он. — И, если мы что-нибудь срочно не придумаем, вы трупы.

— Но ты же говорил, что тут нам ничего не угрожает! — возмутился Грен.

— Я ошибся.

Твари приближались, остановить их старик не мог. Единственный выход, который он видел, побег. Но долго ли им удастся прятаться от врагов, захвативших весь этот мир? Нет, надо срочно придумывать что-нибудь другое! — решил Грен. К сожалению, в голову не шла ни одна дельная мысль. Ситуация казалась безнадёжной. Если ныне они все-таки сумеют скрыться от

Пожирателей, то те рано или поздно все равно доберутся до них, не дав достигнуть портала. Так что людям нужно было действенное средство против тварей.

— В крайнем случае, я подниму вас в воздух, благо Пожиратели еще не научились летать, — произнес Халуаст.

— Я не знаю, что тут можно еще предпринять, — вздохнув, признался старик.

— Держитесь! — демон подхватил королеву и Грена, оставшегося без магии, а посему неспособного более на полеты.

Халуаст завис высоко в поднебесье, вместе с людьми он с интересом наблюдал то, что происходило на земле. Несколько десятков Пожирателей напали на пустой шалаш одновременно, они чуяли богатую добычу. Но сегодня им не повезло. Рассвирепев, твари начали бросаться друг на друга.

— Красивые зверушки, — восхищенно произнес демон.

— Ты, естественно, доставлять нас прямиком к portalу не собираешься. Но что же нам делать? Внизу слишком опасно, а вечно находиться в подвешенном состоянии мы не можем.

— Хозяин, думай, — весело сказал он.

Пробурчав нечто-то нелицеприятное о ненормальных низших демонах, Грен углубился в размышления. Был бы он полон магии или находились бы они в Хайбории, он бы уже действовал. Но... что он мог предпринять тут?!

— Как хорошо, я чувствую, что мой нена-

глядный Эльбер уже рядом... — прошептала девушка.

Элгон, как и Белый Воин, иллюминат — человек, познавший озарение посредством внутреннего восприятия божественного Света... Что если частичка чего-то подобного есть и в королеве? Это не магия, это нечто гораздо большее. Оно способно творить и изменять миры! Грен никогда не думал о том, что в девушке, которую он любит, могут дремать такие силы. Но теперь... он не сильно удивился бы, если бы это на самом деле оказалось так.

— Понял? — улыбнулся Халуаст.

Старик кивнул.

— Но что это нам дает? Я не могу управлять этой мощью. Королева же просто не сможет...

— С чего ты взял? — удивился демон. — Она сама смогла покинуть перепутье миров. Должен сказать, далеко не каждый чародей способен на это.

— Свет, он делает зверушек добрыми и милыми, — неожиданно произнесла девушка. — Они больше не будут нападать на меня...

— А на меня? — поинтересовался Грен.

— Она порой словно выныривает из грез, которые сама же и придумала. В эти моменты она понимает, кто она и где находится. Но это длится не долго.

— Халуаст, ты очень уж много знаешь о том, что со мной и королевой происходит. Кто подослал тебя? — поинтересовался старик.

— Ты, кажется, подозреваешь меня? — по ог-

ненному лицу демона расплзлась широкая улыбка.

— Да, — не стал отпираться он. — Я уверен, что ты служишь двум повелителям, ты...

— погоди, — прервал Халуаст. — Теперь уже я могу рассказать тебе о том, кто похитил королеву, — он хихикнул.

— Кто?!

— Ты! — расхохотался демон. — Помнишь, я рассказывал тебе, что время в параллельных мирах течет по-разному. И существует возможность, что, путешествуя по разным землям, ты встретишься сам с собой. Так вот, по воле безумца случая, произошло следующее: ты в будущем украл девушку у себя же самого из прошлого!

— погоди, — растерялся Грен. — Выходит, у тебя нет второго хозяина? И королеву не нужно было ни от кого спасать?

— Да, — подтвердил он.

— Почему ты мне сразу не сказал об этом?

— Не имел права, — веселился Халуаст.

— Но откуда ты все это знал?! — закричал старик.

— Нам, порождениям Тьмы, известно не только прошлое, но и кое-что из будущего. Кстати, не ты ли утверждал, что способен зреть грядущее? — саркастически поинтересовался он.

Грен промолчал.

Демон опустился на землю недалеко от скопления Пожирателей.

— Держись поближе к королеве, ее они не тронут, я верю в ее дар, — сказал он.

Погруженный в раздумья, старик не ответил. Впрочем, уже скоро он, схватив девушку за руку, в панике оглядывался, рассматривая окруживших их тварей. Исчерпаны мои магические силы, и я потерял самоуверенность, — печально констатировал он.

— Мои хорошие друзья, — прошептала девушка, — проводите нас, пожалуйста, до портала.

Грен не поверил своим глазам, когда безжалостные твари, несущие смерть всему живому, поползли впереди, указывая путь. Это было настолько фантастическое зрелище, что старик даже забыл о том, что Пожиратели, как только он отойдет на небольшое расстояние от королевы, убьют его. Сейчас они не нападали, боясь случайно поранить девушку.

— Здорово! — воскликнул Халуаст, обзревая окрестности. — Какая идиллия! По умирающему миру идут рука об руку мужчина и женщина, спутниками же их являются Пожиратели, бич всего живого!

— Не юродствуй, — бросил Грен.

Демоны, продолжающие следовать за ними, сочли возможным появиться. Их вожак Ухуб решил, что больше выжидать не стоит, люди могут убежать в Хайборию, где с ними расправиться будет гораздо сложнее, чем сейчас. По его мнению, развлечение со смертными слишком затянулось, и его было пора заканчивать.

— Вы умрете! — воскликнул Ухуб, принимая свой излюбленный облик синего человека.

— Ты-то откуда взялся? — изумился Грен. —

Ты же остался в том мире полном гармонии и порядка!

— Там я всего лишь шутил с тобой, — прошипел он. — На самом деле я не собирался ни делать тебя своим рабом, ни убивать...

— А как же схватка с Халуастом, которому едва удалось одолеть тебя!

— Он просто подыграл мне, — произнес Ухуб. — Халуаст, как и все демоны, любит наблюдать за смертными, ставя их в сложные ситуации, из которых обычно бывает много выходов.

— Это правда? — спросил старик.

— Да, — отозвался огненный демон. — Нам было интересно наблюдать за твоей реакцией.

— Но это еще не все, — Ухуб крикнул от удовольствия, — ты еще не знаешь, что мы не дадим вам с королевой вернуться в Хайборию! Мы уничтожим вас!

— Не думаю, — спокойно произнесла девушка. Грен ощутил волны мощи, исходящие от нее. — Я буду со своим возлюбленным, и никто, даже силы Мрака, не смогут остановить меня! Я уничтожу вас, как и всех, кто встанет между мной и Эльбером!

Демоны сжались от страха, они понимали, что достаточно только ей пошевелить пальцем, и они будут уничтожены. Порождения зла, завизжав, бросились прочь. Они убегали в иные миры, стремясь сохранить свои жизни. Лишь двое задержались.

— Я еще вернусь, — предупредил, исчезая, Ухуб.

— Простите меня, если сможете, — прошептал Халуаст и последовал за ним.

Королева задрожала, она упала бы, если бы Грен вовремя не подхватил ее. Девушка ослабла от пережитого сегодня. Старик осознавал, что без ее вмешательства, был бы уже мертв. Но... к сожалению, она больна. Разве может он быть уверен в том, что в следующий раз, когда смерть подкрадется к ним, королева спасет и себя и его?

Грен, взяв ее на руки, пошел к portalу. Он брел мимо полуразрушенных домов, сломленных деревьев и Пожирателей, злобно глазающих по сторонам. Он не был уверен, что ему удастся пройти. Но он не мог позволить себе сдаться. Нет, он будет бороться за жизнь и счастье королеве, в которую он давно безответно влюблен, до последнего. Он пойдет вперед. И даже предательство того, кого он считал своим другом, не остановит его. Старик понимал, что Халуаст, порождение Тьмы, поступил так, как требовала его природа.

— Халуаст, я мог бы приказать тебе умереть, и ты выполнил бы мое распоряжение. Но я не стану этого делать, — бормотал Грен. — Ты столько раз спасал меня от гибели, выручая из смертельных ловушек, которые, вероятно, сам и соорудил на моем пути...

Старик упал на пороге величественного сияющего Храма, в котором и находился портал. Оставалось всего несколько шагов, но он не мог их сделать.

— Все кончено, — прохрипел он, дожидаясь появления демонов. Они воспользуются моей беспомощностью, — рассуждал он, — и прикончат нас с королевой. Хотя существует возможность, что этого им покажется мало. И тогда они будут издеваться над нами, не давая уйти на Серые Равнины.

— Грен, — появился Халуаст, — ты сможешь, у тебя получится! Ну же, ведь портал близок!

— Нет, — отозвался он, не зная, видит ли он по-настоящему огненного демона или ему это только кажется.

— Я... я помогу тебе!

— Это запрещено! — зарычал Ухуб, выходя из-за ближайших развалин. — Вот если он прикажет тебе... Но даже тогда, я помешаю вам. Демон не имеет права драться со своим собратом. Я встану на твоем пути и не дам пройти.

— Почему?

— Мне нужна жизнь этих людей, — он облизнулся. — Они мои!

— Нет! — воскликнул Халуаст.

— Ты идешь против Тьмы, породившей нас. Она любит кровь, и мы должны служить ей. Не забыл ли ты об этом?!

— Я больше не подчиняюсь Мраку! — заявил огненный демон. — С тех пор, как я напился отравленной крови из фонтана в одном из хаотичных миров, я свободен. Я никому не подчиняюсь. Я странник. И даже знающий мое подлинное имя не в праве отдавать мне распоряжения.

— Странник, — брезгливо произнес Ухуб. —

Теперь ты один из изгоев, предпочетших крови, смертям и злу скитания и изучение сущего!

Грен, находящийся в полубессознательном состоянии, прислушивался к их беседе. Он с изумлением отметил, что огненный демон на их с де-вушкой стороне. Халуаст пытается выручить их, но... Что если это всего лишь очередной розыгрыш, и демоны просто развлекаются?

— Я не отдам тебе этих людей!

Ухуб иронично усмехнулся:

— Ты так думаешь? Вся сила Мрака на моей стороне, а у тебя нет ничего, кроме глупой уверенности в том, что победишь!

В его руке появился синий водяной меч.

— Ты не посмеешь. Есть правила...

— На странников они не распространяются! — заявил Ухуб, нападая. Его клинок едва не срубил Халуасту голову, в последний момент огненный демон успел отскочить.

— Я не буду биться с тобой!

— Тогда умри, странник! Смерть — это единственное, чего ты достоин! — он занес меч над Халуастом, который даже не пытался увернуться. — Нет, — неожиданно передумал он. — Вначале я убью тех, кого ты защищаешь. А потом очередь дойдет и до тебя.

— Нет, Грен и королева должны жить! — огненный демон закрыл своим эфемерным телом людей.

— Очень трогательно, — фыркнул Ухуб. — Что ж, если ты так хочешь, то сперва я все-таки разделаюсь с тобой...

Халуаст не мог нарушить закон: он не мог бороться со своим собратом. Но он также обязан был спасти Грена.

Старик, — огненный демон знал его подлинное имя, — почему я не способен отдать тебя на растерзание Ухубу? Что со мной творится? Неужели все это потому что я стал демоном-странником?

Или искать причину следует в ином?

Кто сказал, что демоны неспособны чувствовать? Халуаст ощущал к Грену симпатию, они были друзьями.

Огненный демон не мог оставить его умирать, что-то внутри него противилось этому, казалось бы, самому простому и правильному для отродий зла решению.

— Убирайся! — закричал Халуаст, выбивая клинок из рук противника.

Ухуб завизжал от ярости.

— Сгинь, твоей игре пришел конец.

— Еще нет!

Синий и огненный демоны сцепились. Их силы были равны, и невозможно было заранее предсказать, чем закончится схватка. Они, рыча, отращивали когти и клыки, вонзали их друг в друга...

Их поединок закончился внезапно.

Яркая вспышка, — и там, где мгновение назад сражались порождения Тьмы, более никого не было.

— Халуаст! — вырвался вопль у Грена.

Сотни Пожирателей недовольно пошевели-

лись и отползли подальше от двоих людей. Твари предпочитали покой и тишину, нарушаемую лишь шумом, который издает неосторожная добыча. Увидеть, сделать жертвами старика и девушку они не могли.

— Халуаст, — повторил он.

— Иди к порталу, — ему показалось или он на самом деле услышал голос друга?

Грен, пересиливая слабость, поднялся. Его тело не желало двигаться, но разум вопил о том, что они с королевой обязаны вернуться в Хайборию.

— Вставай, Маргиад, — он потряс девушку за плечо.

Она, очнувшись, непонимающе посмотрела на него.

— Элгон? — спросила она.

— Нет, — покачал головой старик. — Меня зовут Грен!

Искорка жизни, начавшая разгораться в девушке, потухла.

— Пойдем, — Грен взял ее за руку, — я отведу тебя к порталу.

Он плакал и не стыдился своих слез, ему было очень больно. Он уже понял, что не отправится в Хайборию вслед за ней. Зачем? Там, он это чувствовал, ее душа воссоединится. Но какое это имеет значение, если королева Маргиад никогда его не полюбит? Ее сердце принадлежит Сыну Света. И тому, в ком она видит его. Возможно, она найдет свое счастье с Эльбером, Бельным Воином...

Сам же Грен решил, что останется в этом мире. Пускай Пожиратели убьют его, ему незачем больше жить.

Он выполнит свой долг, посему сможет спокойно отправиться на Серые Равнины, где его уже давно ждут. Конечно, старик мог бы уйти в настоящий Элментейт, город-убежище, созданный Элгоном. Но Грен не хотел возвращаться туда, откуда когда-то ушел. Там мне не место, — так он считал.

Они с Маргиад вошли в Храм, в котором хранился портал. Им открылся большой зал, посередине его стояла изумрудная статуя Моана, бога войны, жрецом которого Грен являлся. На шее Моана висела цепочка с камеей, точно такой же, какая была у Элгона.

— Портал, — прошептал старик.

Королева Маргиад отстранилась от него, и подбежала к статуе. Дрожь сотрясала ее тело. Она осторожно дотронулась до камня-амулета и исчезла, вернувшись в Хайборию, воссоединившись со своей второй половинкой. Ее душа, наконец, обрела целостность.

— Спасибо! — воскликнула она на прощание.

Вот и все, — грустно подумал Грен, к которому уже ползли Пожиратели. Твари были, как всегда голодные.

— Вперед! — подбадривал он их. Старик не собирался сопротивляться. — Убейте меня!

Вдруг рядом с собой он увидел какое-то непонятное свечение. В воздухе стала проявляться знакомая фигура огненного демона. Халуаст вы-

глядел опечаленным, но Грену почему-то показалось, что он счастлив.

— Ваофул, ты не должен умирать! — закричал он. — Я же теперь, как и ты, странник! Ты мне друг, ты поделил со мной пищу, я хочу путешествовать по лабиринту миров вместе с тобой!

— Но ты же погиб! — изумился Ваофул: более скрываться под именем Грен не имело смысла. Демон знал его подлинное имя, так что поработить Халуаста он больше не мог, да и не желал этого делать.

— Нет, я жив!

— Ты вновь играешь со мной! Ты и Ухуб...

— Ухуб мертв! — прервал он. — Я сумел победить его! Мне помогли...

— Кто? — насторожено поинтересовался Грен, не спешащий радоваться тому, что Халуаст спасся.

— Не знаю, — растерянно произнес огненный демон. — Да и какое это имеет значение, если Маргиад и Кейулани — две частички души Гларии — воссоединились! Я не понимаю, как так получилось. Но это правда!

— Глария? — переспросил Ваофул. — Кто это?

— Я тебе все расскажу! — пообещал Халуаст.

Они стояли спиной к каменному изваянию бога Моана и не видели, как лицо статуи расплылось в довольной улыбке. Пожалуй, только ему из всех существ, населяющих Вселенную, было известно, что из произошедшего было подлинным, а что всего лишь иллюзией.

* * *

Сны. О, да. Ей так часто снились странные, тревожные, а зачастую кошмарные сны, что легко можно было бы сойти с ума, если не быть уверенной в том, что это всего лишь бесплотные видения, разрозненные и часто нелепые осколки призрачного витража. Какой была бы ее жизнь без этих снов? Она не знала. Ненадолго вырываясь, возвращаясь в то, что у людей принято называть реальностью, она смутно понимала, что *такой* мир зачастую ничем не лучше самого черного кошмара. Легче и проще забыть о нем.

В другое время она хорошо сознавала, кем именно является. Она — целительница Кейулани, старая женщина, которая родилась так давно, что и не припомнит, когда именно. Она ощущала собственное лицо и не узнавала его. Кейулани? Кей? Так ее называют, но в действительности — ее ли это истинное, от рождения данное имя?.. И что значит — «давно»? В глубине души она ощущала, что, как ни странно, обычные человеческие сроки ей не подходят и не имеют к ней отношения. Зимы, десятилетия — все это исчисление столь же мало соответствует ее истинному возрасту, как если бы бабочка-однодневка пыталась со своей меркой подойти к вопросу о продолжительности человеческой жизни. Может быть, она просто принадлежит к тем немногим людям, которых всегда смутно тревожат неясные тени прошлых существований? Пожалуй; например, в одном из них Кей была возлюблен-

ной гладиатора, который покинул ее. Она порой видела разрывающие душу сны и об этом тоже. Но она умерла и была поспешно похоронена. Значит, потом она родилась снова, но ведь это по-прежнему была *она*? Или уже что-то иное? Гусеница, кокон, бабочка — это один и тот же меняющийся организм или три абсолютно различных создания? Кто может знать точно?

Куда исчезает огонь, когда догорает свеча?

Сейчас Кейулани пристально наблюдала за двумя людьми — еще такими невероятно юными! — пришедшими просить у нее о ночлеге. Если бы ее спросили, кто они такие, она бы ответила безошибочно, потому что отлично знала их обоих. Девушку звали Араминта. Она была в продолжении сна о гладиаторе Эльбере. Только тогда Минта была моложе, да что там — просто маленькой одинокой девочкой, которой женщина по имени Глария отдавала то небольшое, что в ее душе еще оставалось способным любить. Немудрено, что она не узнала Кейулани: ведь прошло немало лет, и одна жизнь сменилась другой. Второй же, юноша Аггу, был уже в этой жизни Кей, и она с помощью Таймацу спасла его, вернув душу в отказывающееся бороться, измученное опасной болезнью тело. Теперь он выглядел полным сил, и это было прекрасно.

Более того, юноше уже довелось однажды побывать здесь, в подземельях Килвы, а девушка впервые очутилась в этом месте. При иных обстоятельствах Минта, возможно, испытала бы потрясение, но только не теперь: за последние

несколько часов она успела пережить достаточно, чтобы, кажется, уже ничего более не опасаться. К тому же, рядом с этим молодым мужчиной-воином она чувствовала себя на редкость спокойно и уверенно. Как будто кто-то пришел и взял на себя все ее сомнения, тревоги, невысказанные страхи, закрыв ее от них собою. Хотя Аггу ничего подобного ей не обещал и не говорил. Впрочем, что-либо сказать ему и не представлялось возможным: непонятно, что нашло на обычно замкнутую и немногословную Арамину — но она просто не закрывала рта, не дожидаясь вопросов, рассказывая Аггу обо всей своей нелепой и далеко не радостной жизни, как могла бы жаловаться брату, которого у нее никогда не было.

Ему оставалось лишь слушать и удивляться. Судьба Минты была столь непохожа на его собственную! Он рос, не зная своих родителей, никогда не имея иной крыши над головой, кроме дырявого потолка казармы, да и то в лучшем случае. Участвуя в бесчисленных, изнурительных военных походах, Аггу более привык забываться недолгим чутким сном под открытым небом или мрачными каменными сводами суровых фортов. А эта девушка родилась, как говорится, с серебряной ложкой во рту, среди роскоши и неисчислимого, с его точки зрения, богатства, с раннего возраста была знакома с дворцовыми приемами и беседовала с самим королем, по праву рождения будучи представительницей знати самого высокого уровня. Но всегда и для всех

оставалась такой же чужой, как и он сам, словно какая-то злая сила сознательно и жестоко отлучала ее от любви.

Кажется, он произнес что-то похожее вслух, потому что Минта изумленно вскинула на него блеснувшие в полумраке глаза.

— У меня была Глария! Пусть совсем недолго, она оставалась со мной. Может быть, она даже любила меня. Она никогда не говорила о своих чувствах. Знаешь, недавно я видела ее там, возле усыпальницы, — словно для большей убедительности, она уверенно кивнула несколько раз, прежде чем продолжить. — Не думай, я не сошла с ума! — торопясь, Минта поведала о встрече с Эльбером и о том, как, когда он выходил из склепа, она отчетливо различила рядом с ним свою давно умершую подругу. — Она стояла подле него, такая же молодая и прекрасная, какой я ее запомнила; нет, даже еще лучше! Я ведь всегда знала ее печальной, а в этот раз она улыбалась и была похожа на королеву... или богиню. А Эльбер — он был словно окутан исходящим от нее светом, и глаза у него были не обычными, а почти золотыми. Боги, Аггу, я никогда не видела ничего подобного! Потом, конечно, Глария исчезла, но клянусь, мне ничего не померещилось, я действительно видела ее! Только так, наверное, выглядят призраки...

Аггу вздрогнул.

— У него были золотые глаза?

— Ну... да, — растерянно подтвердила Минта, не понимая, что его так взволновало. — Эльбер

вообще необыкновенный человек, — ее голос заметно дрогнул от почти экстатического обожания, и девушка было приготовилась разразиться восхищенной тирадой, целым прозаическим гимном в честь бритунца, но Аггу не позволил ей продолжать.

— Мне необходимо его увидеть, чем скорее, тем лучше, — быстро проговорил он. — Не знаю, какая здесь связь, но чувствую, что она существует.

— Это очень похоже на то, о чем ты мне говорил, — вмешалась старая Кейулани, до сих пор, кроме короткого приветствия, не проронившая ни слова. Со стороны казалось, что ей дела нет до этой пары, попросившей позволить провести ночь в ставшем родным ей подземелье. Теперь же выяснилось, что она отлично слышала их разговор. — Очень похоже, мальчик.

— Но тот был прокаженным, настоящей ходячей развалиной, — напомнил Аггу скорее себе, чем ей. — А этот Эльбер, как я понимаю, в полном порядке.

О да, могла бы сказать в ответ Кей. Он в порядке. В нем нет ничего призрачного. Эльбера делает неотразимым то, что он всегда полон жизни. Всегда в ее гуще, так плотно вплетен в ее сложный узор, что кажется неотделимым от нее. В нем бурлит сила, бросающая дерзкий вызов самым сложным, самым невыносимым обстоятельствам, и торжествующая в борьбе. Жизнь в нем самом, и даже в тех ролях, в которых он представлял на сцене Килвы, бьет через край. Он

один умел наполнить строки каждой драмы мириадами красок и звуков. Это было больше, чем игра.

А в реальности неудивительно, что он притягивал к себе женщин, которые неудержимо тянулись к нему, как железные опилки к магниту. У одной он вызывал сияющую покорность, у другой — счастливое волнение, в третьей будил настолько необузданную чувственность, которой не было никаких сил противостоять. Мужчина такой притягательности, что с первого взгляда на него ощущаешь себя поверженной, связанной по рукам и ногам, закованной в кандалы. Он способен ошеломить, заставить разглядывать саму себя в увеличительном зеркале его пронизательных глаз, в уголках которых теперь залегла тонкая, расходящаяся веером сеть морщинок. Стоило Кейулани лишь подумать о нем, и образ Эльбера на несколько мгновений заслонил собой все. Она коротко, судорожно вздохнула.

— Может быть, люди не всегда такие, какими кажутся.

Что-то в ее голосе наполняло сердце Минты тревогой и смутной, давней тоской, заставляло мучительно вспоминать, где она могла слышать его раньше. В то же время, девушка была убеждена, что впервые видит эту жуткую и древнюю, как грех, старуху, в своих бесформенных темных одеждах похожую на почти бесплотный стусок теней. Вот ужас-то, должно быть, дожить до таких лет!

— Ну, конечно, — насмешливо парировала

она, — Эльбер гниет заживо, а я этого как-то не заметила! Скажешь тоже!

«В детстве ты была умнее и пронизательнее», — подумала Кей. Что касается Аггу, парень долго задумался, сосредоточенно взвешивая услышанное.

— Ты всегда здесь живешь? — озираясь с опаской по сторонам, спросила Минта у Кейулани. — По-моему, это сущий кошмар. На Серых Равнинах и то лучше. Здесь так сыро, темно и холодно, как в могиле.

— Но это единственное место, в котором ходят те, кому я нужна. Куда же я уйду от них? Кроме меня, у этих несчастных никого больше нет.

— Глаория бы тоже так сказала, — вырвалось у Минты. — Если бы судьба заставила ее ходить за ранеными, она исполняла бы свой долг до конца, не жалуясь и не отступаясь. А я не знаю, смогла бы жить так, как она... или ты.

— И меня Архалук учил тому же, — горячо подтвердил Аггу. — Я всегда считал, что это и есть единственное настоящее счастье. А когда попал в Бельверус, на какой-то момент усомнился. Раньше я шел на смерть без страха, потому что мне нечего было терять, и мои товарищи поступали так же. А тут вдруг все сразу — деньги, титул, невеста богатая, — он смутился и умолк, ведь под «невестой» подразумевалась Араминта. Но девушка, кажется, не обратила на это внимания. — Только, если бы я подтвердил правоту Туорга и предал Архалука, все равно счаст-

лив бы не был, — закончил он. — Наверное, не получится из меня князь. Не родился я для такой жизни. Араминта, так что, ты представишь меня Эльберу?

— Конечно, — горячо и поспешно согласилась та, подумав, что это вполне пристойный повод еще раз напомнить о себе бритунцу и Соне.

* * *

Наутро город с быстротой молнии облетела страшная весть. Дочь казначея Ишума похищена и, скорее всего, убита чудовищным исчадием преисподней, которое видел и в чьих когтях едва не погиб один из слуг.

— Оно внезапно набросилось на меня и сразу оказалось так близко, что я не разглядел его лица и почти ничего не помню, — клялся слуга. — Слышал еще, как кричала молодая госпожа, а когда очнулся, ни ее, ни его уже и в помине не было. Это было просто огромным, в три человеческих роста, и сущий зверь!

В ответ на резонный вопрос, как же и почему он сам, в таком случае, остался жив, слуга лишь беспомощно разводил руками.

— Не знаю. Может, молодая госпожа показалась ему привлекательнее, вот он и бросил меня, чтобы погнаться за ней.

Выглядел он хуже некуда: еще вчера полный сил человек имел теперь такой вид, словно страдает какой-то тяжелой давней болезнью, настолько бледен он был, да и на ногах держался с

заметным трудом. Его, тем не менее, заключили под стражу, надеясь добиться более подробных сведений, но пока оставалось признать, что толку от такого свидетеля немного.

Слухи распространялись, как Черная Смерть, обрастая все новыми яркими зловещими подробностями. Военачальник Туорг заявил, что в эту же самую ночь куда-то исчез его высокопоставленный гость, молодой князь Аггу, и никаких вестей об его местонахождении не имеется.

— Соня, я только что был во дворце Аргеваля, — сообщил Эльбер, ворвавшись в особняк, точно вихрь. На нем в буквальном смысле лица не было. — Там только и разговоров, что про смерть этой чудесной девочки, Араминты, и, возможно, вдобавок — ее жениха, которых убил не то какой-то оборотень, не то еще что похуже. Ты, конечно, можешь сейчас броситься защищать своего Огдена, но я сильно подозреваю, что без него тут не обошлось! Проклятый урод, кровосос! Поверить не могу — девочка-то чем виновата? Клянусь, Соня, за нее я его своими руками прикончу, мразь такую! Кто-то должен его остановить, — праведный гнев клокотал в нем, вырываясь наружу.

Сердечко Минты при этих словах замерло от восторга, оно грохотало и пело, а весь мир вокруг расцветал яркими красками. О, Эльбер, ее прекрасный, благородный избранник! Конечно же, она в нем не ошиблась, он только что сам сказал, что готов ради нее сразиться хоть с целыми легионами жутких чудовищ! Если бы ради

этих слов от нее потребовалось в действительности умереть, Минта, не задумываясь, согласилась бы расстаться с жизнью сию секунду.

— Извини, но я не вполне понимаю, что ты имеешь в виду, — голос Сони вернул ее с небес на землю. — Араминта и Аггу оба здесь и ждут тебя уже битый час. Они живы, и с ними ровным счетом ничего не случилось, в чем ты можешь убедиться воочию.

Да, умудрившись проспать почти до середины дня после всех злоключений минувшей ночи, эти двое, стараясь не привлекать к себе ничьего внимания по дороге, благополучно добрались до особняка, но еще не успели внятно изложить Соне цель своего визита.

— Живы? — с облегчением вздохнул Эльбер, глядя на них. — Слава богам. Вы что, просто решились сбежать и устроить дурацкий розыгрыш? Но зачем?..

— Не совсем, — заговорила Араминта первой. — То есть да, сбежать я действительно решилась, и на меня кто-то напал возле склепа, только жертвой стал мой слуга, а я спаслась. Потом мы случайно встретились, вот, с Аггу... Я не знала и представить себе не могла, что меня объявили погибшей, впрочем, это даже хорошо: искать никто не будет. Пожалуйста, о, пожалуйста, не сообщайте пока никому, что я на самом деле и не собиралась умирать! Как это здорово... Все равно что перевернуть страницу книги и начать жить сначала! Теперь-то отец — и все остальные — оставят меня в покое, и я смогу... — как

именно она намерена распорядиться внезапно обрушившейся на нее свободой, Минта, похоже, сама не могла пока толком определить.

— Помолчала бы ты немного, — не выдержал Аггу, пристально разглядывая Эльбера и с каждым мгновением все больше склоняясь к мысли, что бритунец не имеет ничего общего с прокаженным, это абсолютно нормальный, здоровый человек.

Ну, не такое совершенство, как расписывала Араминта, но, во всяком случае, без малейших признаков страшной, разрушающей плоть, болезни. Слабый лучик невозможной надежды угас, сменившись горьким разочарованием.

— Что ты так смотришь на меня, парень? — спросил Эльбер. — Пытаешься вспомнить, не встречались ли мы где-нибудь раньше? Например, в некоем приграничном форте, — он усмехнулся. — Я рад видеть тебя!

— Значит... значит, это все-таки был ты? — изумленно и все еще недоверчиво воскликнул Аггу. — Но как же... А твоя спутница?..

— Вот она, — бритунец положил руку на плечо Сони. — Искусство менять внешность до неузнаваемости — великая вещь, верно ведь? Неплохо это у меня тогда вышло!

— Ты великий маг, — выдохнул Аггу. — То, что ты сделал в форте, создав целую армию воинов-призраков, было истинным чудом!

— Я же тебе говорила, что он необыкновенный! — в полном восторге произнесла Араминта. — Что, убедился?!

Эльбер, для которого всегда было весьма приятно находиться в центре внимания, не смог удержаться и усмехнулся с явным оттенком самодовольства. Произведенный эффект ему очень понравился.

— Ну... да. Кое-что у меня отлично получается. Хотя, признаться, в Малиараке я еще не знал, на что в действительности способен, и те воины... это произошло почти само собой. Я не владею настоящей магией, но так вышло, что от рождения оказался наделен некими необычными, сверхъестественными способностями, о которых узнал совсем недавно. Я иллюминат. Бывает, что то, о чем я думаю и ярко себе представляю, становится видимым всем окружающим.

— Глария знала об этом? — спросила Араминта.

— Вероятно, она многое замечала, но мне кажется, что мои способности усиливаются со временем, а тогда они не проявлялись настолько ярко и отчетливо, как это происходит теперь.

— Значит, ты мне поможешь, — уверенно сказал Аггу. — Не знаю, как благодарить богов за ту невероятную милость, которую они мне явили тем, что привели к тебе! Ты подтвердишь, что Туорг — жирный, тупой ублюдок и предатель — не имеет никакого отношения к победе над пиктами в Малиараке, что он заслуживает вовсе не почестей, а смерти либо позорного вечного изгнания. Душа Архалука успокоится после того, как мы выполним его последнюю волю и восстановим настоящую справедливость. Двое

свидетелей — это все, о чем я отчаянно мечтал и просил богов, хотя уже почти, да простят они меня, потерял надежду. Я думаю, теперь мы могли бы отправиться к Аргевалю и рассказать правду о той битве!

Аггу и в голову не могло придти, что Соня и Эльбер не поддержат его. Эти люди сами казались ему почти что богами, сошедшими с небес, на худой конец — живыми посланниками таковых. Он ощущал такое благоговение по отношению к ним, какое прежде вызывал у Аггу разве что Архалук, да и то, пожалуй, в меньшей степени. Привыкший уважать жесткую иерархию, юноша теперь, пусть с оттенком горечи в сердце, был согласен с тем, что его прекрасная Араминта должна принадлежать не ему, а Эльберу, если только тот желает получить ее. Учитывая, что ничего дороже нее он себе не представлял, это была по-настоящему великая жертва.

— Не думаю, что будет разумным поступить так, как ты предлагаешь, прямо сейчас, — негромко произнес бритунец, которому жутко не хотелось ввязываться ни во что, способное отодвинуть осуществление его великого замысла. Хотя... разобраться с Туоргом и неразрывно связанной с ним Ликенион, в свое время сделавшей все, чтобы погубить его, Эльбера, жизнь, разрушить такой дорогой ценой завоеванную славу — что может быть более справедливо?!

Соня, разумеется, видела, какое смятение бушует в его душе, но ход ее мыслей был несколько иным, и вся ситуация в целом виделась

по-другому. Ах, какая красивая может получиться игра! Соня почти физически ощущала, как, в сладостном предвкушении удачной охоты, утробно мурлычет и довольно шурится Рысь внутри ее существа.

— Нет, — протянула она, улыбаясь сейчас так лишний, что дикая пятнистая кошка, кажется, просто вылезала наружу, — Эльбер прав. Мы не будем спешить, никому из нас это не нужно. Вам обоим следует вернуться по своим домам и держаться так, словно ничего не произошло и не изменилось. Сделайте вид, что полностью согласны со всеми планами относительно вас...

«Если бы вы видели себя со стороны, то поняли бы, насколько подходите друг другу и какую удачную пару можете, при желании, составить», — подумала при этом Соня, с удовольствием разглядывая обоих. Но, конечно, не высказала этого вслух: ну нет, еще она в качестве сводни никогда не выступала! Рысь в сердечных делах не советчик. Она сама ни с кем не составляет постоянной пары, как это бывает, скажем, у отважных, но недалеких волков, и не ей судить, хорошо или плохо провести бок о бок с другим существом целую жизнь.

— Полностью согласны?! — возмутился Аггу. — Как?! Теперь, когда мы можем разрешить недоразумение, связанное с Туоргом, и показать всему миру и обманутому этим негодяем королю, какое это злое, вероломное ничтожество?!

— Положись на меня, — отозвалась Соня. — Я точно знаю, что и зачем делаю, а ты еще

слишком молод и глуп, чтобы видеть дальше собственного носа. Например, ты, как я поняла, полагаешь, будто сам король не может иметь никаких, ровным счетом, недостатков, и его высочайший титул делает его авторитет непрекаемым. Ну-ну, наивное создание! Тебе не приходит в голову простенькая мысль, что либо правитель, которого так легко обвести вокруг пальца всем, кому не лень, не слишком мудр, либо его вполне устраивает его окружение, состоящее, именно, из злых ничтожеств, среди которых Туорг отнюдь не просто несчастное исключение, а? Этому тебя твой Архалук не учил? Наверное, едва ли. Ведь хороший солдат должен быть исполнителем, ему не следует задавать лишних вопросов, а лишь выполнять приказ.

— Соня, перестань, ты слишком жестока, — сказал Эльбер.

— Зато справедлива. Мальчик ведь добивается как раз этого? Справедливости? Почему бы не начать с себя самого?.. Ладно, у него еще будет время об этом подумать. Я же хочу, чтобы мы заставили Туорга самого признать свое полное поражение, а для этого нужно дождаться подходящего момента. Проявите терпение, чтобы поспешными действиями не испортить все дело.

— Но отец сказал, что я должна выйти за Аггу замуж уже через три дня, то есть... то есть завтра, — вмешалась Минта, — а я точно не намерена этого делать! Нет уж, мне пока удобнее числиться погибшей.

— Ну, упрямое создание, будь по-твоему, —

вдохнула Соня, чувствуя, что в отношении Аггу действительно перегнула палку, испытывая из-за этого неловкость и согласившись хоть в чем-то уступить, — оставайся здесь. А этот парень, которого ты прямо-таки видеть не можешь — хотя и лукавишь относительно него сама с собой — пусть возвращается. Князь, скажи Туоргу, что ты ему не помощник до тех пор, пока твою невесту не найдут живой или мертвой. Пусть-ка поищут. Это даст нам возможность выиграть какое-то время, возможно, даже несколько седмиц, которые нам совершенно необходимы.

— Необходимы для чего? — осторожно спросил Эльбер, который понимал замысел Сони не лучше остальных: только богам известно, что творится в голове у этой рыжей бестии!

— Для того, чтобы ты успел поставить и сыграть свою драму, — как ни в чем не бывало, отозвалась она, твердо и спокойно глядя ему в лицо своими потрясающими серыми глазами.

Хотя ее слова прозвучали совершенно отчетливо, он подумал, что ослышался.

— Соня, ты просто не представляешь себе, о чем говоришь. Это вполне понятно и простиительно — не может ведь человек разбираться в вещах, к которым не имел никакого отношения. Но поверь, времени для постановки требуется несравнимо больше. Какие там «несколько седмиц»! Хористы... актеры... нужны сотни повторений, чтобы каждый усвоил, что должен произносить и в какой последовательности. Иногда на это уходят долгие месяцы. Сейчас я не знаю да-

же, кто из нынешних актеров сможет играть со мной, мне еще только предстоит найти подходящих людей и объяснить им, как я вижу эту драму, и лишь потом...

— Нет, Эльбер, ничего этого не потребуется, — все так же четко и безмятежно произнесла Соня, медленно покачав головой. — Тебе не нужны *другие* актеры. Ты сделаешь все один. Ты, единственный в мире человек, способный не рассказать, а показать все то, о чем думаешь и что чувствуешь.

Он замер, уставившись на нее. По мере того, как до бритунца доходил смысл сказанного Соней, выражение его лица менялось от недоверчивого до восторженного.

Если разум его готов был вступить с нею в яростный спор, находя тысячи причин, по которым столь невероятное, дерзкое предложение не может быть осуществлено ни при каких обстоятельствах, то в глубине души Эльбер уже полностью принял эту безумную идею. Он, как еще никогда прежде, ощущал kloчущую в нем сверхчеловеческую, присущую ему от рождения, силу, которая только и ждет, чтобы ей позволили в полной мере проявить себя, вырвавшись наружу и явившись миру во всей полноте, но полноте укрощенной, не стихийной, подвластной его воле. Нечто отдаленно похожее произошло с ним в Стигии, когда Эльбер сумел пробить казавшуюся несокрушимой плиту ударом руки — тогда он тоже до последнего, пожалуй, момента не верил, что способен на подобное, но Соня соз-

нательно вывела его из себя, заставив попробовать... и победить.

— Ты справишься, Белый Воин, — сказала она на языке Мбонго. — Не сомневаюсь. А остальное предоставь мне. В конце концов, каждый должен делать то, что у него лучше всего получается.

* * *

— Что за бред? Какой еще, пропади он пропадом, баджанг? — раздраженно переспросил Ютен, испепеляюще глядя на Хэйдзи, лицо которого оставалось бесстрастным. — Я указал тебе и твоим людям, куда идти и где искать того, кто тебе нужен, в обмен на то, что требуется мне самому. Ты нашел и то, и другое, а теперь намерен отступить, ссылаясь на какие-то сказки, которыми у вас на Островах пугают малых детей!

— Баджанг высасывает кровь жертвы и вешает труп вниз головой на дереве, — повторил Хэйдзи терпеливо. — Сильный демон, мертвец, который ходит. Чтобы подчинить его себе, надо иметь власть над мертвыми. У меня такой власти нет, и я знаю свои пределы. Я не могу с ним сражаться. Он убил и выпил Тайру, оставив в живых Гэмбана, чтобы тот принес труп ко мне и я понял, что происходит. Отступник, которого мы искали, стал самым опасным цзян-ши, баджангом, либо каким-то образом овладел умением заставлять их служить ему.

— И ты струсил, Хэйдзи, верно? Струсил, поджал хвост, как шакал, — с удовольствием

проговорил Ютен, отлично зная, какое ужасное оскорбление наносит своему собеседнику. — Ты готов потерять лицо и покрыть позором имя господина, который поручил тебе выполнить задание, а ты не справился с ним, отказываясь преследовать отступника до конца! А? Каково! Что я слышу! — злобно забавлялся он. — Неужели все то, что мне было известно о загадочной, грозной касте Призраков с Островов, коей я так восхищался и перед представителями которой благоговел, всего лишь красивая легенда, а на самом деле вы — обычные слабые люди, жалкий дикий народ, годный лишь на то, чтобы забавлять зевак трюками с оружием в бродячих цирках!

Хэйдзи молчал, но если бы взглядом можно было убивать, Ютен был бы уже десять раз мертв.

— Ну, — граф перевел дух, выплеснув некоторую часть своего раздражения в язвительных репликах и с удовлетворением отметив, что каждый его удар достиг цели, оставив на сердце Хэйдзи кровавые раны — ведь он оскорблял не только его самого, а, главным образом, все то, частью чего Призрак себя ощущал и мыслил, — хорошо. Если предположить, что твоего баджанга можно поймать и уничтожить, и я готов научить тебя, как это сделать, согласишься ли ты продолжать бороться? Он опасен только ночью, днем это всего лишь холодный, неподвижный труп, который вообще не может оказать никакого сопротивления даже ребенку. Все дело в том,

чтобы определить местонахождение его дневного убежища. Понимаешь, он должен где-то спать, скрываясь от солнечного света. Что, на твоих островах по этому поводу думают иначе? Ну да, пожалуй, ведь ваши цзян-ши и баджанги скорее оборотни. Но, Хэйдзи, ты лишь слышал о них, я же имел дело с этими существами. Более того, мне даже удавалось подчинять их себе, хотя и при несколько иных обстоятельствах. Но так или иначе, я тоже знаю свои пределы и обладаю определенным опытом.

— Тогда что тебе мешает пойти и сделать все самому? — осведомился Хэйдзи, сохраняя ледяную, непробиваемую любезность. — Что тебе нужно от меня?

— Ты не выполнил свою часть договора, — снова напомнил Ютен. — Не привел ко мне женщину и бритунца, не вернул мою собственность, которую они имели наглость похитить. Ты не можешь оставить все так, как есть, и тебе придется помочь мне разобраться с этим... цзян-ши, коль скоро именно он стал непреодолимым препятствием для осуществления твоих и моих планов. Да, я легко могу в одиночку убить его днем, когда он не опасен. Но он мне нужен... я бы рискнул сказать, живым, не будь он и так давно мертв; надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду. А в этом случае задача значительно усложняется. Нам следует дождаться заката — времени его пробуждения. Дневной свет способен сразу его уничтожить, а я бы очень этого не хотел... по личным причинам, которые тебя

не касаются. Если он окажется переродившимся отступником, которого ты преследуешь, я отдам его в твои руки, и ты убьешь его сам. Если это нечто иное, он — мой. Что скажешь?

По-человечески — что вполне понятно — Ютен вызывал у Хэйдзи сильнейшее отвращение, и иметь с ним дело у Призрака не было ни малейшего желания, а все его истинные желания сводились к тому, чтобы выпустить этому ублюдку кишки и так оставить умирать. Однако, подобные Хэйдзи имели одну любопытную особенность, в действительности резко отличающую их от представителей любых других народов и каст: полное отсутствие таких понятий, как добро и зло, истина и ложь. Все это им заменяла единственная религия беззаветного служения своему клану и суверену. Чтобы выполнить долг, можно было пойти на все что угодно, нимало не переживая по этому поводу, связаться и заключить временный союз с кем угодно и совершить преступление самое гнусное, замысел какого только способен зародиться в самом черном уголке души последнего подонка и безумца. Убить сразу или подвергнуть изощренным пыткам собственных кровных родственников, будь то мать или отец, сестра или брат, сын или дочь; превратиться самому во всеобщую подстилку в наиболее грязном борделе, если это необходимо, чтобы выполнить приказ господина, которому служишь; предать всех, кто доверяет тебе безоглядно и открывает тебе свою душу, и ни на миг не усомниться в священной праведности такого

поступка, коль скоро он хотя бы в малейшей степени поспособствует достижению цели — почему нет? Словом, не существует ровным счетом никаких ограничений, когда на другой чаше весов — веление долга.

О беспощадной жестокости островитян по Хайбории ходили страшные легенды, но тот, кто не родился на Островах и не принадлежал к касте Призраков, попросту не был способен понять, что само слово «жестокость» применительно к ним было абсолютно не точным. Эти люди мыслили иными категориями и испытывали чувства, которым трудно найти подходящее определение в других хайборийских наречиях и языках.

— Где убежище баджанга? — спросил Хэйдзи.
— Я готов отправиться туда с тобой.

Ютен едва удержался от того, чтобы не издать торжествующий вопль.

— Подумай сам. Он нападал дважды, ночь за ночью. Может быть, были и другие случаи, но о них мы можем лишь догадываться — доподлинно нам ничего больше не известно. В первый раз это произошло возле особняка бритунца. Во второй — там, где находится фамильный склеп казначея Ишума. Хайборийские баджанги в качестве дневного укрытия предпочитают могилы и склепы. Проснувшись, они испытывают непреодолимую потребность в свежей крови, и в этот момент крайне опасны, но и безрассудны — нападают на первого же живого человека, с которым сталкиваются, — это было правдой, Ютен знал, что у Огдена в свое время имелось не-

сколько специальных, сменявших друг друга, слуг, которые после пробуждения господина тотчас отворяли себе кровь, чтобы удовлетворить его первоначальную жажду. — Я почти уверен, что наш кровосос скрывается в усыпальнице, значит, именно там следует ждать его появления.

— Что потом?

— Нужно позаботиться, чтобы горло и запястья были надежно защищены серебряным ошейником и такими же браслетами. И ни в коем случае не смотри ему в глаза. Делай все так, как я скажу тебе — и мы сумеем с ним справиться.

Разумеется, Ютен не мог полагаться лишь на собственные силы — хотя бы потому, что не был столь подвижен и ловок, как Хэйдзи, единственный достойный Огдена противник. Оставлять же ванира на свободе было смертельно опасно — тот был для графа одним из самых страшных врагов, какого только можно себе представить. Ютен даже решился на какое-то время оставить в покое иллюмината и Соню: пока где-то во тьме бродит Огден, остальное не имеет значения. Мертвому, ему, Ютену, вряд ли понадобятся и власть, и земная слава.

Конечно, он рассказал о себе Хэйдзи далеко не все — как, впрочем, и кому бы то ни было иному. Напомним, что за несколько веков до описываемых событий прародительница темнокожего графа, от которой он чудесным образом унаследовал характерные для обитателей Черных Королевств внешние черты, практически

стершиеся у его отца, деда и прадеда, но неожиданно проявившиеся именно в нем, была доставлена из Дарфара в Асгард. Она была очень сильной колдуньей, владевшей, в частности, умением управлять мертвыми, то есть, иначе говоря, некроманткой. Ютен сознательно постарался пробудить и до чрезвычайности развить в себе дремлющие колдовские способности этой женщины, в том числе и те, что были связаны с искусством заставлять двигаться трупы, но это последнее вызывало у него глубокое отвращение.

Не потому, что Ютен был слишком высокочеморален, но лишь в силу утонченности и аристократизма, не терпящих подобной грязи: граф был невероятно брезглив. Вид полусгнившего мертвеца, передвигающегося шаркающей походкой и источающего отвратительный запах, вызывал у него непреодолимую тошноту и оскорблял эстетические чувства, поэтому Ютен ограничился одним-единственным опытом такого рода, на который решился в ранней юности, и предпочел более ничего подобного не повторять даже из любопытства. Вампиры нравились ему куда больше, ведь они, оставаясь, по сути, мертвецами, выглядели такими живыми! Они сохраняли собственный разум и волю, даже в большей степени, чем слегка туповатые оборотни. А способности Ютена к некромантии до определенной степени позволяли ему подчинять их себе, хотя и не полностью. Так что он отнюдь не случайно просил Огдена создать для него небольшую армию подобных существ, зная, что сумеет спра-

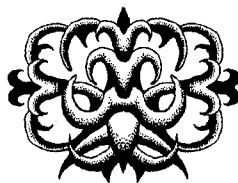

виться с ними, и до сих пор сохранял надежду добиться своего. Особенно теперь, когда по милости Сони и бритунца лишился своих слуг-оборотней. Ничего: как только проклятый ванир, с помощью Хэйдзи, снова окажется у него в руках, эта промежуточная цель будет благополучно достигнута.

Глава девятая

Дтносительно размеренная жизнь кончилась, и теперь событиям предстояло развиваться со стремительной быстротой. Соня это отлично понимала — и оттого чувствовала себя вполне в своей стихии. Она настолько ясно и отчетливо представляла себе каждый свой следующий шаг, который предстоит сделать, словно кто-то невидимый и мудрый ведет ее вперед, крепко держа за руку.

— Твое дело сейчас — договориться с актерами и хористами, — сказала она Эльберу. — Все должно выглядеть так, словно ты в самом деле работаешь с участниками будущей драмы, но все держишь в строжайшей тайне. В глазах короля — и всех остальных — это будет выглядеть так, словно ты из кожи вон лезешь, чтобы побыстрее осуществить постановку и отправиться за сокровищами Королевств, как и обещал... Акте-

рам же скажи, что от них практически ничего не требуется, кроме как являться в Килву к назначенному сроку, и ты готов им за это щедро платить.

— Не выйдет, — возразил бритунец. — Во-первых, относительно «щедрой оплаты»: откуда я возьму столько денег?

— Аргеваль предоставит тебе любую сумму в разумных пределах, — невозмутимо отозвалась Соня. — Что еще тебя смущает?

— Главным образом, как заставить всех этих людей хранить молчание. Да они на всех углах станут рассказывать о том, что драматург — настоящий сумасшедший, который понятия не имеет, как проводятся репетиции, и это вызовет вполне оправданные подозрения. Никакими деньгами невозможно добиться того, чтобы...

— Актеры не трепали языком? — усмехнулась Соня. — Но ты можешь вводить их в курс дела, я не знаю, как там все это у вас происходит. Работай с ними так, как они привыкли, но только следи за самим собой! Постарайся удерживать свой дар в узде, чтобы они раньше времени о нем не узнали.

Сама она вновь направилась к Лиенион, которая пребывала в смятении, не успевая разобраться в нагромождении событий, среди коих единственным светлым пятном было возвращение Аггу — живого и невредимого. Молодой князь потребовал во что бы то ни стало разыскать его невесту, бесследно исчезнувшую Араминту, и этим всю занималась охрана Бельверуса.

— Надеюсь, ты не изменила своего решения действовать со мной сообща? — спросила Соня.
— Ты обещала позаботиться о деньгах — так вот, они нам нужны срочно. Я хочу выступить в поход за сокровищами, скажем, через пару седмиц. Тебя это устроит?

— Меня? — окончательно растерялась Ликенион. — Но... так скоро?

— Слушай, милая, если ты что-то имеешь против, никто тебя за уши в Дарфар не тянет. Или ты считаешь, что в Бельверусе я никому не могу предложить того же, что и тебе? Ишуму, например — да он из шкуры выпрыгнет, лишь бы сказочно преумножить свое состояние. Я уж не говорю о короле...

— Нет, — в панике заверещала Ликенион, — о, Соня, нам больше никто не нужен! Ты не можешь так поступить со мной! Знаешь, ведь ко мне тут являлся один человек, который требовал выдать ему тебя. Он едва меня не прикончил, — она оттянула высокий ворот платья, показав Соне багровые синяки на точеном хрупком горле. — Я так испугалась! Но даже силой он не смог вырвать моего согласия предать тебя. Более того, он пообещал найти того ванирского раба в обмен на то, что я заманю в ловушку тебя и Эльбера. Сказал, что может это сделать. Но и тогда я не поддавалась на его уговоры, — вдохновенно лгала Ликенион. — Ютен пришел в бешенство, но ему ничего не оставалось, как убираться не солоно хлебавши!

Ютен. Ютен уже здесь, в Бельверусе. У Сони

упало сердце, хотя чего ж еще было ожидать от графа?

— Он приходил к тебе один?

— Ну, конечно. Наверняка тоже хочет заполучить сокровища Города! Но я ему не позволю! Мне... то есть нам с тобой, они самим пригодятся. Мы станем самыми богатыми и могущественными женщинами в Хайбории!

Да уж, подумала Соня. Хорошо бы, для начала, остаться просто *живой* женщиной. И все-таки, ей, похоже, в последнее время везет — не сообрази она сегодня поговорить с Ликенион, то не узнала бы о появлении графа-жреца. А так хотя бы отдает себе отчет, чего следует опасаться.

— Считай, что я оценила твою преданность нашим дружеским отношениям, — натянуто улыбнулась она. — А что, этот Ютен, в самом деле, может отыскать ванира?

— А как же. Ютен из Астарда мне и продал его когда-то. Если теперь он не поторопится, мой раб найдет его первым, и, можешь поверить, разорвет на куски. Они люто ненавидят друг друга.

Это было бы замечательно, мысленно вздохнула Соня. Огден, как, пожалуй, никто другой, имеет право доставить себе удовольствие, сполна расплатившись с графом за всю боль и страдания, которые вытерпел по его вине, за своих сгоревших заживо *птенцов* и простых подданных, верных своему необычному господину. Наверное, стоит предупредить ванира, и сделать это нынче же после заката, отправившись к гробни-

це Гларии. И, конечно же, Эльбер тоже должен быть в курсе происходящего — как знать, не соберется ли Ютен прежде всего поохотиться за иллюминатом? До заката, прикинула она, еще полно времени! Она успеет принять все меры, необходимые для безопасности ее друзей.

Вот только, спохватилась она, не стоит сообщать Эльберу, где именно находится убежище Огдена. Такое «варварство» вызовет у него вполне понятную ярость.

* * *

— Я пойду туда вместе с тобой, — выслушав Соню, решительно сказал бритунец. — Неужели ты полагаешь, что я могу бросить тебя на произвол судьбы и оставить один на один с этим кровососом, как бы ты ни обольщалась на его счет?!

— Только тебя мне там не хватало! Огден ни за что не причинит мне вреда после того, как я добровольно поделилась с ним кровью. Он сам так сказал. Мне нечего бояться.

— И ты ему веришь, — покачал головой Эльбер. — Ох, Бара, ты просто теряешь голову, едва речь заходит об Огдене! Неужели его чары так действуют на тебя?

— Ни его, ни чьи иные, — отрезала воительница, стремясь положить конец бесплодному спору. — Не ревнуй... и не обольщайся! Мужчины, что живые, что мертвые, не могут мне дать ничего такого, чего я сама не сумела бы добиться для себя.

Все-таки она достаточно хорошо знала Эльбера, чтобы в нужный момент суметь уязвить его и вынудить, тем самым, оставить ее в покое.

— Ой, да кто тебя держит, лезь хоть в петлю головой ради очередного доказательства своей независимости и самостоятельности, — обиженно воскликнул он. — Хочется побыстрее оказаться в пасти вампира?! На здоровье. Надеюсь, это доставит тебе удовольствие.

«О, круглоглазый, — вздохнул про себя Таймацу, — даже будучи величайшим чудом в мире, как же ты по-человечески недалек! Эта женщина защищает тебя, как может, как умеет, а ты слышишь в ее словах только личное оскорбление!» Относительно себя самого он не сомневался. Он будет сегодня ночью там, куда намерена отправиться Соня, и ничем не выдаст своего присутствия, если не поймет, что оно ей необходимо. Но если дело примет опасный оборот, она может рассчитывать на него. Только сначала... Осенняя Луна вдруг отчетливо ощутил, что должен кое о чем поговорить с нею. Он не знал, почему это так, но испытывал странное чувство, будто струйка песка в часах его собственной жизни становится все более тонкой.

Он сделал Соне знак выйти из особняка.

— Я хочу поговорить с тобой о Гларии.

Это было несколько неожиданно. Да простят ее боги — поначалу воительница слушала остро-вятинина не слишком внимательно, в ее голове роились тысячи совсем иных мыслей, которые требовалось привести в порядок, и более того,

она не понимала, с чего вдруг именно сейчас Осенней Луне пришло на ум затеять подобный разговор.

— Помнишь, я сказал тебе, что она умерла, а ты тогда мне возразила, сравнив ее уход с тем, как Эльбер покинул Бельверус и жил в племени? Но это совсем разные вещи, и я хочу, чтобы ты правильно поняла меня. Эльбер просто обладает счастливым свойством перевоплощаться, принимая разные образы. Но не Глария, у которой была всего одна жизнь, цельная, как монолит, и одна любовь, утрату которой ничто не могло возместить. Когда я принес ее сюда, с ней происходило нечто странное. Она выглядела... окоченевшей, деревянной. Все ее мышцы были не расслаблены, как при обмороке, а невероятно напряжены. Она была худая... руки и ноги — как тростинки. А глаза совершенно пустые, словно из нее выпили душу. Я давал ей отвары, которые поддерживали в этом теле жизнь, и несколько позже она начала вставать и ходить, но словно во сне. Она двигалась, как привидение, или застывала и подолгу стояла неподвижно, глядя прямо перед собой. Это трудно описать словами, но даже на меня она наводила трепет, когда я видел ее такой.

— Она сошла с ума, — рассеянно отозвалась Соня, подводя итог. — Ты это хочешь сказать? Я слышала, некоторые безумцы ведут себя именно так.

— В другое время, — продолжал Таймацу, — она начинала тихо, мучительно стонать и пла-

кать, просто заливаясь слезами, протягивала руки к чему-то или кому-то, видимому лишь ей одной. Когда я подходил к ней, она прижимала палец к губам и говорила: «Тише. Слышишь? Он зовет меня... я должна найти его». И она не успокаивалась, пока я не делал вид, будто ищу вместе с нею. А наутро она ничего не помнила. Когда я спрашивал ее, куда она ходила и что делала, она не могла мне ответить и не понимала, чего я от нее хочу. Мои расспросы ее только огорчали. Но я не сомневался ни тогда, ни теперь, что ее сны вовсе не были фантазией безнадёжно больного ума! Глария словно выпадала из времени, которое текло для нее иначе, нежели для других людей, и пребывала в трансе, но больна она не была, вовсе нет! Я выяснил это, догадавшись попробовать расспросить ее во время тех ночных перемещений.

— Ты хочешь сказать, что с ней все было в порядке? Но нормальный человек так себя не ведет.

— Она вдруг принималась говорить на языке, которого нет в числе известных мне хайборийских наречий, и которым Гларии просто негде было овладеть. Такое не объяснишь помешательством. У меня создавалось впечатление, будто в ее теле не одна, но сразу две разных души, два существа, сущности, тайны.

— Тот, кого она искала... конечно же, Эльбер?

— В том-то и дело, что нет, хотя порой она звала и его тоже. Но чаще называла другое имя. Не Эльбер. Элгон.

Соне вдруг стало так жутко, что она невольно обхватила себя руками за плечи, унимая дрожь, как под порывом ледяного ветра. Об Элгоне Глария понятия иметь не могла!

— А себя саму называла Маргиад.

— О, нет, — выдохнула Соня. — Маргиад мертва не одну сотню зим!..

— В том-то и дело. Но я сам узнал об этом значительно позже, от тебя и Эльбера. Видишь ли, Соня, духи умерших в те моменты, когда защита человека ослаблена, способны проникать в нас и уносить в свое прошлое. Такова природа вещих снов, ночных кошмаров и тех странных состояний, когда в незнакомом месте ты вдруг отчетливо чувствуешь, что уже бывал здесь когда-то прежде. В теле Гларии, где Маргиад чувствовала себя желанной гостьей, она двигалась. Она вспоминала. Желанной, — повторил он, явно добиваясь, чтобы Соня вполне поняла его, — потому что в иное время, когда дела пошли лучше, и Глария осознавала себя саму, это причиняло ей страшную боль. Такую, что я, наконец, был вынужден притупить эту, настоящую, память и создать Кейулани.

— С помощью тех же ухищрений, какими пользуется Эльбер, чтобы изменить внешность?

— Не совсем так. Я добивался, чтобы прежде всего изменилась самая ее суть. Образ старой знахарки примирил обе мятущиеся души, живущие в ней. Она с головой ушла в то, что увлекло ее, посвятив жизнь страдающим людям, и успокоилась. Почти прекратились сны и ночные

хождения. Для этого я тоже давал ей очень сильные снадобья, которые погружали ее в глубочайший сон, и в это время говорил с нею, открывая секреты Пути целительства — так получается надежнее и быстрее. Усвоенное во сне не только не забывается, но становится для человека чем-то совершенно естественным, так что, бодрствуя, он способен легко применить все то, что узнал... Я внушил ей, что она — старая женщина Кейулани, и Глария стала выглядеть и двигаться соответственно этому образу. Лишь очень постепенно я начал позволять ей снова вспоминать саму себя. Но я так и не знаю доподлинно, с чем, на самом деле, Единый пожелал, чтобы я столкнулся.

— Я тоже видела сны об Элментейте, вещие сны, которые потом сбылись в точности. Там, в Городе, мне явился дух Маргиад — мне и Эльберу. Девушка-королева передала мне камейку Сына Света...

— Да, когда вы мне об этом рассказали, я был потрясен. Слишком много совпадений, чтобы можно было от них отмахнуться и назвать случайностью.

— Эльбер еще сказал, что Маргиад и Глария внешне — одно лицо, как единоутробные сестры. И в жизни каждой из них присутствовал мужчина-иллюминат, к которому и та, и другая пылали безответной любовью. Элгон не мог забыть свою Мерулу, королеву-рабыню, Эльбер же вообще не способен хранить верность только одной женщине. Спустя века все повторяется почти в

точности. Элгон погиб, и Маргиад считали по отношению к нему предательницей, хотя на самом деле она даже в мыслях никогда не изменила ни ему, ни самой памяти о нем. Эльбер прошел через позор и изгнание, а Гларию полагал отвергнувшей, оттолкнувшей его... Таймацу, кажется, я все равно чего-то не понимаю!

— Маргиад так и не обрела покоя. Мы на Островах считаем, что, когда человек приходит в мир, в него вселяется душа кого-то, умершего прежде. И есть такие люди, которые сохраняют память о своих предшественниках, воплощениях, либо хотя бы отрывочные образы *оттуда*.

— Но я, например, не помню решительно ничего. Хотя, согласно этой идее, я тоже *была* раньше...

— О, да. Все это очень, очень сложно, Соня. Я хочу предупредить тебя...

— О чем?

— Об Огдене.

Вот еще один невероятный, резкий переход! У Сони просто голова пошла кругом.

— Не принимай *его* вечность, даже если такая мысль уже приходила тебе на ум. Не делай этого ни при каких обстоятельствах, помни, здесь кроется опасная ловушка. Тело — лишь оболочка, временное пристанище, и каждому из нас Единый определяет срок, когда мы должны его покинуть. Препятствовать этому не следует, ибо так ты отвергнешь свое более великое, истинное будущее. Поверь, это не то, чего ты для себя ищешь и ждешь.

— Мне не нравится, как ты это говоришь, — вырывалось у Сони. — Осенняя Луна, что с тобой? Ты словно прощаешься со мною! Ты выглядишь таким печальным! Это... из-за Гларии? — вдруг поняла она. — Ты ведь ее любишь, верно? Ты так много сделал для нее! И сейчас, когда ты рассказывал о ней...

— Из-за Гларии? — искренне удивился Таймацу. — Она удивительная женщина, я отношусь к ней как к сестре, и она заслуживает всей возможной нежности и тепла, какое только способен дать ей мужчина, но не я. Мы, уж точно, вовсе не созданы друг для друга.

Сердце Сони замерло и сжалось. Пожалуй, впервые, пристально взглянув в непроницаемые узкие глаза Осенней Луны, Соня отчетливо осознала: да ведь сердцем этого человека владеет вовсе не Глария, а... она сама! Он любит ее, по-настоящему, безгранично и преданно! Ни пылающая, как яркий факел, страстность Эльбера, ни темное, яростное стремление обладать ею, которое испытывал граф Ютен, не могут сравниться с силой и чистотой тех чувств, которые заключены в душе Призрака с Островов. И лишь он один хранил молчание об этих чувствах, ничего от нее не добываясь и не требуя. Об этом стоило подумать! Но, ради всего святого, не сейчас. Позже, когда она разберется с иными, более насущными сложностями. Ей нужно спешить, если она хочет застать пробуждение ванира, а завтра — или даже сегодня ночью, как только вернется в особняк — она продолжит разговор с Таймацу.

— Подожди... подожди немного, всего несколько часов, — тихо сказала Соня. — Может быть, мы когда-нибудь вместе увидим твои Острова.

* * *

Как удачно все сложилось, подумала Араминта, мысленно поблагодарив богов за такое везение.

Соня ушла, кажется, о чем-то серьезно поспорив перед этим с Эльбером... который решил не сопровождать ее. Он остался... он и она, Минта, благо ей позволили задержаться в особняке. Теперь остается собрать все свое мужество и сделать, наконец, единственно важный и верный шаг, к которому она давно готова. Ради Гларии, ради ее памяти, и Эльбера, и себя самой — она должна признаться ему в своих чувствах. Девушка нервно облизнула пересохшие от волнения губы.

Она не слышала ничего, кроме грохота крови в ушах, когда, почти теряя сознание от смущения, вошла к Эльберу и остановилась на пороге комнаты.

— Что тебе, крошка? — спросил он, заметив ее присутствие. Теплые, чуть прищуренные глаза смотрели внимательно и весело. Он рад ее видеть? Несомненно. Все так, как и должно быть.

— Я пришла, чтобы сказать... Я давно собиралась... Важно, чтобы ты узнал: я люблю тебя.

— Ну, отлично. Я тоже люблю тебя, — ото-

звался он. — Ты смелое создание, и я никогда не забуду, сколь многим тебе обязан.

— Нет, — она покачала головой, — я не о том. Не о... просто добром отношении и прочей ерунде. Я хочу принадлежать тебе, как женщина — мужчине.

Она шагнула к нему и, с силой обхватив за шею, прижала губы к его плотно стиснутым губам. Затем, отпрянув, слабо улыбнулась, ожидая ответных действий с его стороны.

— Ничего себе, — выдохнул он. — Невероятно!

— Может, ты думаешь, что я слишком молода для тебя? Но я давно не ребенок. В моем возрасте большинство девушек уже замужем. И я совершенно уверена в своих чувствах, — Араминта полагала, что зашла слишком далеко, чтобы можно было отступить.

— Прекрасно, — протянул Эльбер. — Тогда докажи мне это.

— Чем д-доказать? — запинаясь, произнесла она, затравленно глядя на него и не понимая, чего он еще хочет.

Лицо Эльбера вдруг показалось ей совершенно чужим, а он внезапно крепко обнял ее, и она почувствовала его настойчивый язык у себя во рту, так глубоко, что начала задыхаться. Хуже того, его властные руки жадно и грубо шарили по ее груди. Минта отчаянно рванулась, оттолкнула его и с остервенением вытерла губы ладонью.

— В чем дело? — спросил он. — Чем ты недо-

вольна? Если ты любишь меня, то должна быть готова отдать мне не только душу, но и тело, спать со мной, заниматься любовью так же, как это делают, скажем, лошади и собаки!

Минта молчала, в ужасе от его слов и не зная, как поступить.

— Будь я тем мужчиной, которого ты в самом деле любишь, это было бы для тебя абсолютно естественно, — улыбнулся Эльбер. — Ты бы хотела и ждала от меня именно таких действий.

— Я могла бы научиться, — прошептала она, опустив глаза.

— Милая, таким вещам не научишься, истинные чувства или есть, или нет. Одно могу сказать твердо, да ты уже и сама понимаешь, что я прав: я — не тот, кто тебе нужен, а когда он появится, ты безошибочно его узнаешь. Если не станешь снова себя обманывать, — добавил он. — Это я тебе обещаю.

— И ты не сделал бы со мной ничего, если бы только я... сама не этого захотела? — спросила Араминта.

— У меня было много женщин, но видят боги, я никогда, ни одну из них не брал силой. Ну, все? Ты успокоилась?

Успокоилась?! Да он только что дал ей куда больше, позволив ощутить себя совершенно свободной! Теперь Минта просто обожала Эльбера и полностью доверяла ему.

— Спасибо, — радостно произнесла она. — Извини, что я вела себя, как дура.

* * *

...В том, что без сложностей не обойдется, Таймацу убедился раньше, чем это стало очевидно Соне.

Пробуждения Огдена ожидала не она одна.

Островитянин, неотступно следовавший за нею, определил присутствие еще двоих людей возле гробницы сразу, хотя сама Соня еще ничего не успела заметить, а если и успела, то не поняла, что именно ее настораживает. Впрочем, те двое тоже не заметили, как она подошла, потому что были полностью сосредоточены на другом. При иных обстоятельствах Таймацу немедленно оказался бы бок о бок с Сонею и предупредил ее о новой опасности, но сейчас, в одном из двоих мужчин узнав Хэйдзи и прекрасно понимая, что это значит для него, он не смог вмешаться в ход событий сразу.

К этой встрече Призрак не был готов.

В небе угас последний солнечный луч, и могильная плита в склепе шевельнулась и сдвинулась.

— Сейчас, — одними губами прошептал Ютен, делая Хэйдзи знак приготовиться.

— Огден, берегись! — крикнула Соня, выростая перед ними, как из-под земли, лицом к лицу. У нее был выбор — избежать опасной встречи с графом, исчезнув так же бесшумно, как появилась, пока тот не заметил ее, или прежде подумать о том, ради кого она здесь, собственно, очутилась.

— Займись баджангом сам, — коротко бросил Ютен Хэйдзи, не сводя с Сони глаз. — Я счастлив, что мы с тобой снова встретились, моя дорогая рыжеволосая красавица! Как это романтично, не правда ли? Похоже на тайное любовное свидание, ты не находишь?

— Не подходи ко мне, — предупредила Соня. — Не приближайся, Ютен!

— Да ну? — он саркастически приподнял брови, словно ее слова его лишь чрезвычайно позабавили. — А то что?

Яростный, полный злобы и боли, неожиданно высокий визг Огдена заставил ее вздрогнуть и на мгновение отвлечься. Вампир атаковал Хэйдзи, натолкнувшись на непреодолимую серебряную преграду, а то, что Соня отреагировала на его вопль, выпустив из поля зрения Ютена, позволило графу-жрецу броситься на нее и повалить на землю с торжествующим криком. Нелепая, непростительная ошибка едва не стоила ей жизни. Понимая, что Соня — чрезвычайно опасный противник, Ютен не замедлил закрепить преимущество, ударив ее головой о камень и заставив на какое-то время отключиться. Второго удара, впрочем, не последовало. Таймацу метнул нож. Лезвие дважды перевернулось в воздухе и по рукоятъ вошло в шею графа, перерубив серебряный оберег. Ютен выпустил Соню и затрясся в предсмертных судорогах. Огден воспользовался этим, жадно припав к его горлу.

Хэйдзи прямо взглянул в глаза Таймацу. До Огдена, будь тот хоть трижды баджанг, ему

больше не было никакого дела. Но отступник, тот самый, за которым он столько долгих зим гонялся по всей Хайбории, теперь оказался в его руках, и Хэйдзи знал, что на сей раз ему не уйти...

И Таймацу знал это ничуть не хуже, поэтому просто стоял, опустив руки, не делая попыток сопротивляться или бежать. Упорство и мастерство его преследователя заслуживало награды. Хэйдзи не был его врагом, он лишь выполнял то, что был обязан исполнить. Ничего личного. Даже ненависти. Поменяйся они местами, Таймацу делал бы точь-в-точь то же самое и испытывал такие же чувства, поэтому прекрасно сознавал, что происходит сейчас в душе Хэйдзи. Когда-нибудь этому суждено было случиться. Осенняя Луна не ощущал ни страха, ни сожаления. Хэйдзи извлек ритуальный меч и протянул ему, показывая этим, что считает Таймацу заслуживающим достойной смерти.

Осенняя Луна благодарно склонил голову, принимая последний неоценимый дар, самую великую милость, какую только Хэйдзи мог ему оказать, и резким ударом вонзил остро отточенное лезвие себе в грудь, туда, где билось сердце.

В этот самый миг Соня очнулась — и увидела все, что произошло.

— Нет, Таймацу! Нет, пожалуйста, ты не можешь, не должен умирать! — Соня бросилась к нему, рухнув на колени над островитянином, обхватив руками его тело, не обращая внимания на то, что сама просто плавает в его крови, ко-

торой мгновенно пропиталась ее одежда. — О... зачем?!

Она опять опоздала. Он пришел сюда, чтобы защитить ее от опасности, а она не успела отплатить ему тем же.

Душевная боль сводила Соню с ума. Ее друг, воплощенная мудрость и верность, пожалуй, самый чистый, самый светлый из всех людей, которых она когда-либо знала...

— Не покидай м-меня, — рыдала она, и слезы смешивались с его кровью. Совершенно сломленная, она со стонами ползала возле остывающего тела, точно слепой детеныш, потерявший мать. — Таймацу...

— Соня, — Огден, утоливший первую жажду и теперь соображавший абсолютно отчетливо, подошел и встал рядом с нею, обняв воительницу за плечи. — Ты не потеряешь его. Посмотри на меня. Послушай.

Ее взгляд принял более осмысленное выражение, хотя пальцы по-прежнему сжимали руку Таймацу, которую у Сони не было сил отпустить.

— Он хранил меня, подобно доброму духу, — жалко всхлипывала она, содрогаясь от рыданий всем телом, — а я никогда не умела оценить это в полной мере...

— Он очень сильно тебя любил, — подтвердил Огден, — поверь, я знаю, что это такое, ведь я тоже однажды потерял всех, кто был мне дорог, и потом долгое время оставался один, окруженный лишь ненавистью и злом, пока ты не

решилась принять меня таким, каким я являюсь.

Из ее груди вырвался долгий, протяжный вой, прервав речь Огдена и заставив того немного подождать, пока этот душераздирающий горький плач не утихнет.

— Соня, еще не поздно. Я могу вернуть твоего друга. И через несколько дней он поднимется, став подобным мне. Но только ты можешь это решить за него. Одно твое слово... одно слово — и Таймацу обретет вечность. Ведь он это заслужил, как никто иной.

Его голос с трудом пробивался к помутившемуся от отчаяния сознанию Сони, и она не сразу поняла смысл слов ванира.

— О, Соня, — упрямо продолжал тот, — нам надо спешить, пока сюда не сбежалась половина Бельверуса! Решайся скорее! Только одно слово!

Вместо этого с ее губ сорвался новый дикий, безумный, пронзительный крик, полный ужаса и горя. Но на самой высокой ноте он вдруг оборвался. Ставшее за какие-то минуты неузнаваемым лицо Сони со спутанными, слипшимися от свернувшейся крови волосами и глубоко запавшими глазами выглядело так, словно перед Огденом предстала не женщина, а воплощенное исчадие преисподней.

Охрипший от рыданий голос прозвучал глухо и невыразительно.

— Огден? Таймацу может вернуться?

— Да, если я иницирую его, сделав своим пленцом. Ты получишь возможность видеть его,

говорить с ним каждую ночь, когда пожелаешь. Он не исчезнет, не превратится в тлен и прах, не станет добычей могильных червей, и ты останешься под его защитой навсегда, как и прежде. Ты сможешь сказать ему все, что не успела или не решилась, пока он был жив.

Искушение было огромным. По сути, Огден возвращал ей саму надежду.

— Почему... ты спрашиваешь моего разрешения? — она продолжала гладить остывающую руку Осенней Луны. — Какая тебе разница, что я скажу?

Новая волна боли уже накатывала на нее, грозя затопить с головой и лишит рассудка. Спазмы сжимали горло. С ними не было сил справляться.

— Никогда Мастер не создает *птенец* без сознательного, добровольного и безусловного, взвешенного согласия человека, который отдает себе полный отчет в том, каким изменениям подвергнется. Но это особый случай. Сам Таймацу не может ничего решить. Он мертв. Однако ты — самый близкий ему человек, по крайней мере, в Хайбории, а я полагаю, что и вообще в мире. Ты не сделаешь ничего такого, что было бы противно его собственной воле.

За всю свою жизнь Соня приобрела богатый, страшный опыт утрат. Ее мать, отец, один из братьев и множество других людей, которые были бесконечно дороги ее сердцу, один за другим ушли на Серые Равнины, покинули ее безвозвратно. Если же у нее имелся малейший шанс

спасти кого-то из них, поддержать едва тлеющую искорку жизни, Соня, не задумываясь, делала это. Но, конечно же, такой возможности, как вернуть назад уже ушедшего, у нее не было никогда, и только от нее одной сейчас зависело, какое решение принять.

Окаменев от муки, она замерла, не двигаясь, не издавая больше ни звука, и наступившая тишина была более гнетущей, чем недавние вопли горя.

— Я смогу видеть его, быть с ним, полагаться на его помощь и защиту... Огден, князь Огден, ради самой себя я, конечно, с радостью бы на это согласилась. Но... не он. Только не Таймацу. Если выбирать между смертью и не-жизнью, он бы предпочел для себя смерть, и я не могу принять иное решение, каким бы заманчивым оно мне ни показалось. Я не могу обречь его существовать — но не иметь возможности когда-либо снова увидеть рассвет и радугу. Не могу допустить, чтобы он, обреченный на вечную ночь, каждое утро умирал, превращаясь в труп, а пробуждаясь, пил чью-то чужую кровь. Он не такой. Это было бы противно самой его сути. Если есть выбор, не быть совсем или подняться в образе вампира... Ты просил, чтобы я сказала только одно слово. Я говорю: нет, — ее голос сорвался и упал до хриплого, но отчетливого шепота.

— Я понял. Исчерпывающе. Я уважаю твое решение, — сказал Огден.

Ладонь Сони, дронув, легла на лицо Таймацу, закрыв ему глаза.

— Отнеси его домой, князь Огден.
— Ты сможешь идти сама?
— Я смогу, — произнесла Соня. — Я справлюсь.

Через труп Ютена она перешагнула так, словно на ее пути была всего лишь сухая ветвь.

Глава десятая

Востерпимо яркий свет факелов, ударивший в лицо, почти ослепил ее, так что Соня зажмурилась и, вскинув руку, прикрыла глаза.

— Стоять! Не двигаться!

У нее не было сил сопротивляться и даже говорить, когда толпа стражников взяла ее и Огдена в плотное кольцо.

Огдена, дыхание которого она слышала рядом с собою, стоявшего с безжизненным телом Таймацу на руках. Должно быть, их вид ни у кого бы не оставил сомнения в том, что эти двое только что совершили преступление.

— Ничего себе! Гайсар, там еще один убитый, — крикнул тот из стражников, который метнулся во владения Ишума и нашел труп Ютена.

Гайсар только кивнул и приблизился к Соне, схватив ее за подбородок и вглядываясь в лицо.

— Кого я вижу? Прекрасная аквилонка, суп-

руга новоиспеченного подданного Бельверуса. И выглядит так, словно только что вдоволь наплавалась в целом пруду крови. Интересно, знают ли об этом твой муж? А с кем это ты столь весело и необычно проводишь время? — он кивнул в сторону Огдена. — У твоего спутника даже губы в крови — пьет он ее, что ли?

Знал бы Гайсар, насколько он близок к истине...

— Некоторые инородцы, наводнившие Бельверус, исповедуют культы, требующие человеческих жертвоприношений. Особенно после посещения Черных Королевств, где, говорят, дикари до сих пор отнюдь не брезгают пожирать трупы. Один из них вы прихватили с собой, а второй что, было не унести? Решили вернуться за беднягой попозже, или предпочитаете слегка протухшую падаль, изуверы? — вмешался Коувилар. В связи с исчезновением Араминты он лично участвовал в поисках пропавшей девушки. Но на подобную добычу рассчитывать, конечно, не мог.

Соня молчала. А что она, собственно, могла сказать?

— Мы никого не убивали, — произнес вместо нее Огден.

— Что заметно. Вы просто гуляли и случайно нашли двух свежезарезанных мертвецов. Подумаешь, невидаль какая, да они сплошь и рядом валяются, вечно приходится об них спотыкаться, — серьезно кивнул Коувилар.

Никому из стражников не пришло в голову

освободить Огдена от его ноши, а разжать руки, бросив Таймацу, и скрыться он не мог.

Кто-то завернул Соню руки за спину и стянул запястья веревкой. Кисти мгновенно онемели.

— Не трогайте ее, — прорычал Огден.

— Заткнись! Мы еще выясним, кто ты сам такой, — рывкнул Гайсар, подталкивая его в спину и заставляя идти вперед, в сторону городской тюрьмы.

— Мое имя Огден, я князь из Ванахейма!

— Чего и следовало ожидать — еще один инородец, — отметил Коувилар. — Что-то я о тебе впервые слышу, ты, пожалуй, находишься в Бельверусе и вовсе незаконно.

Несколько последующих часов выпали из сознания Сони, слившись в бесконечную череду душевных мук и отчаяния. Допросить ее не удалось — женщина выглядела почти безумной и, кажется, просто не способна была воспринимать ни угроз, ни криков, обращенных к ней. Когда ее на некоторое время оставили в покое, бросив в камеру вместе с трупом человека, которого, как предполагалось, она же сама и убила вместе со своим сообщником, «аквилонка» повела себя и вовсе странно. Она тут же подползла к умершему и прижалась к нему, обхватив его тело руками, словно пыталась собственным теплом вернуть его к жизни. Что касается Огдена, этот, похоже, не испытывал никакого страха. Он упорно повторял, что не причастен к убийству, но отказывался давать какие-либо объяснения случившемуся. На его плече отчетливо различалось

клеимо раба, принадлежавшего военачальнику Туоргу, что свидетельствовало о том, что в руках Коувилара оказался беглый невольник. Должно быть, возвращение его собственности могло весьма порадовать Туорга, но прежде следовало выяснить, что же все-таки произошло возле склепа.

Шел второй час ночи, когда дело неожиданно приняло еще более сложный оборот. Гайсар сообщил, что удалось найти Араминту.

— Она тоже мертва? — спросил Коувилар, уверенный в утвердительном ответе.

— Нет, — к своему удивлению, услышал он, — однако, похоже, имеет прямое отношение к происходящему. Как только мы задержали аквилонку, я со своими людьми отправился к ее мужу, чтобы поставить его в известность, и застал его с дочерью казначея.

По тому, как это было сказано, Коувилар заключил, что дочь Ишума не просто мирно беседовала с бритунцем.

— Надеюсь, ты привел их сюда?

— Конечно. Эльбер требует, чтобы ему дали возможность увидеть аквилонку.

— Я бы на его месте не очень чего-либо *требова*л, — заметил Коувилар. — Эти инородцы мне порядком надоели! — сорвался он. — Они у меня уже в печенках сидят! Будь моя воля, я просто казнил бы их всех без суда, и, честное слово, в Бельверусе стало бы гораздо спокойнее! Где этот бритунский ублюдок?!

Эльбер был совершенно ошеломлен обрушив-

шимися на него известиями. Насколько он понял, Таймацу мертв, а Соню обвиняют в убийстве Призрака, которое, к тому же, произошло возле усыпальницы Гларии. Он был совершенно убежден, что его подруга не может иметь отношения к этому ужасу — бритунец отлично знал, как они с Таймацу относятся друг к другу, но все доказательства свидетельствовали против нее. А сам Эльбер не мог ответить на простой вопрос — было ли ему известно, куда отправилась его жена. Сказать, что она собиралась предупредить некоего вампира о грозящей тому опасности, было немыслимо.

— Я вообще ни слова не скажу, пока мне не позволят поговорить с Соней, — упорно повторял он. — Где она? Что вы с ней сделали?!

— Это что *ты* сделал с дочерью казначея?! — Коувилар побагровел от подобной наглости: он привык к тому, что, стоит только человеку оказаться в руках охраны, с того мигом слетает всякая спесь, но бритунец никак не вписывался в нормальные рамки. Как, впрочем, и ванирский раб. — Горе Немедии, пригревшей на своей груди подобных вам змей! — выкрикнул он. — Ваше место на костре, на котором сжигают убийц-колдунов! Ты хочешь полюбоваться на свою рыжеволосую ведьму? Хорошо же, отведите его к ней немедленно!

...Соня почувствовала, как кто-то старается разомкнуть ее руки, по-прежнему обнимающие Таймацу, и протестующе замычала.

— Нет... нет...

— Боги, — произнес Эльбер, — Бара, приди же в себя, скажи, что случилось? — он прижал ее к груди, и Соня уткнулась ему в плечо. — Я здесь, с тобой. Успокойся.

— Осенняя Луна... его больше нет.

— Я вижу, милая. Но только ты можешь объяснить, как это случилось. Ты была там, когда...

— Ютен напал на меня. Таймацу убил его, а потом... — она снова задрожала всем телом от невыносимого яркого воспоминания, — потом — себя. Я успела увидеть, как он вонзил меч себе в сердце, но уже ничему не могла помешать. Там еще был его преследователь с Островов. Я не знаю, куда он исчез. Н-не заметила. Я не поняла, что между ними произошло, и как получилось, что...

Она видела, чувствовала, что Эльбер пребывает в не меньшем отчаянии, нежели она сама, но он старался справиться с собой, понимая, что Соне сейчас гораздо хуже — она с трудом переживала утрату. То, что теперь ей было с кем разделить свою боль, заставило ее ощутить некоторое облегчение. Таймацу значил для Эльбера столь же много, как и для нее.

— Огден сказал, что может дать ему вечность... А я не согласилась, — произнесла она. — Это было бы неправильно, ведь правда?

— Конечно. Он бы полностью с тобой согласился, Бара. Ни один нормальный человек не мог бы пожелать для себя *такой* вечности. А нам надо выбираться отсюда, понимаешь?

— Но как? — обычно Соне не требовалось чу-

жого совета, чтобы найти выход даже из самого отчаянного положения. Но сейчас ей было просто необходимо, чтобы кто-то другой принял ответственность на себя. Не всегда удается остаться сильной.

Прежде чем Эльбер успел хоть что-то ответить, дверь камеры распахнулась. Охранник, который вошел туда, выглядел на редкость странно и двигался, словно во сне, или как огромная, нелепая живая кукла. За ним следовали Гэмбан и Хэйдзи. Молча поклонившись замершим в недоумении и тревоге Эльберу и Соне, они склонились над телом Таймацу.

— Что вы делаете? — спросила Соня, не желая подпускать их к своему другу — даже мертвому. — Что еще вам от него нужно?!

— Он должен вернуться на Острова, — сказал Хэйдзи. — Нам следует забрать его туда, откуда он пришел в Хайборию.

— Соня, это правда, — подтвердил Эльбер. — Островитяне считают, что быть похороненным в любом ином месте для них равносильно несмыслаемому позору. Нам не следует мешать этим людям. Они знают, что делают.

— Но они считали Таймацу отступником! — не сдавалась Соня. — Он для них хуже собаки!

— Нет, — возразил Хэйдзи, решившись снизить до того, чтобы давать какие-то объяснения *не человеку*, к тому же женщине. — Он совершил ритуальное самоубийство. По нашим законам, теперь он вернул себе лицо и имя. Наши боги приняли его.

Тогда Соня, словно окаменев, замерла и не произнесла больше ни слова, пока Хэйдзи и Гэмбан проносили мимо нее тело своего брата.

Что до охранника, он по-прежнему не принимал никаких попыток воспрепятствовать также ей и Эльберу покинуть камеру. Бритунец, не собираясь прямо сейчас выяснять причину столь странного поведения этого человека, потянул Соню за руку, увлекая ее за собой.

...Коувилар, очнувшись и отчетливо вспомнив все, что произошло в течение ночи, с ужасом подумал о том, уж не сошел ли он с ума. В самом деле, у него в руках были столь сильно ненавидимые им инородцы, совершившие, как минимум, два страшных убийства, причем один из них — беглый невольник, которого следовало передать его господину. А вместо этого им самим, главой охраны Бельверуса, внезапно овладела полнейшая апатия, и он лично распорядился попросту *отпустить* их всех! Женщину, бритунца, даже того самого невольника, лица которого Коувилар не мог вспомнить, как ни старался. Только какое-то бледное расплывчатое пятно и ярко-синие холодные глаза, взгляд которых проникал, кажется, в самую душу. Как же его звали? Какой-то князь из Ванахейма... И как он, Коувилар, теперь объяснит собственные нелепые, безумные действия королю? Ведь даже убитого, который был сюда доставлен, не удалось отыскать — тело бесследно исчезло, словно его и не существовало. Хуже того, разве возможно кому-либо рассказать, что он видел, как жуткий ванир с

ледяными глазами поднялся в воздух и затем превратился в ничто, в туман? Мучительно пытаясь придать своему отчету хоть какое-то правдоподобие, он не мог унять дрожь, волнами проходящую по всему телу.

Еще одним человеком, пребывавшем в весьма похожем состоянии, была Араминта. Стоило ей увидеть Огдена, как девушка едва не лишилась чувств. Перед нею был, несомненно, *человек*, но в то же время, она безошибочно узнала в его чертах то существо, которое до полусмерти испугало ее накануне. Она открыла было рот, чтобы закричать, выдавая его охране, но тут Огден располагающе улыбнулся и прижал палец к губам. Минта не смогла издать ни звука, и сразу же за тем он начал растворяться в воздухе.

* * *

Чем дольше Аргеваль слушал непривычно сбивчивую речь Коувилара, тем сильнее становилось его недоумение. Что произошло с главой охраны? Откуда эта нерешительность, неспособность представить четкую картину того, что творится в столице Немедии?

— Я не считал возможным применить никаких мер, даже в рамках закона, к людям, которые находятся под твоим личным покровительством, господин, и представляют для тебя особую ценность. Полагаю, что поступил правильно, сохранив их неприкосновенность, а не заключив под стражу, как обошелся бы с кем угодно иным.

Доказательство тому — то, что они, в свою очередь, не предприняли попытки немедленно покинуть Бельверус, бежать и скрываться, вероятно, не ощущая за собой вины. Твоя воля и твоя власть поступить с ними так, как пожелаешь, и если предашь их в мои руки, я в точности исполню все, что ты прикажешь относительно них, но...

— Ты нынче что-то особенно многословен, Коувилар, — не выдержал король, поняв, что глава охраны, похоже, готов плести свои нелепые оправдания до бесконечности. — Мне сообщили — между прочим, еще прежде, чем это соизволил сделать ты сам — что жена бритунца обвинялась в убийстве, но ты распорядился отпустить ее...

— Э-э... никаких доказательств нет. Она всего лишь оказалась рядом с неким зарезанным человеком, но едва ли женщина была в действительности способна нанести ему смертельный удар такой точности и силы.

— Да? Я слышал другое... Что касается Эльбера, его застали в обществе юной Араминты, которую считали похищенной, о чем бритунец прекрасно знал, но удерживал ее в своем доме. На счет способностей рыжеволосой аквилонки я ничего сказать не могу, а вот Эльберу явно мало простолюдинок и шлюх, ему подавай только лучшее... — вопреки ожиданиям Коувилара, Аргеваль откровенно рассмеялся. — Один раз женщины его уже погубили, так нет же — он снова ищет похожих подвигов! Поразительно. Таких

людей, вероятно, жизнь ничему не учит. А что говорит ее отец?

— Ишум? Ничего. Он, кажется, даже рад, если бритунец положил глаз на Араминту, хотя и несколько смущен. Она же сама утверждает, что действительно была похищена каким-то существом, но потом оно ее отпустило. И Араминта, якобы, ничего не помнит. В доме Эльбера она, по ее словам, оказалась потому, что пыталась обратиться за помощью к нему и Соне, опасаясь, что неведомый похититель продолжает преследовать ее.

— Получается, что никто никого ни в чем не обвиняет, кругом одни невинные, законопослушные жители Бельверуса, и охране остается лишь радоваться, что посчастливилось нести службу в такое на редкость спокойное время. Ладно, Коувилар. Нынче же доставь бритунца ко мне, я сам с ним поговорю. Или ты... боишься его? Боишься, потому что не понимаешь. Напрасно! Поверь, он всего лишь ничтожный человек, такой же слабый и подлый, как вообще все люди... — Аргеваль время от времени становился склонен к философским обобщениям.

...Эльбер явился в его покои незамедлительно, и вместе с ним — Соня, готовая разделить со своим Муонгом любой приговор судьбы и ожидавшая некоей новой катастрофы. Однако создавалось впечатление, что король настроен весьма благодушно, хотя в этом таилась особенная, пока тщательно скрываемая угроза.

— Эльбер, друг мой, — начал он, — я смотрю,

ты все никак не уймешься. Вот — настоящий мужчина, достойный восхищения! И женщину нашел себе под стать — верно ли говорят, Соня, будто ты сильная колдунья? Можешь не отвечать, иначе тебе неизбежно захочется произнести какую-нибудь ложь, у женщин это получается словно само собою, и ты отнюдь не исключение... Да, так о чем это я? Видишь ли, Эльбер, как ты помнишь, я и сам не чужд творчеству, и мне знакомы взлеты души, оставляющие далеко внизу мышиную возню государственных дел. Насколько бы важными они ни казались сейчас, к вечности это не имеет никакого отношения, не правда ли? Знаю, знаю, ты не слишком высокого мнения о моих скромных талантах, которым далеко до твоих собственных. Я тоже не забыл, как божественно ты играл, и не случайно весь Бельверус в восторге рукоплескал тебе, так, что стены Килвы дрожали! Ты дарил мне немало радости, являясь истинной живой жемчужиной среди множества жалких стекляшек. Своей игрой ты вызывал у меня слезы восхищения, я нимало не стыжусь в этом признаться, и уверяю тебя, с тех пор, как мы расстались, никто более не поднимался до таких высот. Я тщетно искал подобного тебе среди актеров, но всякий раз испытывал лишь очередное горькое разочарование. О, ты знал, что такое искусство драмы, друг мой, и владел им в совершенстве, так же как мечом, когда сражался на арене. Тебе не было и до сих пор нет равных, поверь мне как ценителю, а не королю.

Речь Аргеваля звучала до того напыщенно, что с каждым следующим словом становилась все более похожа на надгробную эпитафию. Соня бросила на Эльбера быстрый взгляд, стараясь сделать это незаметно: бритунец выслушивал дифирамбы в свой адрес с каменным лицом, очевидно, тоже отлично ощущая, как сгущаются тучи над его головой, и уж точно — не обольщаясь относительно искренности своего венценосного «поклонника». Разумеется, он ни за что не позволил бы себе прервать поток королевского словоизвержения, но...

— Ты самым удачным образом сочетал в себе качества, которые способны свести с ума любую женщину. Талант, красота и необыкновенно сильная воля — что еще нужно человеку? — продолжал Аргеваль. — Неудивительно, что многие мужчины, напротив, ненавидели тебя и завидовали, опускаясь до интриг, недостойных даже портовых шлюх, но ты ни на что не обращал внимания.

«Это верно, — с горечью подумал Эльбер. — Второго такого самовлюбленного осла, каким был я в те годы, еще поискать. Иначе я не оставил бы после себя руины — разбитое сердце и жизнь Гларии.» Странное дело — никогда прежде он не сознавал этого так ясно и не ощущал так остро, как сейчас.

— Да, мой гениальный бритунский воин... Однако когда и в жизни ты пытаешься играть, полагая, будто получится столь же убедительно, как на сцене, все происходит совсем не так, как

тебе бы хотелось. Даже если ты призываешь в свидетели такую, безусловно, прекрасную и яркую женщину, которую избрал себе в подруги, — Аргеваль кивнул в сторону Сони и деланно вздохнул. — Просто все дело в том, что истина рано или поздно имеет пренеприятное свойство во всеуслышание заявить о себе сама. Никогда не знаешь заранее, чьими устами она это сделает! У меня тут появился один любопытный гость из Стигии, весьма уважаемый человек, к тому же великий жрец. Он проделал долгий и трудный путь до Немедии, и все для того, чтобы снова встретиться с вами обоими. Так вот, он заявляет, будто ни ты, Эльбер, ни великолепная рыжеволосая красавица Соня никаких сокровищ Города не находили и в глаза их не видели, а та бесценная вещь, которую твоя жена носит на шее, не снимая, на самом деле, была вами просто украдена — в Стигии, в ответ на гостеприимство жреца и его господина. После чего вы бежали так поспешно, что жрец даже не успел высказать своего вполне понятного недоумения по поводу подобного вероломства с вашей стороны. Надеюсь, вы знаете, о ком речь.

— О Мельгаре, я полагаю, — сказала Соня, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос не дрогнул. — Но он сам беззастенчиво лжет. Ему отлично известно, что мы действительно побывали в Городе...

— Ну конечно, только там давно нет ничего, кроме руин, — кивнул Аргеваль.

— И моя камея *никогда* Мельгару не принад-

лежала! Он и прикоснуться-то к ней не мог! Ее вручила мне сама Маргиад, королева Города!

— Не та ли Маргиад, которая мертва уже тысячи лет? О, Соня, Соня, ты явно начала заговариваться, не в силах придумать ничего более убедительного. Да еще, помимо прочего, вовлекаешь других людей в ужасные преступления, которые задумала вместе с Эльбером. Я не настолько глуп и наивен, чтобы купиться на ваши рассказы, даже не удосужившись потребовать доказательств, однако ты все же нашла другого человека, безоглядно поверившего в них. Ликенион. Допустим, она сама далеко не образец кристальной честности, однако я не мог ожидать, что, по твоему наущению, она пошлет своих людей в сокровищницу с целью грабежа. Бедняжке нужны были огромные деньги для того, чтобы ты вновь отправилась в Черные Королевства и преумножила ее состояние, — король тихо засмеялся. — Более того, ты *требовала* от нее поступить именно так. Или она тоже лжет?

— Конечно, — Эльбер искренне позавидовал ледяной выдержке Сони. В этот момент даже у него потемнело в глазах, а в лице дочери Рыси ни один мускул не дрогнул. — Я ее никуда не посылала и ничего не требовала. С какой стати, ради всего святого? Нет, господин, ты ни в чем меня не убедил. Что мы имеем? Слово Мельгара и Ликенион — против моего и Эльбера. В равной степени можно верить или не верить и тому, и другому. Безусловно, наша судьба и сама жизнь — в твоей власти, но правителю более пристало

беспристрастно и мудро разбирать запутанный вопрос, нежели относиться к свидетелям предвзято.

— Это так. Ты видишь, я решился лично разобраться в происходящем, а не передавать полномочия представителям тайной охраны, хотя Коувилар был бы весьма не против заняться вами обоими. Этому несчастному вы ведь тоже каким-то неведомым мне способом отвели глаза, заставив его *отпустить* вас, и он тяжело страдает, ибо никогда еще не совершал такой нелепости. Он с огромным удовольствием, собственными руками, выбил бы из вас всю правду до последней капли. И я, увы, наблюдая столь прискорбное упрямство с вашей стороны, склоняюсь к мысли о том, чтобы позволить ему сделать это. Вы так упорствуете во лжи, что начинаете меня раздражать.

— Нам нечего сказать сверх уже сказанного, — отозвалась Соня. — Под пытками можно вырвать признание в чем угодно, но будет ли оно более соответствовать истине, или его произнесут лишь для того, чтобы избавиться от мук?

— По-всякому бывает. Пока не проверишь степень терпения человека, наверняка не узнаешь. Ты со мной согласен, Эльбер? Почему-то ты напрочь лишился своего обычного красноречия, предоставив женщине в одиночку пытаться настаивать на своем. Я надеюсь на твое благоразумие, на то, что ты не доведешь до крайних мер по отношению к вам обоим. Понимаешь, я не животное. Ты говорил о том, что соз-

дал некую драму и мечтаешь поставить ее и самому сыграть в ней. Не сомневаюсь в грандиозности твоего замысла! Мне страстно хочется лицезреть плоды твоих трудов, ибо искусство драмы — это, пожалуй, единственное, перед чем я устоять не в силах. Я хочу, чтобы ты еще раз, после стольких лет, порадовал мое полное скорби сердце своей неповторимой игрой, но как же нам быть, если против нас — само время? А? Позволить тебе несколько лун готовить свою постановку я не властен, — Аргеваль снова тяжело вздохнул. — А после того, как отдам вас Коувилару, ты едва ли останешься пригодным для чего бы то ни было.

— Мне не требуется нескольких лун и даже седмиц, — сказал бритунец. — Если ты решился погубить меня, завершив то, что начал девять зим назад, я не могу тебе помешать, господин, каковы бы ни были причины твоего гнева. Но я готов играть для тебя — в любое время, даже нынче. Я актер, в моем ремесле — весь смысл того, для чего я пришел в этот мир. Моя драма завершена, и поэтому я спокоен. Позволь мне прочитать тебе ее. Если даже у меня будет один-единственный зритель, зато — сам великий король Немедии! Этого более чем довольно.

Соня задержала дыхание, словно готовясь глубоко нырнуть. Она отлично понимала, сколь многое зависит от ответа Аргевалья, и с облегчением выдохнула лишь тогда, когда заметила, как блеснули глаза короля.

— Да, Эльбер, ты это сделаешь для меня. Я

готов тебя выслушать! Причем отнюдь не в гордом одиночестве. Нынче вечером ты выступишь перед людьми, которые, как и я, способны оценить созданное тобою. Их будет немного, я не обещаю тебе полных трибун, но предоставляю сцену Килвы.

Соня изо всех сил уперлась пальцами ног в подошвы сандалий — это был самый незаметный, но довольно действенный способ удержать расплывающееся сознание. Лицо бритунца стало совершенно отрешенным, словно все, чему суждено произойти с ним дальше, больше не волновало его и не имело никакого значения, а в целом мире не осталось ничего, кроме сияющей цели, к которой он подошел столь близко. Эльбер выглядел как человек, который впал в транс. Если у него прежде имелись весьма серьезные сомнения, относительно того, сможет ли он в полной мере осуществить задуманное — то теперь их время истекло.

— Господин, — произнесла, обращаясь к Аргевалю, Соня, — я ведь тоже имею право высказать одну просьбу? Князь Аггу и Арамента должны быть в числе приглашенных.

— Даже не стану спрашивать, зачем тебе их присутствие, — отмахнулся король. — Будь по-твоему.

* * *

Соня в последний раз коснулась руки Эльбера. Она и не думала, что это будет так тяжело

— оторваться от него, отпустить, оставив в полном одиночестве в самый важный, решающий момент, который должен определить и его дальнейшую судьбу... да, пожалуй, и ее тоже.

Она в совершенстве освоила науку сражений, всегда, сколько себя помнила, была бойцом по самой своей природе и не отступала даже тогда, когда кто угодно другой на ее месте отказался бы от борьбы. Но в этой битве Соне места не было, и она прекрасно это понимала. Находясь всего в нескольких шагах от Муонга, она сейчас была от него гораздо дальше, чем за тысячи лиг, словно отделенная незримой, но непреодолимой стеной.

Если бы она могла, она бы обратилась с молитвой ко всем богам, которых знала, но Соня давно разучилась о чем-либо у них просить.

Поэтому сейчас единственным, с кем она мысленно говорила, был Эльбер — Белый воин, который уже стоял на сцене Килвы и казался ей, сидящей на трибуне, таким далеким и маленьким. «Пожалуйста, Муонг, ты должен меня услышать! Вспомни, каким ты был в племени, где я впервые увидела тебя. Лучший охотник, не ведавший страха! Мы оба были немного другими тогда, и мы тоже не знали, что ожидает нас впереди — в точности, как теперь. Ожидая каждого нового дня, мы думали: «А что? Это будет любопытно — попробовать прожить и его тоже!» Ты помнишь, как мы согревали друг друга ночами, когда бесконечный дождь монотонно стучал по крыше из пальмовых листьев? Как ты учил ме-

ня загонять в сеть кабанов-бородавочников? И твои танцы возле костра, когда охота удачно завершалась, и долгие беседы с удивительным стариком Нгангой, который сказал, что тебе пора возвращаться домой...» Теперь она как будто стремительно проходила весь их совместный путь с самого начала, и, вспоминая каждый шаг, была безусловно уверена, что ни об одном из них не жалеет, неожиданно с удивлением осознав, что думает на языке племени Мбонго. На том самом языке, на котором Муонг когда-то объявил ее своей женой.

В этот момент Эльбер заговорил, поначалу медленно и негромко, так что ей пришлось напрягать слух, чтобы различить слова, но постепенно его голос становился увереннее и тверже, обретая невероятную силу, хотя на лице бритунца не было даже маски. Этот голос гремел, достигая самых отдаленных уголков огромного амфитеатра. У Сони мурашки пошли по коже, и волосы на шее поднялись дыбом. Она чувствовала, как ее душу захлестывает восторг и восхищение, и то же самое чувство читала, как в раскрытой книге, на потрясенных лицах сидящих рядом с нею людей. Сейчас здесь не было ни короля, ни военачальника, только зрители, внимавшие произносимым Эльбером строкам драмы, как могли бы внимать божеству. Еще *ничего* не произошло, а он уже подчинил их себе, приковал невидимой цепью, и...

Соня не смогла уловить момент, когда он начал *меняться*, и вместе с ним — все вокруг. Гра-

ницы, пределы амфитеатра раздвинулись, как по мановению великого волшебства, и скену озарил свет. А затем Килва просто исчезла, сменившись совсем иным пейзажем — величественной панорамой древнего Элментейта. И уже не актер-бритунец стоял в центре скены, а король-жрец Элгон в ниспадавших до земли белых одеждах, расшитых золотом. Да и не скена это была, а пространство возле алтаря, алтаря нового бога, явившегося взамен Моана, имя которому было — Свет.

И навстречу королю, что объявил себя Сыном Света, шла девушка, красота которой сияла воистину ярче звезд.

— Маргиад! — не выдержав, воскликнула Соня, но ее никто не слышал: Аргеваль, Ишум, Туорг, Мельгар — все они вскочили со своих мест, в ужасе от представшего им чудесного и грозного зрелища.

Элгон протянул руки к своей королеве, и она на миг застыла, любуясь им, перед тем как приблизиться и вложить свою точеную кисть в его крупную сильную ладонь. Для того, чтобы уже никогда не расставаться — ни в этой жизни, ни во всех возможных следующих, где бы и когда бы они ни встретились снова.

— Глария, — сказал Элгон, привлекая ее к себе. — Моя единственная королева...

— Я так долго шла к тебе, — отозвалась она. — Так бесконечно долго, Эльбер!

А потом она отвернулась от него, и ее поразительные ясные глаза встретились со взглядом

Сони. В них была такая благодарность и любовь, что воительница почувствовала, как к горлу подступают слезы. Камея на ее груди пульсировала, как живая. О, как жаль, что Таймацу этого не видит! И тут она ощутила его присутствие, доподлинно зная, что не ошиблась. Призрак тоже был здесь, рядом с нею, с ними, чтобы разделить это волшебство.

— Пойдем, дочь Рыси, — почти неслышно шепнул он ей, — ты сделала все, что было в твоих силах, и даже немного больше. Тебя ждут.

— Кто? — не поняла Соня, но не осмелилась возражать. Ведь Таймацу всегда знает, знает лучше нее, как следует поступить.

* * *

Следуя за Призраком, она очень скоро снова оказалась на улицах Бельверуса, тоже, на эти несколько часов, преобразившихся и более похожих на Элментейт, только здесь было значительно темнее, и Соня вспомнила, что сейчас глубокая ночь. Кто-то, действительно, терпеливо дожидался ее появления, прислонившись плечом к стене, и, подойдя ближе, Соня узнала Огдена.

— Я не мог туда пойти, — сказал ей ванир. — За сто пятьдесят лет мне впервые жаль, что я не в силах выносить дневной свет. Порождение мрака, — он с горечью усмехнулся. — Послушай, я отправляюсь в Ванахейм, но для такого, как я, подобные перемещения очень опасны. Ты не согласилась бы меня сопровождать?

— Иди, — кивнул Таймацу. — Это будет справедливо и правильно.

— Я согласна, — вздохнула Соня. — Только не надейся, что я когда-нибудь соглашусь еще и на то, чтобы стать тебе подобной! Пойми это с самого начала!

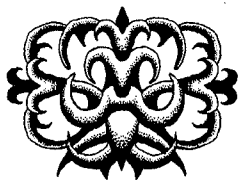
— Как скажешь, дочь Рыси, — смиренно подтвердил ванир.

Но ей почему-то показалось, что просто так это хитрое создание от своего не отступится.

Эпилог

Руда ведет ее дорога? О том ведают одни только боги. Они взирают на смертных из своих невообразимых далей... Сочувствуют ли им? Смеются ли над ними? Зачем подвергают их испытаниям? И может ли человек хоть когда-то сказать, что выдержал экзамен, и сделал именно то, что заслужит одобрение в глазах небожителей.

Да и стоит ли, вообще, искать этого одобрения? Для лучших из людей, для самых сильных и отважных, у кого хватит воли и смелости принять на себя столь непосильную ношу, нет нужды в чужой похвале... Равно как не страшатся они и хулы. Они сами себе — лучший закон и право.

Соня не думала об этом, когда пустилась в странствия вместе со своим столь загадочным — и опасным! — спутником. Впрочем, уж к чему, а

к опасностям ей было не привыкать. Равно как и к бесконечной дороге, что ровной лентой ложится под ноги горячего скакуна, обещая новые приключения за каждым поворотом, новые встречи и новых друзей.

Это не значило, что она готова была забыть своих прежних спутников, хотя из всех тех, с кем ей уже довелось повстречаться, сойтись и расстаться на жизненном пути, можно было бы, наверное, собрать небольшое войско.

Одни уходили от нее в мир мертвых. С другими разлучала сама жизнь... Рыжей Соне все они были очень дороги, и память о них жила в ее сердце.

Она любила Эльбера — но почему-то знала, что не будет слишком тосковать о нем... Лишь ждать неизбежной новой встречи, ибо они еще не простились навечно. Это чувство было очень сильным, и в таких вещах воительница никогда не обманывалась.

Однако если они и повстречаются — то уже просто как добрые друзья. Никогда не вернется то, что связывало их прежде. Эльбер принадлежал одной лишь Гларии, и это было справедливо, и Соня не испытывала ревности... Лишь, возможно, в самой глубине души, легкую тень светлой печали, что ей самой никогда, похоже, не суждено испытать столь же яростного, всепоглощающего чувства, какое связывало этих двоих на протяжении бесчисленных жизней.

Совсем иное — загадочный Призрак по имени Осенняя Луна. Но об этом ей пока было нестер-

пимо даже думать... Слишком сильна боль утраты. Возможно, позже, она сможет вспомнить о нем без мучительной тоски в душе... И тогда — дала себе зарок рыжеволосая воительница — она непременно отправится туда, где восходит солнце. На Радужные острова.

Какой-то таинственный голос говорил ей, что там Рыжую Соню ждет нечто очень важное. Открытия? Новые приключения? Или просто... долг?

Пока что она этого не знала. Но готова была идти туда, куда позовет ее сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Энтони Варенберг

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	93
Глава 4	132
Глава 5	178
Глава 6	229
Глава 7	251
Глава 8	283
Глава 9	326
Глава 10	349
Эпилог	372

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

МИР И ЕРО
стерлинга ланье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО
ИЕРО НЕ ЗАСЫТ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
СЛУГИ ТЬМЫ
ХОЗЯИН ТУМАНА
БРАТСТВО СВЕТА
ВЕЛИКИЙ ПОХОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

**«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

**ВЪЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

**Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»**

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
«Крокус-Сити», 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 110-89-55
Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46

Оптовая торговля:

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктор Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Варенберг Энтони
Рыжая Соня и Осенняя Луна

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU, E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

РЫЖАЯ
СОНЯ И
КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

14

РЫЖАЯ
СОНЯ И
БРАТА
НЕМЕДИИ

15

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ТЕНЬ
ЕДИНОРОГА

16

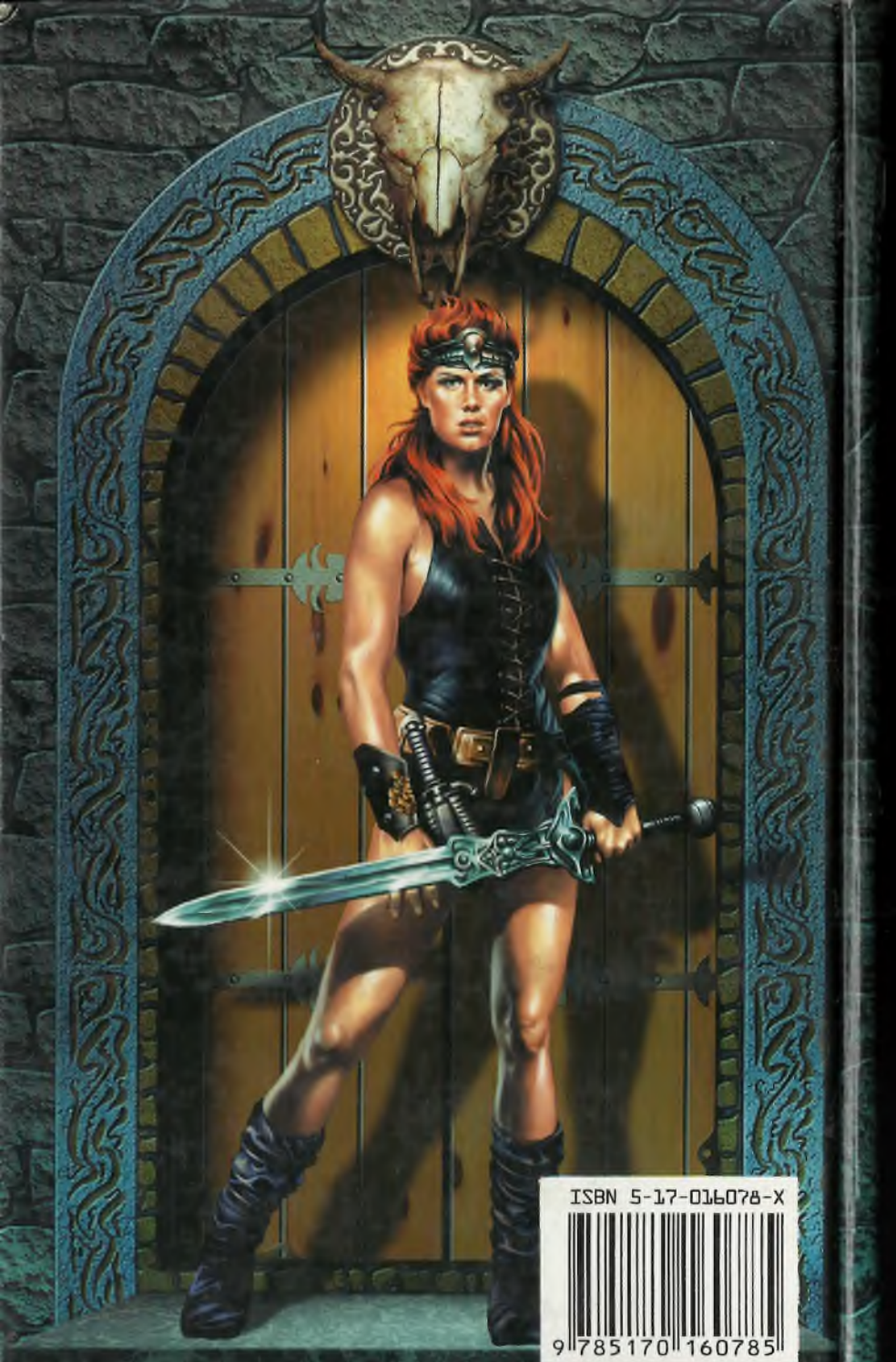
РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕСТЬ
ВОЛЧИЦЫ

17

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ОСЕННЯЯ
ЛУНА

18

ISBN 5-17-016078-X

9 785170 160785